Skazanīe o stranstvīi i puteshestvīi po Rossīi, Moldavīi, Turt︠s︡īi i ...

Parḟenīĭ

VE RI TAS

СКАЗАНІЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

и

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

постриженника

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѲОНСКІЯ

Инока Парѳенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

СКАЗАНІЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

и

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ

постриженника

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѲОНСКІЯ

Инока Парѳенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1856.

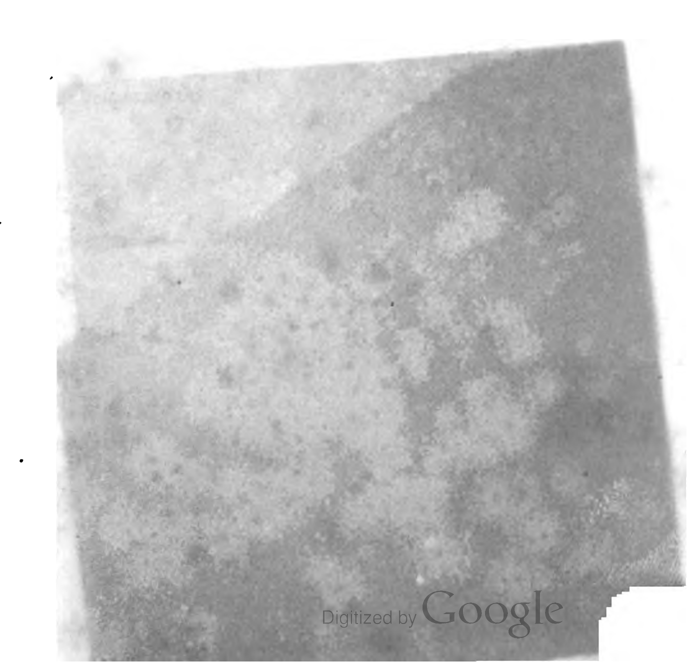
СКАЗАНІЕ

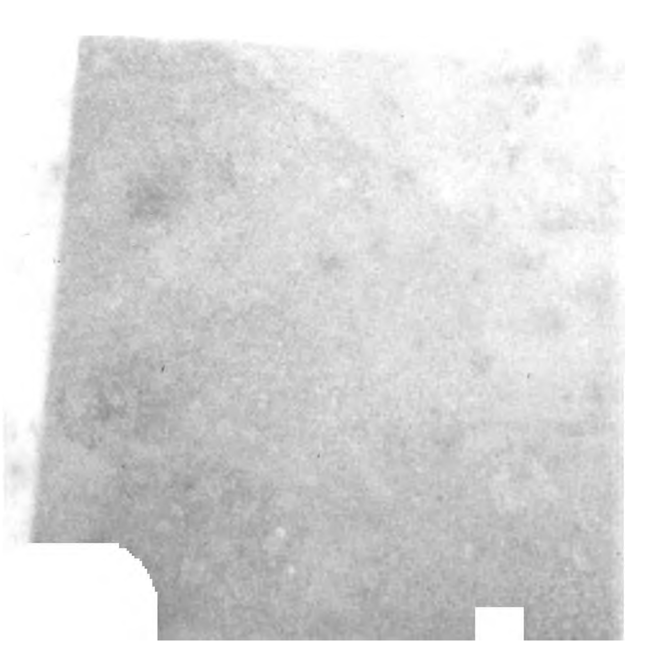
о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ И СВ. ЗЕМЛѢ.





СКАЗАНІЕ

о

СТРАНСТВІИ И ПУТЕШЕСТВІИ

по

РОССІИ, МОЛДАВІИ, ТУРЦІИ

и

СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫЯ ГОРЫ АѲОНСКІЯ

Инока Парѳенія.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ III.

(Изданіе второе, съ исправленіями)

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена,
на Софійской улицѣ.
1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Апрѣля 30 дня, 1856 года.

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМІЯ.

Ценсоръ, Виѳанской Семинаріи Ректоръ,

Архимандритъ Наѳанаилъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

Стран.

Стран.

Стран.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

СТРАНСТВІЕ И ПУТЕШЕСТВІЕ

по

ТУРЦІИ, МОЛДАВІИ И РОССІИ.

СТРАНСТВІЕ

по

ТУРЦІИ, МОЛДАВІИ И РОССІИ.

1. 1841 года, апрѣля 8 дня, во вторникъ на Ѳоминой седьмицѣ, съ душевнымъ прискорбіемъ и съ горькими слезами, разстался я съ св. Горой Аѳонской и со св. обителію русскою св. Великомученика Пантелеимона; и простился, получивъ послѣднее благословеніе, съ духовными моими отцами и со всею о Христѣ возлюбленною моею братіею. Сѣли на корабль, и отправились въ путь; но Богъ не далъ намъ добраго вѣтру. Много претерпѣли въ пути скорбей, и много насъ по морямъ качало; едва въ тридцать дней достигли до Царяграда.

2. По отъѣздѣ изъ св. Горы Аѳонской, едва въ третій день прибыли на островъ *Лимносъ*, и тамъ стояли восемь дней, за противнымъ вѣтромъ. И всегда очи свои устремляли на св. Гору Аѳонскую, и слезами лице свое омывали. Потомъ, медленно двигались по морю: по правую страну былъ островъ Лимносъ, а по лѣвую острова Тасъ, Самоѳракъ и Имбро.

3. Достигнувъ *Дарданельскаго пролива*, тамъ сами по берегу тянули корабль бичевой: ибо въ проливѣ

вода имѣетъ быстрое теченіе съ востоку. И прошли къ дарданельскимъ крѣпостямъ, которыхъ есть довольно по обѣимъ странамъ пролива: стрегутъ входъ къ Царюграду.

4. Остановились у великаго града, стоящаго на азіатскомъ берегу; по нынѣшнему называется *Ченоколь*, или по-русски *Чашечный*, потому что въ немъ много работаютъ разной посуды; отъ всѣхъ Державъ живутъ здѣсь консулы; въ древности сей городъ назывался *Кизикъ*; обагренъ мученическою кровію, и до-нынѣ имѣетъ престолъ митрополитскій; но здѣшній Митрополитъ всегда проживаетъ въ Константинополѣ на чредѣ, какъ членъ Святѣйшаго Синода; часто изъ нихъ избираются вселенскіе Константинопольскіе Патріархи. Проживаетъ же здѣсь викарный Епископъ. Церковь стоитъ по край города, прекрасная, хотя и безъ креста и купола; внутри убрана порядочно, по обычаю греческому; много иконъ и подсвѣчниковъ, лампадъ и паникадилъ; иконостасъ мраморный, и полъ также мраморный, и большіе хоры для женъ. Мы здѣсь стояли многіе дни, за противнымъ вѣтромъ.

5. Потомъ отправились, и шли проливомъ весьма медленно, и прибыли въ городъ *Калиполь*, стоящій на европейскомъ берегу; городъ великъ, но мы въ немъ не замедлили. На-противъ Калиполя, на азіатской сторонѣ, городъ *Лампсаки*, гдѣ жилъ св. великій Чудотворецъ Парѳеній Лампсакійскій; нынѣ городъ не великъ, на-подобіе села.

6. Изъ Калиполя отправились прямо въ Мраморное море; и много насъ по морю носило и качало противнымъ вѣтромъ. Потомъ направили корабль къ

азіатской странѣ, и пристали къ одному селу, въ которомъ сто домовъ: пятьдесятъ турецкихъ и пятьдесятъ христіанскихъ. Есть турецкая мечеть и христіанская церковь. Мы всѣ пошли въ церковь. У грековъ такой обычай: какъ гдѣ вышли на берегъ, въ селѣ или городѣ, первымъ долгомъ поставляютъ идти въ церковь и поклониться, а потомъ идутъ и за другими дѣлами. У грековъ только радости и утѣшенія что церковь. Взошедши въ церковь, много мы удивлялись усердію греческому къ св. церквамъ: въ селѣ только пятьдесятъ домовъ, а церковь великая каменная, иконостасъ мраморный, рѣзьба вызолоченная, иконы новыя высокой греческой работы, въ три ряда висятъ люстры, и большія хрустальныя лампады; кругомъ уставлена формами; есть хоры для женъ.

7. Простоявши тамъ три дня, потомъ отправились, и много по морю качались. Въ одинъ день плыли малымъ вѣтромъ противъ острова *Марморы*. Когда пришли на одно мѣсто: вдругъ всѣ греки духовные и мірскіе бросились на оба края корабля, кто съ чѣмъ могъ: иные обмакиваютъ въ море платки, иные хлопчатую бумагу, иные полотенца. Я много тому удивлялся: что̀ они нашли среди моря? И сталъ ихъ спрашивать: что̀ это значитъ? Они начали мнѣ сказывать: « Видишь: на водѣ плаваетъ масло; оно исходитъ со дна моря; потому что на семъ мѣстѣ, на днѣ моря, находится св. Трапеза изъ св. Софіи, и изъ нея точится сіе масло.» Я спросилъ: какимъ образомъ она попала въ море на дно? Они сказали: «Когда Царь, Великій Іустиніанъ, выстроилъ церковь св. Софію, тогда и сію трапезу чудотворную сдѣлалъ: она изъ разныхъ дорогихъ камней, и изъ разныхъ

составовъ слита. Когда лили её, тогда видѣли, что самъ Ангелъ Господень мѣшалъ, когда была на огнѣ. Когда же совершили, и поставили въ алтарѣ, тогда она показывалась разнообразно каждому смотрѣвшему на нее. Когда же, грѣхъ ради нашихъ, западные волки латиномудренные, во время крестовыхъ походовъ, устремились на Св. Восточную Христову Церковь, съ нею вмѣстѣ и на греческое царство, и взяли Константинополь, разорили его, обнажили его всего благолѣпія, и увезли многое на западъ, тогда также и сію св. Трапезу похитили, и положили на корабль, и повезли на западъ; но она на семъ мѣстѣ прошла сквозь корабля, и потонула въ морѣ, и корабль пропалъ. И до-днесь отъ нея исходитъ благовонное сіе масло; а подлинно на которомъ мѣстѣ находится, того узнать не можно, потому что масло захватываетъ мѣста много, да еще и вѣтромъ съ мѣста на мѣсто его переноситъ.» Это все я своими глазами видѣлъ. Извѣстно, что ежели море волнуется или рѣка, и пустить въ воду масла, то волны уменьшаются и вода укрощается: хотя и зыблется, но не всплескивается. Такъ и на семъ мѣстѣ: кругомъ море отъ вѣтру синѣется, и волна всплескивается, а на семъ мѣстѣ гладко, и вода только немного колеблется; и такого мѣста довольно: настоящаго сказать не можно, но верстъ на пять квадрату будетъ.

8. Вечеромъ прошли мимо города *Ираклія*: стоитъ на европейскомъ берегу, гдѣ былъ замученъ за Христа св. Великомученикъ Ѳеодоръ Стратилатъ. На азіатской сторонѣ, за моремъ, показывались великія горы, подъ которыми стоитъ славный градъ *Никомидія*, мѣстопребываніе мучителя Діоклитіана, Императора

Римскаго. Сей городъ Никомидія обагренъ и напоенъ кровію мученическою. Еще сказывали: тамъ есть русское село раскольническое, казаковъ Некрасовцовъ, называемое *Майносы,* имѣющее четыре часовни, попа же ни одного. На морѣ захватила насъ ночь. Море сіе называется *Мраморное* потому, что есть на немъ островъ, называемый по-гречески *Мармора,* а по-русски *Мраморный;* съ него много вывозятъ мрамору. Въ древности сіе море называлось *Ѳракійское,* потому что по европейскому берегу его лежитъ великая страна Ѳракія.

9. По-утру открылся намъ славный и великій градъ *Константинополь,* и показалъ свои турецкія мечети, подобно лѣсу. Потомъ показала обширную свою голову св. Софія, нынѣ называемая Софійская мечеть; и шли мимо города весьма медленно. Онъ расположенъ по берегу моря, Греки много между собою о немъ говорили, и головами своими качали. Я же много и скорбно удивлялся: надѣялся видѣть древнюю столицу греческой имперіи въ славѣ и лѣпотѣ, одно чудо въ свѣтѣ, по громкому его званію — *Царьградъ;* но я увидалъ напротивъ своей надежды: вижу не царя городовъ, но раба; только и видно, что торчатъ турецкія мечети, подобно какъ изъ развалинъ. Не видно ни улицъ, ни каменныхъ большихъ строеній, ни крашеныхъ кровлей; но постройка видна деревянная, изъ досокъ, покрыта черепицею, слита подъ одну крышу; улицъ совсѣмъ и не видно; мѣстами между домовъ много видится древнихъ развалинъ. Вотъ что сдѣлала злая рука турецкая: не только свою столицу не поправляютъ или не украшаютъ, но часъ отъ часу разоряютъ и опустошаютъ прежнее, и не

имѣютъ о ней никакого попеченія. Мы цѣлый день плывши, уже вечеромъ пришли въ гавань, гдѣ и ночевали.

10. По-утру была пятая недѣля по Пасхѣ. Мы всѣ монашествующіе наняли себѣ барказъ, положили свои вещи, и поѣхали на свое *Аѳонское подворье.* И пріѣхавши, перенесли свои вещи; тамъ дали намъ двоимъ комнату. Потомъ пошли въ церковь къ Литургіи. Пришедши въ великую патріаршую церковь, прошли въ алтарь, и тамъ стояли Литургію. По Литургіи прикладывались къ св. мощамъ и къ чудотворнымъ иконамъ. Во время Литургіи Патріархъ Константинопольскій стоялъ на своей патріаршей каѳедрѣ, которая еще соблюдается отъ временъ св. Іоанна Златоустаго. По лѣвую сторону Патріарха стояли двѣнадцать Митрополитовъ, также на каѳедрахъ, но пониже патріаршей; по правую же сторону стоялъ архидіаконъ, держалъ патріаршій крестъ, которымъ онъ благословлялъ. Патріархъ стоялъ въ мантіи и въ черномъ клобукѣ, а Митрополиты въ рясахъ и черныхъ клобукахъ. Предъ Патріархомъ стоялъ подсвѣчникъ со свѣщею. Литургію служилъ одинъ іеромонахъ съ іеродіакономъ. По окончаніи Литургіи, Патріархъ раздавалъ самъ антидоръ. Прежде подошли Митрополиты, потомъ мы, а послѣ всѣ прочіе христіане; и по отпускѣ подходили всѣ подъ благословеніе, и мы сподобились отъ вселенскаго Патріарха Анѳима получить благословеніе.

11. Въ понедѣльникъ, на шестой недѣлѣ по Пасхѣ, дали намъ человѣка съ подворья, показывать намъ домà, и мы пошли разносить письма, данныя намъ

изъ монастыря отъ игумена; и были мы во многихъ домахъ, господскихъ и купеческихъ; вездѣ насъ принимали и угощали. Комнаты у нихъ убраны прекрасно; потолки и стѣны расписаны и раскрашены, портретами, зеркалами и разными фигурами изувѣшаны; полы устланы дорогими коврами; возлѣ стѣнъ окладено пуховиками и подушками; стульевъ же и столовъ ни одного нѣтъ; принимали и угощали насъ одни мужчины, а женскаго полу мы и не видали. Много удивлялся я тому, что комнаты убраны, а иконъ нѣтъ ни одной ни въ какомъ домѣ. Я спросилъ брата: почему они не имѣютъ иконъ? Хозяинъ дому, услышавши про икону, спросилъ моего брата: «а что русскій отецъ говоритъ про иконы?» Мой же братъ сказалъ: «русскій отецъ удивляется тому, почему у васъ въ комнатахъ нѣтъ иконъ.»

12. Хозяинъ всталъ, взялъ меня за руку, и сказалъ: «*айда, патеросъ, влеписи*», то-есть: *иди, отче, посмотри*. И ввелъ насъ въ особую комнату, подобно церкви, токмо безъ алтаря, называемую по-гречески: *параклисъ*, по-русски сказать: *моленная:* въ три ряда уставлена иконами древними, украшенными золотомъ и серебромъ, и много горитъ неугасаемыхъ лампадъ съ елеемъ; во всю переднюю стѣну сдѣланъ аналой, на которомъ лежатъ служебныя книги псалтирь и октоихъ; внизу же во всю стѣну шкафъ; хозяинъ отворилъ его, и онъ наполненъ разными книгами и ящиками, въ которыхъ соблюдается разная святыня, переданная имъ отъ прадѣдовъ, и переходитъ изъ рукъ въ руки; онъ намъ показывалъ ее, также и иконы показывалъ, отъ древнихъ родовъ переданныя. Я, смотря на то, умилялся, что взошли мы подобно

какъ въ рай: не слышно и не видно никакого градскаго мятежа и шума; стоимъ кругомъ въ святынѣ, и обоняемъ неизреченное благоуханіе. Устроена же она въ заднемъ углу; окна обращены внутрь двора. Потомъ хозяинъ началъ мнѣ говорить: «Вотъ, отче св., ты сказалъ, что мы иконъ не имѣемъ. У насъ въ каждомъ домѣ есть особенная моленная комната. А какъ можно имѣть святыя иконы въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ гостей принимаемъ? Къ намъ приходятъ разные люди, турки и другіе иновѣрцы; а хотя и свои, то бываетъ тамъ выпивка, куреніе табаку, разные разговоры и смѣхъ. Какъ тамъ можно имѣть икону? Это ей будетъ поруганіе, а не честь. Иконѣ должно стоять въ мѣстѣ чистомъ и честномъ; потому мы и имѣемъ особливыя молитвенныя комнаты; мы и сами ходимъ сюда невсегда, но въ чистотѣ и со страхомъ, утромъ и вечеромъ помолиться Господу Богу; зажигаютъ же лампады и кадятъ св. иконы старые и молодые люди, которые всегда пребываютъ въ чистотѣ. И часто призываемъ священника, и святимъ воду; каждый праздникъ отправляемъ утреню; потому что турки ночью ходить не позволяютъ, и врата по улицамъ запираются. А къ Литургіи уже ходимъ въ соборъ; а въ нѣкоторые большіе праздники позволено намъ отъ самого Султана ходить въ церковь и въ самую полночь, на то мы имѣемъ особливые фирманы.» Слышавши я сіе, весьма полюбилъ греческій благій обычай, и порадовался тому, какое они имѣютъ къ св. иконамъ уваженіе, и какую воздаютъ имъ честь. Воистинну благословенны греки! Хотя и въ неволѣ турецкой живутъ, и тяжкое иго несутъ, но право имѣютъ свое благочестіе содержати.

Послѣ сего я во всякій домъ какъ приходилъ, такъ и спрашивалъ: *опу эхи параклисъ*, т. е: гдѣ у васъ моленная? И вездѣ мнѣ показывали; въ нѣкоторыхъ же богатыхъ домахъ находилъ и церкви.

13. Во вторникъ, на шестой недѣлѣ, пошли мы къ самому первому греку, именемъ *Стефанакію*, Князю острова Самоса, тестю молдавскаго Князя Михаила Стурдзы, управляющему молдавскимъ посольствомъ, въ Оттоманской Портѣ первому члену, отъ всѣхъ христіанъ первому и старшему прокурору въ святѣйшемъ Патріаршемъ Синодѣ, ктитора блаженной памяти Скарлата Каллимаха Князя молдавскаго близкому родственнику, задушевному другу учителя нашего и архимандрита Прокопія, который послалъ съ нами на его имя письмо и гостинцы, и просилъ его объ насъ, чтобы онъ помогъ, въ чемъ намъ будетъ нужда. Когда мы взошли во дворъ, попался онъ самъ на встрѣчу намъ, сопровождаемый своими родными, горько плачущими. Мы остановились. Онъ подошелъ къ намъ, и сказалъ намъ: «что̀ вамъ, отцы, угодно?» Мы подали ему письмо. Онъ взявши распечаталъ и прочиталъ, и самъ заплакалъ. Потомъ отдалъ письмо своимъ роднымъ, и велѣлъ взять отъ насъ гостинцы, а намъ сказалъ: «Извините, отцы; теперь не имѣю времени заняться съ вами: ибо позвалъ меня къ себѣ Султанъ строго, и теперь иду къ нему, несу свою голову, и не знаю, возвращусь ли домой живъ, или нѣтъ; и теперь вотъ меня родные провожаютъ и оплакиваютъ. А что̀ со мною случится, о томъ будете слышать; а теперь простите меня, и помолитесь за меня грѣшнаго, а послѣ понавѣдайтесь ко мнѣ.» И такъ проводили его до моря, и родные его всѣ о

немъ плакали, и прощались. Онъ сѣлъ въ легкій каюкъ, и съ многими знатными греками поѣхалъ къ Султану. Мы же пошли къ прочимъ знакомымъ. Однако, греки всѣ приуныли; всѣ заговорили, что Стефанакія Султанъ къ себѣ позвалъ грозно; а чѣмъ кончится, неизвѣстно. О бѣдные греки! Повсечасно ожидаютъ себѣ напрасной смерти или разграбленія имѣній своихъ.

14. Вечеромъ пришли мы на свое подворье, и увидѣвши всѣхъ своихъ монаховъ, пріунывшихъ и тяжко воздыхающихъ, спросили ихъ: «или получили какое извѣстіе отъ Султана?» Они намъ сказали: «Получили, что Стефанакій живъ, а Патріархъ низложенъ съ престола; за-утро какъ бы не было кровопролитія на патріаршемъ дворѣ: ибо здѣшніе обыватели какъ за Христа и вѣру стоятъ, такъ и за Патріарха. И прежде, когда этого перемѣняли Патріарха, весь дворъ обагрился кровію: больше двухъ сотъ человѣкъ убили.» По-утру, въ самое отданіе Пасхи, зашумѣли по улицамъ греки: всѣ бѣгутъ, всѣ единъ другаго предваряютъ, всѣ спѣшатъ на патріаршій дворъ положить головы за своего пастыря. Вотъ гдѣ благословенныхъ грековъ познается любовь и довѣренность къ своимъ пастырямъ, что души свои полагаютъ за пастырей! Греки считаютъ за великое счастіе умереть за Бога, за вѣру, за Церковь и за своихъ пастырей. И я сталъ собираться въ патріаршій дворъ посмотрѣть, какое произойдетъ дѣйствіе. Сталъ звать своего брата, чтобы узнать, что̀ они будутъ говорить, потому что я понимать по-гречески хорошо не могу. Отцы же наши насъ отговаривали и не пускали, дабы не пострадать или не принять смерти. Я же имъ сказалъ: «Греки — люди мірскіе, имѣютъ дома̀, женъ и дѣтей, — и не

боятся смерти; а намъ чего ея бояться? Мы монахи: у насъ нѣтъ никого, некому о насъ плакать.» Они сказали: «Мы васъ сожалѣемъ, а вы какъ знаете.» Мы же, простившись, пришли прямо въ церковь, гдѣ пѣли еще утреню. Послѣ утрени вышли на паперть, и тамъ насъ объялъ ужасъ: полонъ дворъ народу, всѣ толкуютъ, шумятъ и кричатъ. Мы же стояли и недоумѣвали, что̀ дальше будетъ. Потомъ подошелъ къ намъ одинъ грекъ, уже пожилыхъ лѣтъ, и сказалъ: «Отцы св., вы бы шли въ свое мѣсто: чего вамъ здѣсь смотрѣть? Теперь того и смотри, что въ крови потонешь.» Мы весьма испугались. Однако смотримъ: съ кѣмъ же будетъ драка? Воинства турецкаго нѣтъ, одни греки. Но одинъ сказалъ намъ, что послали за воинствомъ; потому и медлятъ.

15. Патріаршій домъ стоитъ къ задней стѣнѣ, четырехъэтажный. Потомъ вдругъ зашумѣли въ верхнихъ этажахъ, — это пошелъ народъ по лѣстницамъ. На самомъ нижнемъ крыльцѣ является Князь Стефанакій, съ своей сѣдой бородою и веселымъ взоромъ, уже не такой, какого мы его прежде видѣли, когда онъ ѣхалъ къ Султану. Потомъ Стефанакій возгласилъ веселымъ гласомъ: «Миръ вамъ, православные христіане! Поздравляю васъ съ отданіемъ Пасхи и съ новымъ Патріархомъ. Вы что̀ пришли? Не дать прежняго Патріарха? А его уже нѣтъ: ибо въ шесть часовъ ночи (по нашему въ двѣнадцать) увезенъ въ назначенное ему мѣсто. А у насъ уже Патріархъ новый: извольте получать благословеніе; а мы теперь ѣдемъ къ Султану на утвержденіе.» Потомъ вышли всѣ знатные греки, а за ними назначенный Патріархъ, благословлялъ обѣими руками народъ, а за нимъ всѣ

Митрополиты. Народъ же весь замолчалъ и затихъ: ибо видятъ не то, за чѣмъ пришли. И пошли къ новоназначенному Патріарху подъ благословеніе. Стефанакій съ Патріархомъ пошли къ морю, и сѣли во многіе каюки, поѣхали къ Султану, и пробыли у него весь день. Къ вечеру улицы и кровли наполнились народу; изъ домовъ повыставили окна. Послѣ вечерни и мы всѣ вышли на балконъ.

16. Въ часу шестомъ по-полудни услышали мы барабанный бой и военную музыку. Это уже вели Патріарха. Впередъ шло воинство въ парадѣ, били въ барабаны, и играла музыка; за войскомъ ѣхалъ Князь Стефанакій, со всѣми знатными греками на царскихъ лошадяхъ; за ними ѣхали двѣнадцать Митрополитовъ, тоже на царскихъ убранныхъ золотомъ лошадяхъ, въ рясахъ и клобукахъ, по-два въ рядъ; за ними ѣхалъ Патріархъ на султанскомъ богато убранномъ конѣ; за узду лошадь велъ молодой паша, въ богато убранной одеждѣ. Патріархъ сидѣлъ въ рясѣ и клобукѣ, и благословлялъ на обѣ стороны народъ; за Патріархомъ ѣхали два Архимандрита: одинъ держалъ патріаршій жезлъ, а другой бросалъ на обѣ стороны деньги. Потомъ ѣхали турецкіе начальники и воины, а за ними толпился народъ. И было народу многое множество: всякому желательно было посмотрѣть новаго Патріарха, въ таковой славѣ идущаго, и отъ самого Султана такою честію почтеннаго. Я, смотря на Патріарха, плакалъ и прославлялъ Бога, что еще въ такой чести отъ земныхъ царей пребываетъ святѣйшій вселенскій Константинопольскій Патріархъ. И не дивно бы было, если бы таковую ему честь воздавали благочестивые Цари христіанскіе; но

то меня приводило въ удивленіе, что воздаетъ ему такую честь самый врагъ христіанамъ, магометанинъ, Султанъ турецкій, хотя не для Бога, но для сану его и для міру. Бѣдные греки еще не вовсе сироты: хотя царство ихъ и разрушено, но имѣютъ себѣ четырехъ верховныхъ пастырей, святѣйшихъ Патріарховъ. Какъ только Патріархъ прошелъ мимо нашего подворья, мы пошли въ патріархію прямымъ переулкомъ, и пришли прямо въ церковь, въ которой были уже всѣ паникадила, люстры, лампады и свѣчи зажжены.

17. Стало смеркаться. Духовенство все стояло въ алтарѣ, въ облаченіи; было болѣе ста человѣкъ. Потомъ отворили царскія врата; впередъ понесли хоругви, фонари и много подсвѣчниковъ; потомъ пошли діаконы со свѣчами по-два въ-рядъ; за ними священники, потомъ архимандриты, всѣ по-два, потомъ семь діаконовъ съ киріями, а за ними святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, проживавшій тогда въ Константинополѣ, и пошли внѣ ограды на улицу. Потомъ пріѣхалъ Патріархъ, и ссадили его съ коня, а также и всѣ Митрополиты слѣзли съ лошадей. На Патріарха стали надѣвать мантію. Пѣвчіе запѣли: «*Достойно есть*» и проч. Турецкіе воины раздвинули народъ, и сдѣлали путь до самыхъ царскихъ вратъ. Потомъ пошли духовенство и оба Патріарха прямо въ алтарь, и затворили царскія врата. Воины стали возлѣ иконостаса, дабы народъ не подходилъ близко къ алтарю. Патріархъ былъ въ алтарѣ болѣе часа. Въ теченіе этого времени, въ алтарѣ много читали и пѣли. Новый Патріархъ дѣлалъ присягу; Іерусалимскій Патріархъ возлагалъ на него патріаршія отличія, а Митрополиты стояли кругомъ престола. Потомъ отво-

рили царскія врата, вышелъ Патріархъ, и благословилъ народъ. Потомъ взяли его два Митрополита, Халкидонскій и Ефесскій, подъ руки, и повели на патріаршую каѳедру. Онъ же подошедши положилъ три поклона, и поцѣловалъ каѳедру, взошелъ на нее, и благословилъ народъ патріаршимъ благословеніемъ, и пѣли ему многолѣтіе. Митрополиты же, Князья и весь народъ, ему покланялись. Потомъ Митрополиты стали каждый на своей каѳедрѣ, а Князь Стефанакій съ прочими князьями и знатными греками напротивъ ихъ.

18. Потомъ сдѣлалась во храмѣ тишина и молчаніе. Одинъ громогласный архимандритъ взошелъ на высокую каѳедру, гдѣ читаютъ Евангеліе, и сталъ сказывать весь ходъ дѣла, почему смѣнили Патріарха. Онъ говорилъ много, съ-часъ; а я упомяну хотя сотую часть. Прежде онъ похвалилъ преждебывшаго Патріарха Анѳима за то, что много исходатайствовалъ у Султана добра своему стаду, какъ сіе всѣмъ извѣстно. Смѣнили же его не по ненависти какой-либо, нижѐ по усилію еретиковъ, какъ прежде смѣнили блаженнѣйшаго Патріарха Григорія, нижѐ по другой какой-либо причинѣ, но по волѣ самого свѣтлѣйшаго Султана. Причина же тому такая: Вамъ всѣмъ извѣстно, что нынѣшнюю весну возстали междоусобныя брани и кровопролитія между христіанъ и турокъ: во-первыхъ, на островѣ Критѣ; во-вторыхъ, въ Болгаріи; въ-третьихъ, въ Анатоліи. Отъ этого и мы, константинопольскіе жители, сдѣлались у Султана въ подозрѣніи, а наипаче нашъ глава и пастырь, Патріархъ, и Князь Стефанакій, хотя они и не были тому причинны. И Султанъ съ гнѣвомъ призывалъ къ себѣ

Стефанакія, и едва могли Султана уговорить и успокоить. Тогда Султанъ приказалъ смѣнить Патріарха. Стефанакій же съ прочими знатными греками согласились его волю исполнить, и его успокоить. И пріѣхавши въ патріархію, объявили волю султана Святѣйшему Сvноду и самому Патріарху: и всѣ на то согласились, дабы успокоить сердце Султаново, дабы не пролилось напрасно крови христіанской. И по согласію всего Собора, избрали сего блаженнѣйшаго старца, тоже Анѳима, Митрополита Кизическаго, въ Патріархи. Потомъ сказывалъ родословіе Патріархово, дѣдовъ и прадѣдовъ, какія они оказали услуги Церкви благочестіемъ и подвигами противъ разныхъ еретиковъ и противъ Папы Римскаго, и гдѣ онъ обучался, кто у него были учители, гдѣ постриженъ въ монашество, гдѣ рукоположенъ въ іеродіакона, въ іеромонаха, въ Епископа и въ Митрополита, какъ онъ былъ у Султана, и что тамъ ему говорилъ Султанъ, и какъ онъ давалъ обѣщаніе Султану не имѣть никакого тайнаго заговора противъ Султана, и свою паству отъ того увѣщавать, и какъ, пришедши въ церковь, предъ всѣмъ Соборомъ, предъ Престоломъ Господнимъ, предъ Евангеліемъ, предъ честнымъ Крестомъ и предъ Св. Тайнами, Тѣломъ и Кровію Христовою, принималъ присягу, и давалъ клятву—чтобы содержать св. вѣру православную, по преданію св. Апостолъ и по правиламъ св. седьми Вселенскихъ Соборовъ и св. Отецъ: Василія Великаго, Аѳанасія и Кирилла Александрійскаго и Мелетія Антіохійскаго, и во всемъ послѣдовать прежде него бывшимъ Константинопольскимъ Патріархамъ: Григорію Богослову, Іоанну Златоустому, Фотію, Марку Ефесскому, и

защищать св. Восточную Христову Церковь и свою паству отъ невѣрныхъ и еретиковъ, клялся положить душу свою за Церковь и за стадо свое. Народъ же, какъ громъ загремѣлъ, сказали: «аминь.» Потомъ еще сталъ говорить: «да подастъ ему Господь Богъ содержать православную вѣру чисту и непорочну отъ всѣхъ ересей и раздоровъ; да подастъ ему Господь ревность по благочестію, да подастъ ему терпѣніе, да подастъ ему тѣлесное здравіе, да подастъ ему всякое благоденствіе.» И иное многое говорилъ. Народъ ко всякому прошенію говорилъ: «аминь.» Народу же въ церкви было весьма много. Послѣ всего начали подходить подъ благословеніе напередъ Митрополиты, потомъ Стефанакій съ знатными греками, за ними и весь народъ. А мы пошли домой.

19. Въ ту ночь приказано было не запирать градскихъ вратъ, и всю ночь ходилъ по улицамъ народъ. На другой день, въ праздникъ Вознесенія Господня, утреня была торжественная, по утрени и Литургія. Новый Патріархъ не служилъ, но стоялъ на своей каѳедрѣ, также и всѣ Митрополиты. Литургію же служилъ архимандритъ одинъ съ діакономъ: ибо когда Патріархъ въ церкви стоитъ, тогда не можетъ служить ни Епископъ, ни Митрополитъ. Константинопольскій же Патріархъ служитъ только четыре раза въ годъ Литургію: на Пасху, въ день Андрея Первозваннаго, въ Рождество Христово и въ недѣлю Православія; служитъ также, если кого случится рукопологать въ Епископа или Митрополита, но не въ праздникъ, а въ простые дни.

20. Были мы у князя Стефанакія въ гостяхъ, и онъ любезно съ нами разговаривалъ, и разсказывалъ,

вакъ былъ у Султана. Были также въ гостяхъ и на благословеніи у святѣйшаго Патріарха *Григорія,* ревнителя по благочестію, который удаленъ отъ патріаршаго Константинопольскаго престола по волѣ Султана, по навѣту и проискамъ папистовъ и самого Папы Римскаго; за него на патріаршемъ дворѣ много было пролито крови. Онъ принялъ насъ любезно: потому что когда онъ еще былъ Епископомъ въ городѣ Серезѣ, братъ мой Іоанникій былъ у него келейникомъ. Разговаривалъ съ нами любезно, угощалъ; а послѣ прочиталъ намъ разрѣшительную молитву, и благословилъ насъ. Онъ живетъ въ предмѣстіи, называемомъ *Арнаутка.*

21. Были еще на благословеніи у святѣйшаго Патріарха Іерусалимскаго, *Аѳанасія,* который живетъ на Іерусалимскомъ подворьѣ. Отъискали также многихъ знакомыхъ, которые живали въ нашемъ монастырѣ. Они насъ водили по Царьграду, и показывали намъ всѣ древности.

22. Были на *Балыклей*, то-есть, на *Живоносномъ Источникѣ,* которому Церковь творитъ воспоминаніе въ пятокъ на Пасхѣ. Сей источникъ находится внѣ Царьграда, съ версту отъ градской стѣны, за Адріанопольскими вратами, въ рощѣ; огражденъ каменною стѣною высокою, на-подобіе монастыря. И много внутри постройки: выстроена въ 1834 году, при помощи Султана Махмуда II, великая каменная церковь, во имя Богородицы, Живоноснаго Ея источника; сдѣлана вся изъ тесанаго камня, полъ чистый мраморный, на-подобіе льду, иконостасъ весь мраморный, рѣзьба вызолоченная, иконы самой высшей греческой работы, въ серебряныхъ вызолоченыхъ ризахъ; много

пожертвовано иконъ россійскихъ; а наипаче плащаница, арзамасской работы, всякой похвалы достойна, и удивляетъ всѣхъ смотрящихъ на неё. Одно большое россійское паникадило и два великихъ серебряныхъ вызолоченыхъ, пожертвованныхъ Султаномъ, — также удивленія достойны; много люстръ хрустальныхъ и вызолоченныхъ, множество лампадъ великихъ сребряныхъ и хрустальныхъ, много разныхъ подсвѣчниковъ Въ два ряда стоятъ колонны, поддерживающія своды, всё изъ чистаго мрамора; три въ рядъ престола. Воистину храмъ сей всякой похвалы достоинъ. И два Императора ему ктиторами: Россійскій и Султанъ турецкій. Внизу подъ притворомъ точится неисчерпаемый благодатный живоносный источникъ Царицы Небесной. Купѣль сдѣлана изъ чистаго бѣлаго мрамора, четыреугольная; посреди купѣли чаша, изъ которой течетъ чудотворная Богородичная вода. Вода же въ купѣли стоитъ аршина на два; вода чистая—какъ зеркало, холодная и пріятная для питья, такъ что можно пить каждому два ока, т. е. шесть фунтовъ, хотя бы былъ и потный. Я самъ много разъ приходилъ потный, и боялся пить много воды холодной; но приставники говорили: «отче, не бойся: больше будешь пить, больше здравія получишь.» Я же когда выпилъ два ока, почувствовалъ перемѣну: стало легко и пріятно; и благодарилъ Царицу Небесную за Ея великія чудеса. Если бы выпить столько простой воды, то надобно бы было умереть, или вѣчно быть нездоровому. Въ сей водѣ плаваютъ семь небольшихъ рыбъ. Греки говорятъ, что пущены онѣ послѣднимъ греческимъ Царемъ, Константиномъ Палеологомъ. Напротивъ купѣли, къ сѣверу,

небольшая церковь. Тамъ стоитъ чудотворная Богородичная икона Живоносная Источника. Вокругъ же стѣнъ стоятъ аналои; предъ всякимъ священникъ, и всѣ поютъ неусыпаемые акаѳисты и молебны; и горитъ безпрестанно множество свѣчъ и лампадъ. Возлѣ купѣли стоятъ четыре человѣка, которые черпаютъ св. воду, и подаютъ народу съ приглашеніемъ: «пріидите, приступите: безъ цѣны продается вода исцѣленія Матери Божія.» Кругомъ подѣланы чуланы, гдѣ обливаютъ больныхъ; тамъ всегда народу, какъ на торжищѣ; покупаютъ безъ цѣны здравіе отъ Царицы Небесной. Всѣмъ подается исцѣленіе, вѣрнымъ и невѣрнымъ, и всѣ безпрестанно приходятъ: греки, турки, турчанки, армяне, католики, всѣ со слезами просятъ Царицу Небесную, и принимаютъ исцѣленіе. Самъ Султанъ иногда посѣщаетъ, и приказываетъ ежедневно брать оттуда воды для приготовленія пищи; за нею ѣздятъ съ тремя боченками, и когда наполнятъ ихъ, то игуменъ кладетъ печать. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса*. Въ самыхъ врагахъ христіанамъ, въ магометанахъ, и тамъ прославляются дѣла Его. И тѣ, хотя и противъ Магометова ихъ скверная закона, но прославляютъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, видящи повседневныя бываемыя отъ Нихъ чудеса, и говорятъ: «велика въ женахъ св. Марія! И называютъ сію воду: «святая Марія.» И весьма Ее почитаютъ, говоря, что едина святая Марія родила великаго Пророка Іисуса, безъ мужескаго сѣмяни, но отъ Духа Святаго. Я спросилъ іеромонаха: «записываютъ ли чудеса, бываемыя отъ воды?»

Онъ отвѣтилъ: «А кто можетъ ихъ всѣ переписать? Сколько ежедневно приходитъ народу разныхъ вѣръ, столько бываетъ и чудесъ; ежели же записывать всѣ, то надобно имѣть нарочитую канцелярію.» На верху въ оградѣ есть мѣсто, гдѣ погребаются святѣйшіе Константинопольскіе Патріархи. На церквахъ крестовъ, куполовъ и колоколовъ не имѣется, но сдѣланы какъ и прочія Константинопольскія церкви. Въ пятокѣ на Пасхѣ, сказывали, бываетъ великое стеченіе народа, въ самомъ лучшемъ убранствѣ: жены и дѣвицы, гречанки, надѣваютъ на себя всѣ драгоцѣнности; пріѣзжаютъ Патріархъ, Султанъ, и приходитъ множество войска. И такъ мы, помолившись Божіей Матери, и напившись, умылись св. Ея водою, и потомъ воротившись въ городъ, пошли подлѣ городской стѣны, и минули многія греческія церкви, потому что нынѣ греки больше живутъ по край города.

23. И пришли къ лѣтнему царскому *дворцу Константина Великаго:* стоитъ въ самой градской стѣнѣ,—половина внутри, а половина внѣ града; великъ и прекрасенъ, съ разными фигурами. Имѣлъ два крыльца, или подъѣзда, одинъ отъ города, а другой съ поля; но нынѣ стоитъ пустъ, верхъ обрушился, внизу подѣланы каморки, и живутъ жиды.

24. Потомъ пошли къ сѣверу, къ гавани. Тамъ есть мѣсто и развалины, гдѣ была великая и славная *церковь Пресвятыя Богородицы Влахернская.* Въ ней сохранялись разныя св. достопамятныя вещи, и дважды въ ней чудесно являлась Божія Матерь, Царица Небесная: 1) въ царство Льва Премудраго, явилась во время всенощнаго бдѣнія св. праведному Андрею и св. Епифанію на воздухѣ, за міръ Христу моля-

щалася; 2) явилась въ видѣ Царицы мастерамъ каменоздателямъ, и послала ихъ въ Россію въ Кіевъ, для созданія новой великой Кіево-Печерской церкви. Нынѣ же сія небеси подобная церковь разорена и разсыпана: ибо турки пробили стѣну, и ворвались въ Константинополь вблизи ея, и сію церковь разорили.

25. А гдѣ былъ престолъ, тамъ есть небольшая пещера, и стоитъ въ ней много иконъ и великая икона Богородицы Влахернская, а внутри пещеры есть небольшой *источникъ воды,* называемый по-гречески *агіасма*, т. е. *святыня*, св. вода Влахернской Богородицы. Вмѣсто церкви даровала Божія Матерь сію св. воду для утѣшенія грековъ. Тамъ всегда пребываетъ священникъ, и служитъ молебны; горитъ много свѣчъ и лампадъ. Воистинну велики чудеса Пресвятыя Богородицы! Во всемъ Константинополѣ нѣтъ ни одного колодца, чтобы можно было пить воду; а хотя и есть колодцы, но въ нихъ вода соленая, пить никакъ нельзя, берутъ только для мытья. Жители же пользуются водою изъ фонтана, которая проведена издалека Царемъ Константиномъ. А сія вода—чистая, холодная, пріятная, вторая по Живоносномъ Источникѣ, и не только эта, но еще есть по Константинополю такія св. пріятныя воды. Воистинну Божія Матерь, Царица Небесная, не оставляетъ Своего великаго города, препорученнаго Ей Великимъ Царемъ Константиномъ, но посѣщаетъ его Своею благодатію, утѣшаетъ живущихъ въ немъ смиренныхъ грековъ! Отъ Влахерны пошли мы внутрь города близъ гавани, и минули многія церкви, въ которыя заходили, смотрѣли и поклонялись.

26 Потомъ пришли въ монастырь, въ *подворье св. Горы Синайской:* церковь велика и украшена, во имя св. Іоанна Предтечи.

27. Потомъ поднялись повыше, и пришли въ монастырь, въ *подворье Іерусалимское:* здѣсь пребывалъ и Патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій; церковь велика и прекрасна, во имя св. Великомученика Георгія. Оттуда возвратились на свое подворье.

28. На другой день съ вожатымъ пошли мы внизъ, подлѣ гавани, въ самую внутренность Константинополя; прошли сквозь *Гостиннаго двора,* и тамъ много я удивлялся тому, что весь Гостинный дворъ—со сводами, огню туда попасть невозможно; стѣны и своды раскрашены, тамъ множество улицъ и рынковъ, наполненныхъ народомъ, такъ что съ трудомъ можно было пройдти.

29. И прошли мимо *Дивана,* т. е. Оттоманской Порты, или Сенату, и прошли прямо къ *св. Софіи:* нынѣ обращена въ мечеть; обошли ее кругомъ, полюбовались на нее, и поплакали; а во-внутрь насъ злые турки не пустили, и смотрѣть намъ на нее много не дали; но прогнали злые турецкіе дервиши.

30. И мы пошли на площадь, именуемую *Царская,* или конное ристаніе. Тамъ прежде были греческихъ Царей дворцы, а нынѣ на томъ мѣстѣ выстроена первая и главная турецкая мечеть, которая превосходитъ и Софійскую.

31. На площади стоятъ два столпа: Ѳеодосія Великаго и Льва Премудраго; еще есть и третій, мѣдный извитый: говорятъ, что было свито два змія, но нынѣ вполовину сломанъ. Въ углу сѣверномъ стоитъ столпъ Царя Константина Великаго.

32. Потомъ пошли по самой большой улицѣ, взошли въ одну лавку: торгуетъ грекъ разными съѣстными припасами; мы пошли въ задъ, намъ сказали: «подождите,, тамъ есть люди.» Мы же удивлялись, что̀ такое тамъ. Потомъ, мало подождавши, смотримъ: изъ низу вылѣзаютъ женщины купчихи. Потомъ мы туда полѣзли: проходъ весьма тѣсенъ; и когда слѣзли внизъ, то вдругъ повеяло благоуханіе ладаномъ; взошли въ комнату: тамъ стоитъ множество иконъ, горитъ свѣчъ и лампадъ много, и сидитъ старый священникъ въ ризахъ, а послушникъ читаетъ; и мы поставили по свѣчѣ; тамъ — и колодезь неглубокій; вытащили воды, пили и умылись; вода холодная и пріятная. Мы же спросили: что̀ это значитъ? Вожатый нашъ, священникъ, сказалъ намъ, что это былъ домъ и лавка купца Ѳеодора, который бралъ деньги у жидовина (*), а эта его была молитвенная храмина; а вода сія св. сама чудесно истекла, и до-днесь бываютъ отъ нея чудеса.

33. Потомъ смотрѣли многія турецкія мечети, которыя прежде были христіанскія церкви. Въ одинъ день ходили смотрѣть самую древнюю патріаршую *церковь, во имя св. Апостолъ*: выстроена Царемъ Константиномъ Великимъ; въ ней служили великіе Святители: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ; въ ней и мощи его положены были, когда перенесли изъ Команъ; въ ней собирался вторый Вселенскій Соборъ; въ ней стояла патріаршая каѳедра до лѣтъ Царя Іустиніана Великаго. Онъ когда выстроилъ св. Софію,—

(*) Прологъ. Окт. 31.

туда перенесъ и патріаршую каѳедру. Храмъ великъ и прекрасенъ, съ тремя куполами; но нынѣ обращенъ въ мечеть, въ недавнее время, въ 1830 г., ради сотворшагося въ ней чуда при глазахъ Султана; прежде того почти четыреста лѣтъ церковь стояла пуста; и мы только посмотрѣли въ алтарь въ окно, и ничего въ ней нѣтъ, кромѣ одной люстры.

34. Противъ великихъ западныхъ вратъ есть *гробъ Царицы Евдоксіи,* которая изгнала св. Іоанна Златоуста въ заточеніе: на гробѣ лежитъ надгробный мраморный великій камень, съ верху и съ боковъ высѣчены четырехконечные кресты. И камень отъ времени почернѣлъ, стоитъ на ножкахъ, внутренность выдолблена, наливается вода, и сдѣланы краны, для питья, или для умовенія рукъ. Это все сдѣлалъ сынъ Евдоксіи, благочестивый Царь Ѳеодосій младшій, стараяся своей матери исходатайствовать прощеніе грѣховъ за изгнаніе неповиннаго Патріарха Іоанна Златоустаго, или можетъ быть еще мужъ ея Царь Аркадій. Здѣсь обличается безуміе и клевета россійскихъ раскольниковъ, называющихъ себя старообрядцами, которые отметаютъ четырехконечный крестъ, и называютъ его новымъ латинскимъ. Пусть разверзутъ свои очи, и безпристрастно посмотрятъ: когда былъ царь Аркадій, и когда былъ царь Ѳеодосій? Не явно ли, что во время Златоустаго, уже болѣе 1400 лѣтъ? Еще и Римъ тогда былъ въ цвѣтущемъ благочестіи. Изъ сего видно, что въ Св. Христовой Церкви съ самыхъ временъ Апостольскихъ употреблялся крестъ болѣе четырехконечный; а нѣкоторые дѣлали осмиконечные и шестиконечные, кто какой вздумаетъ, и опредѣленнаго положенія на то не было.

35. От храма святых Апостол мы пошли вниз по одной улицѣ, и пришли направо въ ворота: внутри садочекъ и огородъ; и въ самомъ углѣ пошли въ пещеру: тамъ много иконъ, и горитъ довольно свѣчъ и лампадъ; священникъ въ ризахъ читалъ акаѳистъ Богородицѣ; и тамъ — источникъ воды: мы напились и умылись; вода холодная и пріятная. Я спросилъ: «что это за мѣсто?» Вожатый нашъ сказалъ: «Это *святая вода Богородицы*, называемая *третья*, данная Богородицею въ древнія времена; и до-днесь бываютъ отъ нея чудеса. Но мѣсто сіе въ рукахъ турокъ, а наши христіане откупаютъ.» И я тамъ разсмотрѣлъ много небольшихъ крестовъ мраморныхъ: и всѣ почти четырехконечные и весьма древніе, такъ что мраморъ отъ камня не различишь.

36. Еще въ одинъ день ходили посѣщать гробъ и мѣсто преподобнаго отца, *Іоанна Кущника*. На гробѣ его растутъ три великія дерева: кипарисъ, платанъ и маслина; посажены, говорятъ, еще его родителями на томъ мѣстѣ, гдѣ была его куща и погребено тѣло. А гдѣ былъ домъ, на томъ мѣстѣ была сооружена церковь великая, но нынѣ обращена въ мечеть.

37. Еще вожатый нашъ, священникъ, сказалъ намъ: Въ нынѣшнемъ (1841) году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, не больше какъ двадцать дней, одному турку явился Святитель Николай ночью, и сказалъ, чтобы онъ покопалъ на дворѣ; назначилъ и мѣсто; и тамъ, сказалъ, есть моя икона, и будешь у себя имѣть на дворѣ источникъ, который будетъ исцѣлять болѣзни. Турчанинъ по-утру всталъ, осмотрѣлъ то мѣсто, и не сталъ копать. Святитель на другую ночь явился, и уже пригрозилъ; но тотъ не сталъ копать. На третью

ночь опять явился Святитель, и грозно сказалъ: «ежели ты за-утро не будешь копать, то уже больше живъ не будешь, и домъ твой разорю, жену и дѣтей твоихъ погублю.» Турка, пробудившись, весь сталъ трепетенъ. По-утру рано сталъ копать; и на верху стала появляться вода. Турка испугался, видя, что онъ въ бѣдѣ: ежели откопаетъ, то турки убьютъ его; а ежели оставитъ, то Святитель накажетъ: не зналъ что̀ дѣлать. Послѣ вознамѣрился идти къ Султану, и объявить ему: что̀ Султанъ скажетъ и сдѣлаетъ, такъ и будетъ. И пошелъ въ домъ, нарядился въ праздничную одежду, простился съ женою и дѣтьми; сказалъ: «прощайте: иду на смерть;» и пошелъ. Пришедши во дворецъ, просилъ доложить Султану. Султанъ потребовалъ его къ себѣ. Онъ войдя поклонился ему, и сказалъ: «Свѣтлѣйшій Султанъ! руби мою голову: ибо буду чуждую вѣру хвалить.» Султанъ сказалъ: что такое? говори скорѣе. Онъ же сказалъ, ка̀къ христіанскій Святитель трижды приходилъ въ нему, и что̀ говорилъ ему. Султанъ же разсмѣявшись сказалъ: «а ты въ чемъ виноватъ?» И приказалъ быть слѣдствію. Назначилъ часъ, когда пріѣдетъ самъ, и послалъ къ Патріарху, чтобъ онъ въ назначенный часъ въ томъ мѣстѣ былъ. Пріѣхали Патріархъ и Султанъ, и сошлось множество народа. Султанъ приказалъ копать землю; и вдругъ бросилась вода, и икона вышла съ водой. Патріархъ сказалъ, что это икона Святит. Николая. Турка сказалъ, что этотъ самый старецъ и являлся ему ночью. Икону Султанъ приказалъ поставить. И потомъ велѣлъ принести больнаго. Когда же напоили и обмыли больнаго, то сдѣлался здравъ. Султанъ покачалъ головой, и сказалъ: «алла,

алла», то-есть, Боже, Боже; и самъ уѣхалъ; а Патріархъ въ свое мѣсто уѣхалъ, оставивши тамъ икону. И творились многія чудеса. И пошли туда почти со всего города христіане и турки, и я былъ трижды. Вода, сколькобы ни брали ея, не убывала, и черезъ верхъ не бѣжала, а икона стояла при стѣнѣ. Пришли многіе священники, пѣли молебны. И по всѣ дни былъ полный дворъ народу. И было тамъ дней семь. Послѣ взбунтовались великіе духовные турецкіе: собравшись пошли къ Султану, и съ гнѣвомъ сказали: «когда ты хочешь быть христіаниномъ, то принимай христіанскую вѣру, а на обѣ стороны не хромай.» Султанъ же, испугавшись, сказалъ: «что это такое? я не понимаю.» Они сказали про сію воду, и что онъ весь городъ соблазнилъ, давъ волю христіанамъ. Султанъ же сказалъ имъ: «что̀ я буду дѣлать, когда сіе случилось въ глазахъ моихъ?» Они отвѣчали: «На то ты и царь; ты долженъ это прекратить, а то самъ отвѣтишь.» Султанъ послалъ тотъ же часъ войско, и всѣхъ со двора выгнали, воду засыпали, а икону неизвѣстно куда дѣли; хозяина изъ дому вывели, и домъ запечатали, и поставили у воротъ двоихъ часовыхъ. Теперь и ходить туда не зачѣмъ, потому что далеко.» Мы же упросили его сходить, и онъ послушалъ насъ. Пришедши, хотѣли посмотрѣть сквозь заборъ, но часовые насъ отогнали, и грозно намъ сказали: «идите прочь.» Мы отошли, и видѣли, что домъ запечатанъ, и окна закрыты. Тутъ подошелъ къ намъ одинъ турчанинъ старый, качая головою, и говоритъ намъ: «вотъ какое чудо у насъ здѣсь случилось: напрасно Султанъ уничтожилъ такой даръ; мы сожалѣемъ о семъ, да не наша воля.» Мы же пошли въ свое мѣсто. Еще много намъ пока-

зывалъ разныхъ древностей, которыя всѣ и описать невозможно. Весь Константинополь наполненъ древностями: потому что онъ не былъ разоренъ, а развѣ только что̀ пожары уничтожили. Еще намъ Богъ далъ опытнаго и знающаго вожатаго священника; а другіе — и жители, да не знаютъ, потому что занимаются дѣлами житейскими.

38. Въ одинъ день шли мы мимо одной великой мечети. Вожатый насъ остановилъ, и сталъ говорить: «Эта мечеть построена болѣе ста лѣтъ назадъ, но турки въ нее Богу молиться не ходятъ, и ею гнушаются, называя ее поганою; потому что который Султанъ ее строилъ, повѣровалъ во Христа. О семъ разсказываютъ такимъ образомъ: Въ одинъ день на Пасхѣ прогуливалась по Константинополю Султанская мать съ своею свитою, и шла мимо христіанской церкви, въ которой тогда совершалась святая Литургія, и услышавши пѣніе, захотѣла полюбопытствовать и посмотрѣть; взошла прямо на хоры къ женамъ, и простояла всю Литургію. Когда же разносили антидоръ, — и она взяла, и съѣла, и почувствовала нѣкое благоуханіе. Пришедши во дворецъ, сыну ничего не сказала, гдѣ была. Султанъ же почувствовалъ благоуханіе, и началъ удивляться и спрашивать, отъ чего происходитъ благоуханіе? И всѣ недоумѣвали. Потомъ мать отозвала его въ особливую комнату, и сказала, что это благоуханіе исходитъ отъ нея. И онъ почувствовалъ точно такъ, и спросилъ ее: отъ чего исходитъ отъ нея такое благоуханіе? Она же ему сказала: «Вотъ, любезный сынъ, какая вѣра христіанская, которую вы ненавидите и гоните! Я только взошла въ ихъ церковь полюбопытствовать и посмотрѣть, и съѣла ихъ

просфоры,—и вотъ какое пошло отъ меня благоуханіе!» Султанъ задумался, и многіе дни былъ въ задумчивости и уныніи. Потомъ призвалъ къ себѣ своихъ духовныхъ, великихъ муфтіевъ, кишишовъ, дервишей и мулловъ, и всѣхъ старшихъ пашей. И почтивъ ихъ и угостивъ, сказалъ имъ. «Я призвалъ васъ за тѣмъ, что хочу отъ васъ узнать: что̀ есть вѣра христіанская, и что̀ есть вѣра магометанская? Кто былъ Христосъ, и кто былъ Магометъ? И скажите мнѣ сущую правду: ибо я хотя и царь, но этого еще не знаю.» Они сказали: «оба были великіе Пророки, посланные отъ Бога.» Царь опять спросилъ: «для чего они были посланы?» Они отвѣтили: «Весь міръ отъ Бога отступилъ, и впалъ въ идолопоклонство; потому Богъ первѣе явился Аврааму, и сказалъ ему, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога вышняго, сотворшаго небо и землю, и велѣлъ ему обрѣзаться. Потомъ Богъ далъ законъ, писанный чрезъ Моисея Пророка, одному народу еврейскому; но они отъ закона отступали: потому къ нимъ посылалъ Богъ другихъ Пророковъ, и извѣщалъ, что еще пошлетъ единаго великаго Пророка, и уже не къ одному еврейскому народу, но ко всѣмъ; и сказывали Пророки о Его рожденіи, жизни и о смерти. И послалъ Богъ самого сего великаго Пророка Іисуса, называемаго Христа. И зачался Онъ не отъ мужа, но отъ Духа Святаго, и родился отъ чистыя Дѣвы, и сотворилъ великія чудеса. Но еврейскіе учители и власти, зависти ради, распяли Его на крестѣ; но Онъ въ третій день возсталъ, и пошелъ на небо къ Богу.» Султанъ опять спросилъ: «такъ Іисусъ на небо къ Богу пошелъ?» Они отвѣтили: «точно такъ.» Султанъ сказалъ: «а Магометъ что̀ значитъ?» Они

отвѣчали: «когда Богъ увидалъ, что Іисуса народы не послушали, и закона Его не могли принять, потому что онъ очень строгъ и тяжекъ; то Богъ послалъ другаго великаго пророка, Магомета, предать народамъ законъ полегче, чтобы всѣмъ былъ вмѣстителенъ.» Султанъ спросилъ: «а пророкъ Магометъ какъ родился, и сотворилъ ли какія чудеса?» Они отвѣчали: «Магометъ родился отъ мужа и жены, а чудесъ онъ не сотворилъ ни одного, потому что они ему не нужны, и что законъ его и безъ чудесъ всякъ можетъ принять за то, что онъ легокъ; а потомъ Магометъ умеръ и пошелъ также къ Богу.» Султанъ спросилъ: «а кто на второмъ судѣ будетъ судить родъ человѣческій?» Они отвѣчали: «великій Пророкъ Іисусъ Христосъ.» Султанъ спросилъ: «а Магометъ что̀ будетъ дѣлать.» Они отвѣчали: «Богъ Магомету съ его магометанами дастъ особливое мѣсто, гдѣ онъ будетъ покоиться.» Султанъ спросилъ: «а Іисусъ Христосъ кого будетъ судить?» Они отвѣчали: «весь прочій міръ и Своихъ христіанъ.» Султанъ опять спросилъ: «за что же Онъ будетъ судить Своихъ христіанъ, когда они въ Него вѣруютъ?» Они отвѣчали: «за то, что они Его почитаютъ равна Богу, и Сыномъ Божіимъ именуютъ.» Султанъ сказалъ: «только за это?» «Это что-то несправедливо. Можетъ ли это быть? Христіане много Его любятъ, и въ Него вѣруютъ, и Его почитаютъ, и Онъ за то ихъ будетъ мучить; а мы Его ненавидимъ и гонимъ, а Онъ насъ помилуетъ,— это совсѣмъ не приходится. Напримѣръ: я теперь царь и судья; ежели мнѣ кто вѣренъ и меня любитъ, тѣхъ и я люблю и награждаю; а ежели бы я ихъ казнилъ, то бы меня весь міръ осудилъ, что неспра-

ведливо поступаю; а я казню только враговъ моихъ и кто мнѣ противится; поэтому ваше рѣшеніе несправедливо, я его не прійму въ уваженіе. А вы ступайте, и подумайте хорошенько; и дайте мнѣ отвѣтъ настоящій, чтобы на чемъ было утвердиться; и даю вамъ сроку три дня, а потомъ всѣ опять ко мнѣ приходите.» Они же вышли отъ Султана, и въ тѣ три дня много совѣтовались между собою, и не нашлись что другое сказать, какъ только то, что̀ и прежде: Судія будетъ одинъ великій Пророкъ, Іисусъ Христосъ. И пришли чрезъ три дня къ Султану. Султанъ спросилъ ихъ: «какое сдѣлали разрѣшеніе?» Они отвѣчали: «то-же, что Судія будетъ одинъ, великій Пророкъ Іисусъ, а намъ съ Магометомъ Богъ дастъ особливое прекрасное мѣсто» Тогда Султанъ сталъ говорить: «А когда такъ, что Судія будетъ одинъ Іисусъ Христосъ, то Онъ Своихъ христіанъ никогда не осудитъ; потому что они въ Него вѣруютъ, и Его любятъ и почитаютъ, и Его волю исполняютъ. А Онъ осудитъ тѣхъ, которые Ему не вѣруютъ, и Его повелѣній не исполняютъ, и въ Него вѣрующихъ гонятъ; тѣхъ воистину уже предастъ вѣчному мученію.» Потомъ Султанъ всталъ съ мѣста и сталъ посреди ихъ, и сказалъ: «теперь вы, какъ знаете; а я вѣрую Тому, Кто судить будетъ, то-есть, въ Іисуса Христа.» Тогда турки всѣ взбѣсились, вскочили и бросились на него, и убили его. И такъ онъ крестился своею кровію, и принялъ вѣнецъ мученическій за великаго Судію, Іисуса Христа. И теперь въ сію мечеть турки не ходятъ.

39. Еще въ одинъ день шли мы мимо *гроба Султана Махмуда,* который умеръ въ 1839 г. Надъ нимъ

сдѣлана, на-подобіе часовни. великая и круглая крыша, вся вызолоченная; кругомъ сдѣланы окна; въ нихъ рамы вызолоченныя, повѣшены занавѣсы златотканныя; посреди стоитъ гробъ Султановъ, покрытый золотою парчею; кругомъ гроба стоятъ четыре подсвѣчника со свѣчами; на окнахъ золотыя чаши; проведенъ фонтанъ воды; тамъ стоятъ люди, и наливаютъ въ нихъ воду, и потчиваютъ мимоходящихъ. Нашъ вожатый, священникъ, выпилъ чашу воды, и намъ предложилъ, потому что время жаркое; и мы выпили: вода холодная. Я сказалъ своему вожатому: «хорошо ли мы сдѣлали, что выпили воды на могилѣ Султана?» Онъ же сталъ намъ разсказывать: «Этотъ Султанъ послѣ Россійской войны, по 1829 годѣ, сдѣлался добръ и милостивъ для христіанъ: онъ простилъ множество виновниковъ изъ христіанъ; въ Константинополѣ выстроилъ церковь на свой счетъ (*). Иногда онъ долго наединѣ сиживалъ съ Патріархомъ и разговаривалъ. Христіане на него смотрѣли, какъ на отца; турки же его ненавидѣли, и называли невѣрнымъ и христіаниномъ. И намъ говорили: «теперь вы дождались своего царя; уже теперь Султанъ — вашъ, христіанинъ.» И много онъ перемѣнилъ турецкихъ обычаевъ. И смерть его, говорятъ, была насильственная: потому что вечеромъ былъ здоровъ, ѣздилъ въ каюкѣ, а утромъ объявили, что умеръ.» Когда вожатый сіе намъ разсказывалъ: мы еще посмотрѣли на гробъ. Сколько въ Константинополѣ есть султанскихъ гробовъ, — ни одного нѣтъ такъ убраннаго,

---

(*) Чит. Гл. 22.

какъ этотъ. Молодой Султанъ Абдулъ любитъ отца своего, и ему подражаетъ. Еще много намъ вожатый показывалъ древнихъ монастырей и церквей: но иныя разорены, а другія обращены въ турецкія мечети.

40. Многажды мы ходили въ Галату, или Перу, и тамъ посѣщали многія греческія церкви; а наипаче часто посѣщали церковь *Святит. Николая*, которая замѣчательна для русскихъ и для всѣхъ славянскихъ родовъ, потому что каждую недѣлю и праздникъ бываетъ поздняя русская Литургія. Живетъ при ней русскій духовникъ, іеромонахъ Іеронимъ, сербянинъ родомъ.

41. Въ одинъ день прохаживались мы по Галатѣ: вдругъ попадаются знакомые мнѣ *раскольническіе монахи,* одинъ именемъ Дороѳей съ прочими, которые живали со мной въ Молдавіи въ Мануиловскомъ скиту. Когда же узнали одинъ другаго, то весьма были рады; потому что нѣсколько лѣтъ не видались, и много между собою разговаривали, и они меня спросили: гдѣ я проживаю? Я имъ сказалъ, что во святой Горѣ Аѳонской. Потомъ я ихъ спросилъ: «а вы далеко ли вздумали путешествовать?» Они мнѣ отвѣтили: «Ты хорошо нашелъ себѣ пристанище; а мы все еще вѣру ищемъ. Теперь идемъ въ Египетъ; говорятъ, что тамъ есть наши старообрядцы, и у нихъ есть Епископы.» Я же на нихъ посмотрѣлъ, да головою покачалъ, и сказалъ имъ: «Какіе ваши тамъ старообрядцы? какіе тамъ ваши Епископы? Тамъ почти и христіанъ уже нѣтъ, только одни магометане; а хотя и есть христіане, то болѣе еретики, которые отторгнулись отъ Святой Церкви еще во время четвертаго Вселенскаго Собора. А когда хотите узнать, что есть въ Египтѣ,

и что̀ есть за Египтомъ, то идите въ Аѳонскую Гору. Тамъ много есть братія съ тѣхъ странъ: они вамъ скажутъ; а я много ихъ спрашивалъ.» Они же мнѣ отвѣтили, что у нихъ есть вожатый, который самъ тамъ бывалъ, и сказывалъ, что тамъ есть русскіе. Я же имъ сказалъ: «Это какой-нибудь пройдоха васъ обманываетъ, — хочетъ васъ съ деньгами выманить въ ту дикую страну, и или васъ продастъ, или убьётъ. Какъ вы себя такому человѣку ввѣрили? Желательно бы было мнѣ его повидать.» Они же рады были сему, видя, что я имъ безпристрастно говорю, да еще и хорошо знаютъ меня. Привели меня къ себѣ на квартиру, угостили; потомъ пришелъ ихъ вожатый: я сталъ его разспрашивать, а онъ все вралъ самую небылицу; видя, что я нѣсколько про ту страну знаю, весьма усрамился. Монахи, видя его ложныя слова, сказали ему: «Эхъ, братъ, хотѣлъ ты насъ обмануть и погубить! Богъ съ тобой! Сколько ты у насъ забралъ денегъ: мы прощаемъ; только иди отъ насъ, куда знаешь.» Онъ же со стыдомъ убѣжалъ, и больше не показывался. А меня много благодарили, что избавилъ ихъ отъ бѣды. Я же сталъ имъ говорить: «Охъ, отцы, отцы! Чего бродить по свѣту, чего искать въ Египтѣ? — Вы знаете, что здѣсь въ Константинополѣ самая средина христіанству: во Іерусалимѣ корень, а здѣсь средина. Здѣсь въ Греціи собирались всѣ семь Вселенскихъ Соборовъ, здѣсь писались правила и уставы Церковные. Здѣсь жили святые Отцы: Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Ѳеодоръ Студитъ и прочіе во множествѣ. Здѣсь царствовали благочестивые Греческіе Цари. Отсюда и наша Россія приняла православную христіанскую вѣру. Здѣсь

есть самое сердце христіанству. Отсюду все благое произошло во вселенную, а наипаче въ Россію. Здѣсь есть престолъ Патріаршій, престолъ Апостольскій, святаго Апостола Андрея Первозваннаго. И вашъ любимый Патріархъ Московскій, Іосифъ, въ свидѣтельствованной имъ книгѣ, называемой «О правой вѣрѣ», пишетъ, «что Россія принадлежитъ Константинопольскому Апостольскому престолу, Вселенскому Патріарху, и во всемъ должна ему повиноваться.» И до-днесь живутъ здѣсь въ Константинополѣ два православные христіанскіе Патріарха, Константинопольскій и Іерусалимскій, и двѣнадцать Митрополитовъ, болѣе двадцати Епископовъ, и еще три Патріарха на покоѣ. И даже всѣ греки содержутъ древнія книги, иконы, правила и уставы и всѣ обряды церковные, которые имъ преданы отъ святыхъ Апостолъ и отъ святыхъ седьми Вселенскихъ Соборовъ и св. Отецъ; и имѣютъ самые древніе подлинники, безъ всякихъ переводовъ и переписокъ, потому что у нихъ языкъ тотъ-же, какимъ и древніе святые Отцы говорили и писали; на самомъ томъ языкѣ и нынѣ читаютъ; а хотя и есть новыя книги и иконы: но во всемъ съ древними сходны. А въ чемъ вы имѣете претыканіе и соблазняетесь, собственно въ трехперстномъ сложеніи, именословномъ благословеніи и четырехконечномъ крестѣ, то это греки приняли и содержутъ отъ самыхъ временъ Апостольскихъ и отъ святыхъ седьми Вселенскихъ Соборовъ. Здѣсь можно видѣть самое ясное доказательство: есть здѣсь самыя древнія иконы и надгробные царскіе камни.» Они же, выслушавши, спросили меня: «а что̀ ты можешь показать древняго чего нибудь?» Я имъ отвѣтилъ: «пойдемъ въ

патріаршую церковь, и тамъ сами увидите.» Они сказали: «мы боимся туда идти въ такомъ нашемъ одѣяніи.» Я сказалъ: «не бойтесь; идите со мною; за то я отвѣчаю.» Они пошли со мною, и пришли предъ вечернею: въ церкви никого не было, кромѣ пономарей. Когда же подошли къ иконостасу, — стали, и задумались. Я спросилъ ихъ: «что, отцы, каковы иконы?» Они отвѣчали: «мы такихъ еще не видали у себя и въ часовняхъ; только благословящія руки не по-нашему написаны.» Я же имъ сказалъ: «теперь смотрите явно своими очами; явно обличилось ваше упорство и ложная клевета на Россію: этимъ иконамъ болѣе пяти сотъ лѣтъ, написаны еще до взятія турецкаго.»

42. Еще повелъ ихъ къ *чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы,* стоящей на правой странѣ въ придѣлѣ. Предъ ней горитъ множество лампадъ, и виситъ паникадило. И я началъ имъ говорить: «Посмотрите сію чудотворную икону: не красками написана, какъ прочія, но мусіею изображена; принесена еще Царицею Еленою изъ Іерусалима, и много она претерпѣла отъ огня и отъ иконоборцевъ, и была ввержена въ море, но чудесно спаслась, и многія столѣтія стояла во святой Софіи, и по взятіи турецкомъ оттуда вынесена, и до-днесь стоитъ въ семъ патріаршемъ храмѣ, и источаетъ чудеса съ вѣрою къ ней притекающимъ. Только у грековъ осталось радости и утѣшенія, что Царица Небесная и сія Ея чудотворная икона. И говорятъ греки, что когда она принесена была изъ Іерусалима Царицею Еленою, тогда Царь Константинъ препоручилъ сей Богородичной иконѣ городъ Константинополь на соблюденіе. —Посмотрите

Ея древность: мусія слилась подъ одно; и посмотрите у Превѣчнаго Младенца благословящую руку: какъ она изображена? не именословно ли?»

43. Они же подошли къ ней, и стали смотрѣть; но мой знакомый монахъ Дороѳей вдругъ отскочилъ отъ нея, и перемѣнившись въ лицѣ, съ дерзостію сказалъ: «не только мы этой иконѣ не повѣруемъ, но если бы и самъ Христосъ намъ явился, и сказалъ, что эта Церковь правая, и то не повѣруемъ.» Тогда и я весьма на нихъ оскорбился, и сказалъ имъ: «Охъ, вы безумные раскольники! Теперь вы стали хуже самыхъ жидовъ. И жиды, увидѣвшіе самого Христа, и оттого ослѣпшіе, когда показалъ имъ Его святый Григорій Омиритскій, послѣ увѣровали (*); а вы теперь хуже ихъ: самому Христу не хочете вѣровать. Ступайте же изъ Его храма.» И они пошли, а я остался вечерню стоять. Вотъ какое закоснѣніе и безуміе раскольническое! Когда увидали ясное доказательство, то, вмѣсто того чтобы признать свое заблужденіе, и оставить его, они воскипѣли злобою, и произнесли хульныя словеса на самого Бога. Какъ это можно, чтобы самъ Христосъ съ небеси явился, и они Его не послушали? Это они сказали, сами не понимая что̀; потому что до конца ихъ ослѣпила злоба ихъ. Святый Апостолъ Павелъ былъ прежде гонитель Христовой Церкви; но когда явился ему Іисусъ Христосъ, и позвалъ его на служеніе Себѣ: то онъ сдѣлался первый ревнитель по Христѣ. А эти заблуждшія овцы, неимѣющія себѣ пастыря, бродятъ по свѣту, и ищутъ сами не знаютъ

(*) Чет. Мин. Дек. 19.

чего. Прежде сами мнѣ сказали: «мы все еще вѣры ищемъ;» а послѣ говорятъ, что «прійди самъ Христосъ съ небеси, и Того не послушаемъ, и своей вѣры не оставимъ.» Не явно ли, что сами они сбились съ большой дороги, зашли въ сторону, и блуждаютъ, и нашли себѣ двадцать кривыхъ тропинокъ, и по нимъ каждый бредетъ дальше въ свое заблужденіе, да и прочихъ къ себѣ манятъ, какъ слѣпецъ слѣпца ведетъ, и оба въ яму впадаютъ; а на большую дорогу воротиться не хотятъ, да и Бога о томъ не просятъ, чтобы ихъ вразумилъ и научилъ, и вывелъ на прямый великій путь? Господь сказалъ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Но, однако, Господь велѣлъ просить Его милости, сказавъ тако: *просите, и дастся вамъ: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вамъ* (Матѳ. 7, 7.). Какъ же тотъ можетъ получить, кто говоритъ, что хотя бы и Богъ мнѣ сказалъ, и Его не послушаю? Явно, что онъ есть противникъ Богу, антихристъ, который Бога не слушаетъ. О Господи, избави всякаго человѣка отъ таковаго заблужденія!

44. Въ одинъ день ходили мы на Арнаутку, и смотрѣли то мѣсто, гдѣ была славная святая *Студійская обитель;* нынѣ на томъ мѣстѣ султанскія оранжереи.

45. И такъ мы ходили и гуляли по Константинополю двадцать дней, и весь его разсмотрѣли, его величину, длину и ширину. И сказывалъ намъ вожатый, что въ городѣ есть до двухъ тысячъ турецкихъ мечетей, и болѣе сорока греческихъ православныхъ церквей. Греческія церкви велики: ибо считается по-

ловина города грековъ, хотя и не всѣ—турецкіе подданные, но разныхъ Державъ. Много также церквей армянскихъ и католическихъ, и пятьсотъ маголовъ. На каждой маголѣ есть рынокъ (или базаръ), и каждая магола имѣетъ свое названіе, своего старосту и гауптвахту. И бываетъ каждый день ярмарка по разнымъ мѣстамъ. Есть семь великихъ мечетей, возлѣ которыхъ бываютъ въ назначенные дни базары великіе. Весь городъ—какъ торговый: ходятъ по всѣмъ улицамъ разносчики, одинъ за другимъ, и столь многолюденъ городъ, что какъ начинается день, — всѣ улицы полны. Ходятъ же только одни мужчины, а женщинъ весьма рѣдко увидишь. Проливы и заливы наполнены кораблями: болѣе шести тысячъ однихъ каюковъ, на которыхъ возятъ народъ; также ходитъ безпрестанно пароходъ, развозитъ народъ. Константинополь разсѣянъ между проливовъ и заливовъ. Только шесть городовъ стоятъ на азіатскомъ берегу; а на европейскомъ, отъ самаго Мраморнаго моря и до Чернаго, верстъ на пятьдесятъ, безпрерывные города. Но самъ Константинополь стоитъ по себѣ, между Мраморнымъ моремъ и гаванью; обнесенъ кругомъ каменною стѣною, великимъ царемъ Константиномъ; ходу въ окружности считаютъ девять часовъ (или сорокъ пять верстъ); по-турецки называется Станбулъ. Въ немъ живутъ Султанъ и Патріархъ; въ немъ всѣ главныя мечети и присутственныя мѣста, главные гостинные дворы. По всему Константинополю улицы узкія, не болѣе двухъ и трехъ саженъ, и съ изгибами, вымощены дикимъ камнемъ, постройка болѣе деревянная и высокая, трехъ и четырехъэтажная; внутри подштукатурено, а снаружи выкрашено: христіан-

скіе дома черной краской, а турецкіе красной; а хотя и есть каменныя зданія, но ихъ не видно. Турецкія мечети и гостинные дворы всѣ—каменные.

46. *Греческія церкви* всѣ — каменныя, высокія, но безъ куполовъ и крестовъ, на-подобіе великихъ магазиновъ; выкрашены темною краскою, обнесены высокою каменною стѣною, на-подобіе монастыря; съ улицы однѣ или двои желѣзныхъ вратъ; надъ ними на камнѣ высѣчены небольшіе кресты, дабы каждый могъ знать, что внутри есть церковь. Церкви—велики и обширны, внутри весьма богато убраны и свѣтлы, въ два ряда великія окна; полы мраморные, и въ два ряда стоятъ столбы мраморные, которые поддерживаютъ верхъ сводовъ; иконостасы мраморные, или деревянные, но рѣзбенные и вызолоченые. Въ каждой церкви по три престола въ рядъ. Иконы всѣ высшей греческой работы; предъ ними стоятъ великіе подсвѣчники, и виситъ по три лампады. По всѣмъ храмамъ въ пять рядовъ висятъ хрустальныя люстры и лампады; кругомъ уставлены формами; въ каждой церкви есть архіерейская каѳедра.

47. Для женскаго полу сдѣланы великіе хоры: ибо въ Константинополѣ и по всей Греціи женщины вмѣстѣ съ мужчинами въ церкви не стоятъ. Ежели же гдѣ не возможно сдѣлать хоръ, то сдѣлана перегородка, дабы ихъ не можно было видѣть.

48. У церквей нѣтъ колоколовъ и досокъ, или билъ; но созываютъ въ церковь такъ: ходятъ пономари по улицамъ, и распѣваютъ громко и протяжно: «православные христіане, пожалуйте въ церковь Божію!» При каждой почти церкви проживаетъ Епископъ и нѣсколько священниковъ.

49. Патріаршій монастырь стоитъ внутри Константинополя, на мѣстѣ, называемомъ Фанарь; огражденъ двумя каменными стѣнами; во внѣшней оградѣ улица мірскихъ домовъ, въ числѣ которыхъ и Аѳонское подворье. Во внутренной же оградѣ—патріаршій домъ, и прочихъ много, для Митрополитовъ, братіи, и разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Посреди двора стоитъ великая патріаршая церковь соборная, безъ куполовъ и крестовъ, но высокая: въ два ряда окна, великая паперть, и во-внутрь трое вратъ, а четвертыя чрезъ алтарь; внутри весьма свѣтло; колонны въ два ряда; иконостасъ деревянный рѣзбенной работы, но не вызолоченный; много подсвѣчниковъ, люстръ и лампадъ хрустальныхъ; три престола въ рядъ; иконы всѣ древнія, еще изъ св. Софіи; на правой странѣ въ придѣлѣ стоитъ чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, изображена мусіею; на правой странѣ, къ стѣнѣ, стоитъ древняя и чудотворная икона св Іоанна Предтечи, изображенная мусіею. Возлѣ ея стоитъ столпъ, къ которому былъ привязанъ Іисусъ Христосъ, когда Его мучили; привезенъ изъ Іерусалима Царицею Еленою: половину она оставила въ Іерусалимѣ, а половину привезла въ Константинополь. Въ томъ-же придѣлѣ посреди церкви стоятъ три раки съ мощами: первая — св. Великомученицы Евфиміи; вторая — св. Ѳеофаніи Царицы; третія — св. Саломіи. Для женъ здѣсь сдѣланы двое хоръ, одни надъ другими; кругомъ уставлено формами. Посреди церкви къ правой странѣ стоитъ патріаршая каѳедра; подлѣ ея, по лѣвую сторону, стоятъ двѣнадцать каѳедръ митрополитскихъ. Напротивъ патріаршей, на лѣвой странѣ, каѳедра царская. Сей храмъ великъ и просторенъ, мо-

жетъ вмѣстить множество народу, и часто наполняется весь: ибо всякому желательно посмотрѣть своего великаго Архипастыря, Патріарха вселенскаго. Воистинну, Святая Соборная Апостольская Христова Церковь хотя и въ неволѣ турецкой пребываетъ, и тяжкое несетъ иго, но какъ кринъ посредѣ тернія процвѣтаетъ; и хотя храмы не имѣютъ ни крестовъ, ни куполовъ, ни звона, ни вида, ни доброты, но внутреннимъ украшеніемъ и благочиніемъ превосходятъ церкви въ Россіи и Молдавіи.

50. Всякую службу, пѣніе и чтеніе, совершаютъ не спѣша и не борзясь, но тихо и кротко, со вниманіемъ. Духовные себя ведутъ скромно и благочинно, и имѣютъ великое уваженіе отъ всѣхъ мірянъ. Одежду носятъ каждый чинъ особую: мірскіе священники носятъ черныя рясы, на головахъ скуфьи, немного разнствующія отъ монашескихъ камилавокъ; усы не стригутъ; ходятъ кротко съ жезлами. Діаконы одежду носятъ такую же; только въ скуфьяхъ немного разности. Причетники—съ бородами, и носятъ рясы не такія, какъ священники; скуфьи носятъ другаго рода; власы носятъ длинные. Чтецы и канонархи носятъ рясы не совсѣмъ черныя, рукава весьма широкіе, почти до полу, когда держутъ книгу; скуфьи носятъ невысокія, аккуратныя, бархатныя; власы длинные, висятъ по спинѣ до пояса; когда канонаршутъ или читаютъ, тогда скуфьи скидаютъ. Жены всего духовенства одежду носятъ черную, на-подобіе монахинь, и отъ мірскихъ весьма уважаются. Духовниками всегда бываютъ іеромонахи. Духовенство греческое даже и отъ самыхъ турокъ уважается; они воистинну—свѣтъ

міру и соль земли. Однимъ видомъ могутъ къ себѣ привлечь всякаго.

51. Греки соблюдаютъ всю свою древность. Сношенія съ разстроеннымъ западомъ не имѣютъ, и весьма имъ гнушаются, потому что оттуда все злое исходитъ; а отъ турокъ разстроиться не чѣмъ, да съ ними и дружества не имѣютъ, но какъ на враговъ своихъ смотрятъ. Всѣ они—образованы или хотя грамотные. Они за необходимую обязанность почитаютъ выучить дѣтей своихъ читать священныя книги: Псалтирь, Октоихъ, Апостолъ и прочія служебныя книги,—пѣть по гласамъ и нотамъ, также изучить грамматику и ариѳметику. Это имъ необходимо нужно, потому что счетовъ не имѣется.

52. Философіи и Богословіи и прочимъ высшимъ наукамъ только тѣ изъ грековъ учатся, которые имѣютъ намѣреніе поступить въ духовное званіе. У нихъ бываютъ и священническіе дѣти купцами, и купецкіе дѣти по избранію бываютъ священниками и Архіереями, смотря по ученію и по скромности жизни. Греческое духовенство — благоустроенное и скромное: каждый оставилъ мірское и житейское попеченіе, и посвятилъ себя на служеніе единому токмо Богу. Туркамъ нынѣ дань даютъ всѣ равную, какъ мірскіе, такъ и духовные.

53. При каждой церкви находятся духовныя училища, содержутся на общественную сумму, а иной богатый содержитъ на свой счетъ, ради Бога. Греки весьма усердно любятъ украшать храмы Божіи.

54. Водившій насъ священникъ разсказывалъ намъ слѣдующую вещь, случившуюся въ недавнее время, въ царствованіе Султана Махмуда. Одинъ турчанинъ

становилъ домъ: копавши яму подъ фундаментъ, выкопалъ человѣка, не предавшагося тлѣнію, а одежда истлѣла; какой онъ былъ вѣры, того познать не могли. Тѣло поставили къ стѣнѣ, и объявили Султану. Султанъ самъ пріѣхалъ, и много дивился и спрашивалъ: «что это значитъ?» Нѣкоторые ему говорили, что этотъ человѣкъ должно быть связанъ клятвою. Султанъ призвалъ старшихъ муфтіевъ, и приказалъ надъ тѣломъ читать: они много читали, но ничего не было. Послано было за еврейскимъ равиномъ: и тотъ много читалъ, но ничего не было. Также армянскій Архіерей читалъ: и ничего не было. Потомъ призвали католическаго бискупа: и тотъ много читалъ, но ничего не было. Наконецъ, послано было за Патріархомъ. Патріархъ, надѣвъ омофоръ, сталъ читать разрѣшительную молитву, и еще не докончилъ, какъ мертвое тѣло упало. Султанъ приказалъ поставить: но какъ стали поднимать, то оно уже стало разсыпаться. По приказанію Султана принесли гробъ, и когда въ него стали класть тѣло, уже остались почти однѣ кости (*). Султанъ приказалъ тѣло погребсти на кладбищѣ, а на Патріарха указавъ рукою, сказалъ: «великій сей старецъ, что и мертвые его слушаютъ.» Потомъ всѣ

(*) Подобныя случаи бывали и въ прежнія времена. О семъ пишется въ Требникѣ Петра Могилы, Митропол. Кiев., печат. въ Кiевопеч. Лаврѣ 1646 г. стр. 787 до 825. Тамъ замѣчается, что о таковыхъ случаяхъ свидѣтельствуетъ «Исторія политичная Константинопольская, отъ Ѳеодосія Зигомала историка грецкаго исписанная, въ книзѣ же нарицаемой Туркогреція, гречески и латински типомъ изданная, въ первой книзѣ на листѣ 27, и во второй на листѣ 132»; и «отъ 146 даже до 151 листа.» Слич. Нов. Скрижаль. ч. IV. гл. 21. § 4.

разошлись. « Я сему, — говорилъ священникъ, — самовидѣцъ.

55. Водою Констаитинополь и всѣ предмѣстія пользуются изъ фонтановъ; вездѣ сдѣланы фонтаны, и при всякомъ домѣ колодезь дождевой есть, и другой колодезь соляной для мытья. Гавань—великая и пространная. Всегда стоитъ множество многое кораблей, и то только около береговъ; чрезъ гавань сдѣланы на плотахъ два моста, стоятъ на якоряхъ. Подъ нихъ сдѣланы по два проѣзда, гдѣ плаваютъ каюки. Выше верхняго моста купеческихъ кораблей нѣтъ, а только одни казенные и военные корабли, тамъ и адмиралтейство. Гавань столь тихая и спокойная, что, говорятъ, во всемъ свѣтѣ такой нѣтъ: хотя бы когда вѣтръ сильный былъ, но тамъ всегда тихо, и волнѝ никогда не бываетъ, какъ на дворѣ; она внутри самаго города; со всѣхъ четырехъ странъ городъ. По проливу и гавани каюковъ плаваетъ весьма много; кишатъ какъ черви; кораблей же какъ темнаго лѣсу стоитъ. Жителей считаютъ до милліону; много постороннихъ. Вокругъ его великія рощи кипарисовъ, подобно какъ лѣса. Турецкія мечети очень высоки, со многими куполами и главами, на-подобіе церквей, только безъ крестовъ; бо̀льшею частію мечети подѣланы изъ греческихъ церквей, но уже и новыя строятъ на-подобіе тѣхъ. Каждый Султанъ обязанъ выстроить свою мечеть, которая его именемъ и называется. Ежели бы Господь предалъ Царьградъ паки христіанамъ, то много было бы готовыхъ церквей, только стоило бы пристроить колокольни.

56. И такъ мы прожили въ Константинополѣ двадцать дней. Мнѣ было хорошо, что со мной былъ

добрый товарищъ, монахъ Іоанникій: потому что онъ зналъ хорошо говорить по-гречески и по-турецки. Еще и то хорошо, что былъ у насъ вожатый священникъ, знающій и опытный. Спаси ихъ Господи: греки знали, кого съ нами послать. По окончаніи своихъ дѣлъ мы отправились изъ Константинополя въ Молдавію, на австрійскомъ пароходѣ, и шли Чернымъ моремъ двадцать-четыре часа, берегу не видали. Пришли въ городъ Варну: тамъ только стояли одинъ часъ, и опять шли моремъ двадцать часовъ. Увидѣвши въ морѣ бѣлую мутную воду, всѣ возрадовались: познали, что уже близко дунайскіе берега; а чрезъ четыре часа пришли въ самое устье Дуная, въ Сулинское гирло. При самомъ устьѣ стоитъ городъ Сулинъ, подъ русской державой, по обѣ стороны гирла, въ дунайскихъ плавняхъ, на низкомъ мѣстѣ, такъ что часто его потопляетъ, когда подуетъ вѣтеръ съ моря. Огородовъ и садовъ нѣтъ. Торговля весьма хорошая. Всегда стоитъ множество кораблей, идутъ съ моря и въ море. Большіе корабли дѣлаютъ здѣсь перегрузку: ибо здѣсь врата во весь Дунай, въ Турцію, Россію, Молдавію и Валахію. Сей городъ уже стоитъ за карантиномъ; отстоитъ отъ россійскаго бессарабскаго берега верстъ сто-пятьдесятъ, такожде и отъ турецкаго. Мы же въ Сулинѣ замедлили не болѣе получаса; пошли по Дунаю, по Сулинскому гирлу, извитому какъ змія; и множество здѣсь кораблей: иные плывутъ внизъ, а другіе тянутъ вверхъ. По обѣ стороны гирла стоятъ россійскіе кордоны, гдѣ ходятъ часовые: ибо тутъ лежитъ граница Россіи.

57. Потомъ пришли въ городъ турецкой державы, Тульчу; но турокъ въ немъ мало живетъ: все почти

христіане изъ Россіи; тамъ двѣ церкви: одна греческая; при ней живетъ Архіепископъ грекъ; другая русская; при ней живутъ три священника русскіе, подъ вѣдѣніемъ Архіепископа греческаго. Тутъ мы замедляли часъ, и пошли впередъ. Въ правой странѣ въ виду остался россійскій городъ Измаилъ; далѣе, въ лѣвой рукѣ, на берегу Дуная, остался городъ турецкій, Исакча; и въ этомъ живутъ болѣе христіане. Далѣе, въ правой рукѣ, на берегу Дуная, остался городъ россійскій, Рени.

58. Потомъ пришли въ молдавскій городъ, Галацъ. Изъ Константинополя до Галаца мы плыли на пароходѣ шестьдесятъ часовъ, а разстоянія болѣе тысячи пятисотъ верстъ; но сухимъ путемъ ближе. Выдержавши седьмидневный карантинъ, взошли въ городъ. Городъ Галацъ стоитъ по теченію рѣки Дуная на лѣвомъ берегу, великъ и пространенъ; въ немъ портъ, великая корабельная пристань, четыре базара, пятнадцать церквей, всѣ на-подобіе россійскихъ, съ куполами, главами, крестами, колокольнями и колоколами. Изъ него мы отправились въ свой городъ Яссы, на коняхъ, и прошли путемъ мимо городовъ Берлата и Васлуя; и въ пятый день прибыли въ Яссы.

59. Въѣхали на Аѳонское подворье—трехъ Святителей, въ монастырь; и дали намъ комнату, гдѣ проживали не малое время, пока исправили монастырское дѣло. Я былъ нѣсколько разъ у родителей, увѣщавалъ ихъ оставить расколъ, и присоединиться ко Святой Церкви; но они моихъ словъ не приняли, и, просто сказать, не велѣли говорить, хотя я ихъ и со слезами просилъ, и говорилъ, что я за тѣмъ и посланъ изъ св. Горы Аѳонской, чтобы присоединить ихъ къ Церкви.

Но они мнѣ сказали: «Ты намъ про это не говори. Когда самъ пошелъ, то и будь тамъ; а насъ уже не тревожь: мы въ чемъ жили, въ томъ и помремъ.»

60. Я же весьма огорчился, что всуе мое было путешествіе. Потомъ и вторая меня скорбь постигла: друга и брата моего, монаха, разстроили посторонніе греки, и онъ не захотѣлъ ѣхать въ Россію, но захотѣлъ опять въ Аѳонскую Гору возвратиться, и сборную книгу отъ меня отобралъ. Я же положилъ — до конца крестъ нести, и исполнить отеческое послушаніе: зная, какія нужды и недостатки претерпѣваетъ обитель наша,—еще и застроили новую церковь для русскихъ,—я отправился въ Россію одинъ. Но какое мое было путешествіе по Россіи! Только и было что повседневныя скорби: первое, что одинъ; второе — нищета: ничего не имѣлъ у себя; третье, книги сборной нѣтъ; четвертое, моя скорбь, паче всѣхъ скорбей, что нахожусь среди шумнаго міра, среди мірскихъ соблазновъ; и всегда оплакивалъ свою горькую участь. И если бы не молитвы моихъ аѳонскихъ отцевъ, если бы не подкрѣпляла помощь Божія, то и не былъ бы живъ отъ своихъ скорбей и печали и отъ тяжкихъ моихъ болѣзней. Пробылъ въ Россіи почти два года: много претерпѣлъ скорбей и искушеній, много видѣлъ и святости и соблазновъ, много посѣтилъ монастырей и пустынь и три лавры, много видѣлъ богоугодныхъ святыхъ мужей, и слышалъ отъ нихъ душеполезныхъ наставленій.

61. И такъ по двухлѣтнемъ моемъ странствіи по Россіи опять возвратился въ Молдавію, и въѣхалъ прямо въ домъ родителей; а въ Аѳонскую Гору послалъ письмо къ отцамъ моимъ, спрашивалъ, что мнѣ

прикажутъ дѣлать. Проживая въ дому родителей, которые сначала мною гнушались, я ежедневно увѣщавалъ ихъ, и предоставлялъ имъ разныя доказательства, что Восточная Греческая Церковь стоитъ въ своемъ древнемъ благочестіи, какъ столпъ неподвижный; и болѣе пятисотъ лѣтъ не было никакихъ тамъ ересей и раздоровъ, но всѣ содержатъ одну православную вѣру, отъ св. Апостолъ имъ преданную, и св. седьмью Вселенскими Соборами утвержденную, и мученическою кровію запечатлѣнную, и множествомъ святыхъ и преподобныхъ Отецъ свидѣтельствованную. Родитель сталъ мало-по-малу смягчаться, въ разговоры входить и въ разсужденіе, сталъ со мною вмѣстѣ молиться Богу, а также и въ церковь ходить; понемногу началъ суевѣріе и толки отвергать; но родительница никакъ не соглашалась, и говорила: «оставьте меня въ этомъ номереть.» Я же всегда просилъ Господа Бога, дабы не оставилъ ее погибнуть въ душепагубномъ расколѣ, и да воспомянетъ ея великія добродѣтели и милостыни, и да присоединитъ ее къ Святѣй Своей Церкви. Потомъ она заболѣла, и стало ей часъ отъ часу хуже. Я же много упрашивалъ ее, чтобъ присоединилась къ Церкви, и причастилась Святыхъ Таинъ. Она сказала мнѣ: «любезный мой сынъ, не погуби меня»; а потомъ стала соглашаться на все. Мы призвали священника: онъ присоединивъ ее къ Св. Церкви, причастилъ Тѣла и Крови Христовой. Она же, когда причастилась, пала на колѣни, и поднявши руки на небо, облилась слезами, стала благодарить Господа Бога, что сподобилъ ее причаститься Тѣла и Крови Своея; и многія говорила благодарственныя слова. Потомъ обратилась ко мнѣ, и благодарила

меня: «благодарю тебя, любезное мое чадо, что ты позаботился о душѣ моей.» Потомъ всѣмъ сказала: «простите меня, Христа ради; теперь я стала сердцемъ весьма спокойна, хотя уже и умереть готова.» И такъ легла на постелю. Къ вечеру ей стало весьма тяжко. Я ей сталъ говорить, чтобы на исходъ души прочитать канонъ; но она сказала: «подожди до утра.» По-утру я пришелъ къ ней, и увидѣлъ ее въ лицѣ измѣнившуюся. Она же, увидавши меня, весело посмотрѣла на меня, и сказала: «вотъ, любезный мой сынъ, вечеромъ хотѣлъ ты мнѣ на исходъ души канонъ читать: а Господь Богъ еще оставилъ на семъ свѣтѣ пожить.» Потомъ взяла меня за руку, и сказала: «благодарю тебя, что ты къ намъ пришелъ, и насъ постарался присоединить къ Св. Церкви; за то воздастъ тебѣ Господь въ будущемъ вѣкѣ; а я еще поживу двѣнадцать дней, и потомъ буду здрава.» Я, слышавши это отъ нея, недоумѣвалъ, что̀ она говоритъ, и пригласивъ родителя, начали ее спрашивать. И она сказала, что ночью было ей отъ нѣкоего святаго юноши извѣщеніе, что двѣнадцать дней будетъ лежать на одрѣ своемъ, и потомъ будетъ вдругъ здрава. И лежала она двѣнадцать дней, такъ что и головы не подъимала; а въ тринадцатый день, рано утромъ, когда еще всѣ спали, а я читалъ утреню, она встала, и, одѣвшись, пришла ко мнѣ, и стала Богу молиться. Тогда я разбудилъ всѣхъ, и всѣ прославили Бога, творящаго дивная дѣла; и была въ дому у насъ неизреченная радость. Послѣ того всѣ родные мои оставили расколъ, и присоединились къ Св. Церкви, и уже не такъ, какъ прежде меня ненавидѣли и гнушались мною, и не хотѣли со мной говорить; но весьма меня

возлюбили, и не могли на меня насмотрѣться, и наговориться со мною; называли меня отцемъ своимъ, много сожалѣли о прежнемъ, что много меня оскорбляли. Каждую недѣлю призывали священника, и святили воду. Не хотѣли со мной разлучиться, и говорили: «если бы не ты, отче Парѳеній, то погибли бы мы въ расколѣ.» Я имъ говорилъ, что это не отъ меня сдѣлалось, но за молитвы св. отецъ моихъ аѳонскихъ: ибо они меня нарочито въ вамъ послали, и ихъ молитвы поспѣшествовали.

62. Проживъ въ домѣ у родителей четыре мѣсяца, получилъ письмо изъ св. Горы Аѳонской отъ отцевъ моихъ, которые меня звали назадъ во св. Гору Аѳонскую, въ свою св. обитель. О, какой я радости неизреченной исполнился! Родные же всѣ плакали и скорбѣли; но я скоро отъ нихъ отправился, препоручивъ ихъ Богу и пастырямъ; и прибылъ въ Галацъ; отсюда лодкой въ городъ Тульчу. Вещи же свои отправилъ на пароходѣ, во св. Гору Аѳонскую, съ однимъ іеромонахомъ; а самъ поѣхалъ посмотрѣть рыбный заводъ, принадлежащій нашей обители, находящійся, внизъ по Дунаю, въ Георгіевскомъ гирлѣ, и пробылъ тамъ нѣсколько дней. Еще трое монаховъ поѣхали со мною въ монастырь. И ѣхавши мы обратно въ Тульчу, истратили всѣ свои деньги. И хотѣли изъ Тульчи идти въ Аѳонскую Гору сухимъ путемъ; но люди разстроили, и говорили, что въ зимнее время сухимъ путемъ идти не можно: есть великія рѣки, а на горахъ глубокіе снѣга̀, — тогда былъ мѣсяцъ ноябрь. И мы рѣшились отправиться на кораблѣ, а денегъ надобно было много; однако, пошли искать корабль, и нашли. Одинъ грекъ взялъ съ насъ четверыхъ толь-

ко 80 левовъ, т. е. 16 рублей, до Константинополя. Мы сѣли на корабль, накупили себѣ сухарей, и ноября 6-го отправились, а 9-го числа сего-же мѣсяца прибыли въ Сулинъ.

63. Когда вышли въ Черное море, то претерпѣли много бѣдъ и скорбей. Носило насъ по морю многіе дни, и ежеминутно ожидали себѣ смерти: ибо время было зимнее, погода непостоянная, вѣтеръ сильный, съ снѣгомъ, береговъ не видно, волны какъ горы. Уже отчаявались въ своей жизни: три дни не ѣли и не пили, лежали полумертвые. Черное море и въ лѣтнее время страшно кораблямъ, и разбиваетъ много; кольми паче въ зимнее: море весьма широко и глубоко, а островов нѣтъ. И мы съ нуждою пристали къ европейскому берегу. Великой исполнились радости, когда увидѣли берегъ, и подошли къ городу Варнѣ, гдѣ и пустили якорь. Но опять въ ночи разъигралась буря съ дождемъ и снѣгомъ, съ самаго открытаго моря, и качала насъ тутъ три дня, оборвала у насъ два якоря, и мы были уже въ отчаяніи. Хотя и недалеко берегъ, но не можно на него попасть. Ибо море воскипѣло какъ въ котлѣ, и не можно никакъ стать на ноги. У одного якоря была желѣзная цѣпь, и она только могла удержать насъ. Потомъ затихло, и наши корабельщики нашли оба якоря. Потомъ опять пошли въ море, и всю ночь шли. Хотя и качало, но вѣтеръ былъ попутный. Днемъ же опять разъигралась буря и съ снѣгомъ, и бѣжали недалеко отъ берега, но скрыться негдѣ.

64. Къ вечеру пришли въ великій заливъ, и пристали къ городу Хилô, гдѣ стояло много кораблей, укрывшихся отъ непогоды; и мы стояли тамъ многіе дни,

терпя голодъ и холодъ. Время уже стало близъ ко дню Святителя Николая Чудотворца; выпалъ снѣгъ, и стали великіе морозы, такъ что уже началъ отъ всплескиванія волнъ обмерзать корабль, а мы были въ верху корабля. У насъ вышли всѣ сухари; хотя, спаси ихъ Господи! греки и давали намъ вареной пищи, но хлѣбъ свой ѣли. Пришли въ городъ къ Епископу, и объявили ему свою нужду, что мы идемъ съ послушанія, и сидимъ на кораблѣ, не имѣя ни хлѣба, ни денегъ. Онъ призвалъ эконома своего, и приказалъ ему, чтобы собрали по всѣмъ церквамъ для страннихъ монаховъ милостыню, а намъ велѣлъ прійдти послѣ Литургіи. Была въ то время Недѣля. Мы послѣ Литургіи пришли опять къ Владыкѣ, къ которому принесли старосты изъ всѣхъ церквей для насъ милостыню. Владыка ссыпалъ все въ одно мѣсто, и сказалъ намъ: «возьмите, что̀ Богъ послалъ: все—ваше.» Мы же, взявши, поблагодарили и ушли. Потомъ пересчитали, и оказалось сто левовъ. т. е. двадцать рублей. Спаси ихъ Господи,—греки не оставляютъ бѣдныхъ! Городъ Хило̀ стоитъ въ Европѣ, во Ѳракіи, разстояніемъ отъ Константинополя восемь дней сухаго пути. Въ немъ живутъ все греки; имѣетъ пятнадцать церквей, но только не большія: на нихъ ни крестовъ, ни звоновъ нѣтъ; народъ весьма добрый. Вокругъ него много находится озеръ соленыхъ. Простоявши тутъ многіе дни, пошли въ море, которое отъ волненія не утихло, почему принуждены были воротиться назадъ; и пошли далѣе въ заливъ, въ тихое мѣсто: тутъ стоитъ множество кораблей, забѣжали отъ непогоды. Весь заливъ былъ покрытъ на-подобіе какъ чернымъ сукномъ. Мы много дивились: что̀ это значитъ? Когда

же подошли поближе, то увидали, что все дикія утки плавают: тутъ онѣ зимуютъ.

65. Въ томъ же заливѣ, отъ берегу версты съ двѣ, на срединѣ стоитъ каменная скала, а на ней устроенъ монастырь во имя св. Анастасіи; токмо не могъ узнать, которой Анастасіи. На сей скалѣ она спасалась, и устроила монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, и собрала себѣ много сестръ; но когда скончалась, тогда монастырь переименованъ былъ во имя ея, и выстроенъ соборный храмъ. Скала пространствомъ не велика, и вся занята монастыремъ, такъ что вокругъ его обойдти не возможно. Воду пьютъ дождевую; монастырь весь каменный, и три церкви. Нынѣ онъ обращенъ въ мужескій; и игуменъ весьма добрый и страннолюбивый: много надавалъ намъ хлѣба и рыбы скумвріи. На берегу имѣютъ хуторъ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; есть великіе сады виноградные. Мы простояли въ этомъ заливѣ болѣе двадцати сутокъ, и не только одни мы, но было тутъ до ста кораблей; потому что вѣтры были сѣверные и восточные.

66. Когда перемѣнилась погода,—декабря 20 числа пошли всѣ въ море добрымъ вѣтромъ, и въ полтора дня пришли въ Константинополь. Карабельщики за провозъ съ насъ ничего не взяли, но еще и сорокъ дней насъ пищею упокояли. Спаси ихъ Господи! Великія добродѣтели имѣютъ греки и удивительное страннолюбіе, а наиболѣе къ иноческому чину: такихъ людей мало видѣлъ. По прибытіи въ Константинополь, мы нисколько въ немъ не медлили: скоро попался корабль, плывущій прямо въ Аѳонскую Гору, и мы отправились. Праздчикъ Рождества Христова

были въ Мраморномъ морѣ. Вѣтеръ былъ благополучный; скоро минули Мраморное море, прошли Дарданелы, и вышли въ Архипелагъ, гдѣ открылась намъ святая, небеси подобная Гора Аѳонская. О коль мы исполнились радости и веселія, что увидѣли свое тихое пристанище и конецъ своему странствію!

67. Шли мимо острова Лимноса, къ которому и пристали, потому что хозяинъ корабля былъ съ острова Лимноса; и пристали къ городу Лимносу: стояли тамъ многіе дни, заплатили туркамъ харачь, т. е. дань, по пятнадцати левовъ съ человѣка, т. е. по три руб. Островъ Лимносъ имѣетъ шестьдесятъ селъ и два города; лѣсу не имѣетъ отнюдь никакого; хлѣбопашества же, скотоводства и садовъ виноградныхъ, довольно. Турокъ на островѣ нѣтъ. Городъ Лимносъ порядочный, живутъ почти одни греки; церковь одна, но великая и прекрасная; каѳедра архіепископская; но тогда Архіепископа не было. Много разъ ходили мы къ службѣ. Одинъ обычай весьма мнѣ полюбился, котораго мнѣ еще нигдѣ не случалось видѣть. Стояли мы вечерню подъ Новый годъ, подъ 1-е января 1843 года. Пѣвчихъ было много и доброгласные. Вечерня была великая. «*Блаженъ мужъ*» всѣ три псалма, всѣ стихи, пѣли на-распѣвъ. Стихиры всѣ пѣли съ канонархомъ, на-распѣвъ. Когда начали пѣть литію, тогда дали всѣмъ въ руки по свѣчкѣ, и стояли всю вечерню до отпуска со свѣчами; благословляли хлѣбы, и помазывали отъ лампады Святаго елеемъ. Вечерня продолжалась болѣе четырехъ часовъ. Храмъ великъ и украшенъ. Женскій полъ стоялъ на хорахъ. Женщины во всемъ городѣ одежду носятъ на-подобіе русскихъ: длинные сарафаны, на головахъ большіе ко-

кошники; и весьма благообразны. Сей островъ самый близкій къ св. Горѣ Аѳонской, не болѣе какъ шестьдесятъ верстъ. Мы съ полуночи пошли въ путь, и ночью много насъ качало: хотя меньше, какъ на Черномъ морѣ, но такъ, что даже не могли лежать, всѣ затосковали. По-утру, на разсвѣтѣ, были мы уже недалеко отъ св. Горы. И къ полудню пришли къ самой Горѣ, а за Горой вѣтеръ слабъ, и мы бились до самаго вечера, пока подошли къ пристани.

68. Вышли на берегъ: и много радовались, и отъ радости плакали, и благодарили Господа Бога и Божію Матерь, Царицу Небесную, что сподобила опять достигнуть благополучно въ Свой святый жребій, въ тихое и небурное пристанище. И пошли ночевать въ монастырь Ксиропотамъ, гдѣ приняли насъ любезно на гостинницу. И угостили насъ любезные наши братія по-аѳонски, сладкими вареніями и разными напитками и кофеемъ. Потомъ представили намъ изобильную трапезу. Послѣ трапезы спокойно спали уже въ тихомъ пристанищѣ: уже не качали насъ великія волны морскія, уже не плескала на насъ холодная вода, не грозила намъ страшная морская пучина, уже не мочило насъ ни снѣгомъ ни дождемъ. Были мы на кораблѣ десять недѣль въ зиму: сколько мы претерпѣли страху, нужды и скорбей, холоду и голоду,— невозможно и объяснить; только единому Господу Богу тò извѣстно. Много терпишь зимой, идя сухимъ путемъ; кольми паче на морѣ: прежде намочитъ, а потомъ навалитъ снѣгу, а послѣ заморозитъ, а съ моря вода еще прибавляетъ, а корабль съ боку на бокъ качаетъ. Но сказать надобно и то: чтò было, все прошло, и Господь избавилъ отъ всѣхъ скорбей.

Теперь, слава Богу, въ Аоонѣ, въ едемскомъ Богородичномъ красномъ раю. Поутру ходили къ утрени и къ ранней Литургіи. Потомъ гостинникъ насъ угостилъ; и мы, поблагодаривши, пошли къ своей возлюбленной матери, къ св. Русской обители. Было тогда 2-е число января: по обѣ стороны дороги трава была зеленая, и цвѣли цвѣты. Вотъ какой рай — Гора Аоонская!

69. Отъ Ксиропотама до Русскаго монастыря одинъ часъ ходу. Увидѣвши свою обитель, исполнился я радости, а болѣе того скорби; и смѣсилась радость со скорбію, такъ что не могъ болѣе идти, палъ на землю, и горько заплакалъ и возрыдалъ: радовался, что увидалъ свою обитель, и возвращаюсь изъ дальняго и долгаго странствія, почти чрезъ три года, къ своей матери, отцамъ и братіи; а скорби неизреченной исполнился о томъ, что возвращаюсь съ пустыми руками: странствовавши три года, не сдѣлалъ обители никакой пользы, и боялся, какъ явлюсь отцамъ моимъ и братіи; горько было странствіе, а горьче того возвращеніе, хотя это не отъ меня, и не въ моей было власти, но въ Божіей. И много я плакалъ, и едва могъ ноги двигать; но возложилъ надежду на Божію Матерь и святаго Великомученика Пантелеимона. Пришедши къ воротамъ, положилъ три поклона Великомученику Пантелеимону, и взошелъ въ ворота. Вратарь сначала меня не узналъ; а когда узналъ, то много плакалъ, и сказалъ: «Ты ли, отче Пароеній? Уже мы тебя оплакали, и не чаяли больше видѣть.» Я пошелъ прямо къ духовнику Іерониму. Пришедши къ нему въ келлію, палъ ему въ ноги; онъ поднялъ меня, и спросилъ: «о чемъ ты такъ плачешь?» Я

отвѣтилъ: « Какъ мнѣ, отче святый, не плакать? Странствовалъ три года, а пользы вамъ никакой не принесъ.» Онъ сказалъ мнѣ: « мы тебя не за пользой посылали: исполнилъ ли то̀, за чѣмъ тебя посылали, на-счетъ родителей?» Я же отвѣтилъ: « въ этомъ, слава Богу, за ваши святыя молитвы, Господь помогъ.» Онъ же обнялъ меня, и сказалъ: « Мы только за тѣмъ и посылали; ты теперь будь покоенъ: это намъ дороже всего, чтобы души спасти свои и родителей; а нужды и недостатки наши всѣ Господь самъ исполнитъ. Посмотри теперь на нашу обитель: такую ли ты оставилъ? Уже мы теперь ее украсили, какъ невѣсту добрую.» Потомъ сталъ спрашивать, какое мое было странствіе? Я сталъ ему разсказывать всѣ мои бѣдствія, скорби, искушенія, напасти и болѣзни тѣлесныя, претерпѣнныя мною бѣды и страхи въ моряхъ. Онъ много плакалъ, и сказалъ: « теперь слава Богу, что благополучно прибылъ; теперь мы тебя успокоимъ за твои труды; пойдемъ къ отцу игумену.» Пришли къ игумену Герасиму; онъ, увидя меня, заплакалъ, и сказалъ: « откуда явился, чадо мое Пареній?» и облобызалъ меня, и слезами омочилъ голову мою, и много меня разспрашивалъ, и потомъ сказалъ: « о томъ ты не скорби, что ничего не принесъ: это не въ твоей волѣ, но такъ Богу угодно; мы рады, что ты самъ возвратился, и мы тебя успокоимъ.»

70. И дали мнѣ келлію лучше первой, и цѣлый мѣсяцъ не посылали меня на послушаніе, пока уже самъ сталъ проситься. Въ обители я уже увидѣлъ все другое: вездѣ устроено, убрано, расписано, выкрашено, вызолочено, все перекрыто; и братіи уже стало

болѣе вдвое. Когда отправился въ Россію: было только двое русскихъ іеромонаховъ; а теперь уже шестеро; также и полны клиросы пѣвчихъ. И я сталъ жить, радоваться и веселиться, и благодарить Господа Бога моего, Царя Небеснаго, что провелъ меня сквозь огнь и воду, и ввелъ паки въ покой. И не могъ быть я никогда безъ слезъ отъ радости: подобно какъ я воскресъ изъ мертвыхъ, или пробудился отъ крѣпкаго сна. Что я въ теченіе трехлѣтняго странствія видѣлъ и слышалъ разныхъ соблазновъ, и что претерпѣлъ скорбей и болѣзней, — это мнѣ стало казаться какъ будто бы было во снѣ.

71. Потомъ пошелъ посѣтить блаженнѣйшаго моего старца, духовника и пустынножителя, іеросхимонаха Арсенія. Увидѣвши сего блаженнѣйшаго отца и святолѣпныя его сѣдины, отъ радости много плакалъ, что еще сподобился застать его въ живыхъ, и слышать отъ него душеспасительное наставленіе, и принять отъ него отеческое благословеніе. Но только въ жизни его не въ такой засталъ, въ которой оставилъ. Пошедши въ Россію, я оставилъ его одного въ пустыни; а теперь уже онъ на келліи Святой Троицы, и имѣетъ при себѣ шестерыхъ учениковъ. И онъ мнѣ весьма радъ былъ; много мы съ нимъ разговаривали. Потомъ я его спросилъ: «чѣмъ вы, отче, пропитываетесь семь человѣкъ?» Онъ отвѣчалъ мнѣ: «не только что семь, но ежели бы и семдесять со мной жили, всѣ бы сыты были, и всѣхъ бы насъ Господь пропиталъ.» Я дивился, какую имѣетъ вѣру на Бога: живутъ семь человѣкъ, не имѣютъ никакого дохода, ни подаянія, ни саду, ни хорошаго рукодѣлія, но пребываютъ въ молитвѣ и въ маломъ рукодѣліи, и Го-

сподь ихъ питаетъ, и исполняется на нихъ Евангельское слово, которое говоритъ: *ищите прежде царствія Божія: и сія вся приложатся вамъ.* Потомъ посѣтилъ я всѣхъ моихъ старыхъ друзей и духовную братію, и всѣ радовались о моемъ возвращеніи; а я наипаче ихъ радовался, что опять сподобился ихъ видѣть ангельскія постническія лица, и ходить по Св. Горѣ, по прекрасной пустынѣ аѳонской.

72. Возвратившись въ свою Рускую обитель, сталъ я проживать съ возлюбленными моими отцами и братіею, и утѣшаться ихъ лицезрѣніемъ, и пользоваться ихъ душеспасительными бесѣдами и наставленіями. И всегда благодарилъ Господа Бога моего за Его великія и неизреченныя милости, изліянныя на меня: хотя и наказалъ, но опять и помиловалъ и утѣшилъ меня. Хвалилъ, славилъ и воспѣвалъ пречестное и великолѣпное имя Его святое и Пречистую Его Матерь, Пресвятую и Преблагословенную Владычицу нашу, Богородицу и Приснo-Дѣву Марію, Заступницу рода христіанскаго и Назирательницу святой Горы Аѳонской; и сталъ просить слезно, чтобы Господь и Богоматерь помиловали меня отъ странствія, и сподобили остальные дни жизни моей препроводить во святой Горѣ Аѳонской, и въ покаяніи скончать животъ свой.

73. Въ томъ же году откопаны были кости блаженныхъ нашихъ старцевъ: іероеходіакона Венедикта, стошестилѣтняго, который принялъ руссихъ въ обитель, и іероеходимонаха, игумена Павла, который первый взошелъ въ русскую обитель. Кости ихъ оказались благодатными, желты, какъ воскъ, и испущаютъ нѣкое благоуханіе. И мы всѣ, русскіе и греки, испол-

нились неизреченной радости. Отпѣли по нихъ соборную панихиду; братія стояли всѣ со свѣчами. Потомъ написали чернилами на главахъ ихъ: «Іеродіакона Венедикта, учителя;» а на другой: «Іеросхимонаха Павла русскаго;» и положили кости ихъ въ общую гробницу подъ церковь святыхъ Апостолъ; и главы поставили тамъ-же рядомъ, на особо устроенномъ мѣстѣ. Теперь пусть помнятъ русскіе и греки своихъ старцевъ, которые положили начало жить въ союзѣ, любви и мирѣ, въ вѣчные роды, и нести одинъ другаго немощи.

74. Въ томъ-же году, въ скиту святаго Пророка Иліи, откопали монаха Савву, который выгналъ изъ скиту отца Павла съ прочими великороссіанами; вытащили его изъ могилы всего цѣлаго и не предавшагося тлѣнію, но весьма чернаго и смраднаго. Игуменъ Паисій сталъ читать разрѣшительную молитву: но ничего не было. Потомъ пригласили Архіепископа Панкратія, жившаго въ Аѳонѣ на Кареѣ, и тотъ читалъ: но тѣло осталось въ своемъ видѣ. Архіерей началъ спрашивать: «какая бы была тому причина?» Ему сказали, что не та ли, что онъ былъ первымъ гонителемъ на великороссіанъ, и выгналъ изъ скиту отца Павла съ прочими великороссіанами? Архіерей спросилъ: «а живъ ли отецъ Павелъ?» Ему сказали, что давно померъ. Тогда Архіерей сказалъ: «Я этого разрѣшить не могу: поѣзжайте къ самому Патріарху. А которые живы великороссіане, вы ихъ позовите, и попросите, чтобы они его простили.» И уѣхалъ. Игуменъ Паисій ѣздилъ въ Константинополь къ Патріарху, и взялъ отъ него разрѣшительную грамоту. Пріѣхавши, позвалъ всѣхъ великороссіанъ и Архіерея;

и отстояли всенощное бдѣніе. По Литургіи, опять откопали тѣло монаха Саввы, и всѣ великороссіане говорили ему прощеніе; а Архіерей прочиталъ патріаршую грамоту: и тѣло стало разсыпаться, и закопали его въ землю. По маломъ времени посмотрѣли: и уже остались однѣ кости. Видѣвши сіе, малороссіане испугались, и ходили къ великороссіанамъ просить прощенія.

75. Въ одинъ день, игуменъ Герасимъ и духовникъ Іеронимъ позвали меня къ себѣ, и стали мнѣ говорить: «отче Парѳеній, не имѣешь ли желанія въ пустыню, въ тишину, на безмолвіе?» Я, сіе услышавши, исполнился слезъ, палъ игумену въ ноги, и началъ говорить: «отче святый, отъ юности моей имѣю желаніе жить въ пустыни, одному съ однимъ Богомъ; но еще не было воли Божіей, и не позволяли мнѣ обстоятельства; а проситься у васъ дерзновенія не имѣю, потому что я въ обители ничего не заслужилъ.» Духовникъ Іеронимъ сказалъ: «Теперь пришло время, и мы тебя успокоимъ за твои труды, претерпѣнные въ странствіи. Иди въ пустыню къ отцу Тимоѳею, и поживи съ нимъ немного; а послѣ мы его возьмемъ въ монастырь, ибо онъ желаетъ въ затворъ; а ты послѣ тамъ одинъ будешь жить, даже до смерти. Пищу, одежду и все нужное будешь получать изъ монастыря; а послушаніе такое: каждую недѣлю ходи въ монастырь на всенощное бдѣніе, и канонаршй, также и на всѣ великіе праздники; а больше ни о чемъ не имѣй попеченія, а занимайся только однимъ безмолвіемъ, и за насъ Бога моли.» Я, сіе услышавши, возрадовался, и благодарилъ ихъ за великія милости, являемыя мнѣ недостойному. И получивъ благослове-

ніе, и удалился въ пустыню, поселился съ пустынножителемъ и безмолвникомъ, монахомъ Тимоѳеемъ, на келліи святаго Великомученика Георгія.

76. Сія келлія — разстояніемъ одинъ часъ ходу отъ монастыря, въ самой внутренной пустынѣ, стоитъ въ тихомъ и безмолвномъ мѣстѣ; вокругъ нея великія горы и темные лѣса; вблизи кругомъ великій садъ разныхъ деревъ, а именно: виноградъ, смоковницы, разные орѣхи, дули и черешни, и большой огородъ разнаго овощія, и три источника воды. Келлія каменная двухъэтажная; внизу подвалы, а вверху двѣ келліи, и церковь прекрасная, съ куполомъ, во имя святаго Великомученика Георгія: въ ней довольно иконъ. И сталъ я полагать начало пустынной жизни, помалу обучаться безмолвію. Тогда уже совершенно успокоилась душа моя, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ, и воспѣвалъ я съ Пророкомъ Давидомъ: Се нынѣ *удалихся* отъ суетнаго міра и отъ его разврата и суеты, и отъ сильныя мірскія бури, *бѣгая, и водворихся въ пустыни,* чаю *Бога спасающаго мя.* Пс. 54, 8. О, душе моя! *блаженъ путь,* имже пошла еси, *яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!* О, душе моя! *добро есть намъ* съ тобою *здѣ быти!* Теперь сотворимъ и уготовимъ мѣсто своему небесному Владыцѣ: и тогда Онъ пріидетъ и посѣтитъ насъ, и обитель въ насъ сотворитъ; тогда еще больше возрадуемся, и возвеселимся уже радостію совершенною и неизреченною. О душе моя! *пустыннымъ животъ блаженъ есть, божественнымъ желаніемъ воскриляющимся.* О душе моя! *пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ.* О душе моя! теперь Господь тебя отъ всего земнаго

попеченія освободилъ, и Божія Матерь, Царица Небесная, утѣшила, и отцы тебя отъ послушанія освободили и успокоили; теперь *благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его: благослови душе моя Господа, и не забывай всѣхъ воздаяній Его,* которыя воздалъ тебѣ. Теперь, о душе моя! помни и не забывай великаго и многовожделѣннаго святаго имени Господа Бога твоего, сладчайшаго Іисуса Христа; призывай Его день и нощь, отъ всего сердца твоего и отъ всего помышленія твоего: тогда познаешь, коль сладка словеса Его гортани твоему, и паче меда будутъ устамъ твоимъ. Тако мнѣ живущу, и въ радости поющу и веселящуся, и много утѣшительнаго души своей говорящу, сталъ я помалу познавать силу словесъ святаго Апостола Павла: *лучше пять словесъ умомъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ* (1 Кор. 14, 19.). Всему этому житію моему былъ наставникъ и учитель—жившій со мной старецъ, пустынволюбивая и безмолвнолюбивая горлица, схимонахъ отецъ Тимоѳей.

77. Жизнь сего старца была удивительная и пречудная; и я хочу сказать немного о жизни и подвигахъ его, тò, чтò я видѣлъ своими очами, а нѣкоторое отъ него самого слышалъ, для пользы моей души. Родомъ онъ былъ изъ Великой Россіи, Вологодской губерніи; еще въ юности оставилъ суету мірскую, и поступилъ въ общежительный монастырь на Валаамъ, и многіе годы проходилъ послушаніе. Потомъ постригли его въ мантію, нареченъ былъ Тихономъ. И вкусивши сладчайшаго меда безмолвія, затворилъ уста своя тѣлесныя, да разглагольствуетъ съ своимъ Господомъ, сладчайшимъ Іисусомъ; и четырнадцать лѣтъ

не проговорилъ ни одного слова. Много чрезъ это принялъ истязанія и скорбей отъ братіи, и находился въ безпрестанномъ, день и ночь, послушаніи. Потомъ послали его въ С.-Петербургъ, въ монастырскую часовню. Онъ не могъ болѣе терпѣть соблазновъ и человѣческой славы, подалъ прошеніе въ Святѣйшій Синодъ, чтобы уволили его въ Іерусалимъ на поклоненіе. Когда уволили, онъ сначала отправился въ Іерусалимъ, а оттуда пришелъ въ святую Аѳонскую Гору, въ нашу обитель; духовникъ Арсеній благословилъ ему говорить для пользы прочихъ. Постригли его въ великую схиму, и отпустили въ сію пустыню. Жизнь его такая была, что я всегда удивлялся: я жилъ въ келліи, а онъ всегда пребывалъ въ церкви, и келліи себѣ не имѣлъ, потому что другая у насъ келлія была вмѣсто кухни. Правило его было такое: каждую ночь съ-вечера становился онъ среди церкви на умную молитву, и стоялъ двѣнадцать часовъ, а иногда и болѣе, какъ столпъ неподвижимъ. Отъ того стоянія ноги у него опухли, и сдѣлались весьма толсты. Утромъ прочитывалъ часть отъ Апостола, часть Евангелія и Акаѳистъ Богородицѣ, и часть отъ Добротолюбія, а иногда Исаака Сирина. Потомъ занимался малыми трудами въ своемъ огородѣ. Пищу же употреблялъ не мастящую. На ребрахъ своихъ никогда не лежалъ, но давалъ упокоеніе своему тѣлу и мѣсто сну послѣ трапезы одинъ часъ, и то сидя въ церкви; потомъ отправлялъ монашеское келейное правило, положенное отъ игумена и монастыря, тысячу пятьсотъ поклоновъ: триста земныхъ, а прочіе поясные. Потомъ занимался малыми трудами. И такъ проводилъ жизнь свою. И до конца умертвилъ свою

плоть, прежде смерти: былъ весьма сухъ, такъ что одни только видно кости и кожу; очи всегда были наполнены слезъ. Я же, лѣнивый и непотребный, не только въ чемъ бы ему подражать могъ, но и смотрѣть на его подвиги ужасался. Каждую недѣлю ходили мы въ монастырь на всенощное бдѣніе, и на Литургіи причащались Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Потомъ ходили съ братіею на общую трапезу. По трапезѣ, получивши отъ игумена благословеніе и взявши себѣ потребное, возвращались въ свою пустынную келлію. И тамъ проводили дни и мѣсяцы въ тишинѣ и безмолвіи, въ духовной радости и веселіи. Иногда приходилъ къ намъ въ пустыню духовникъ, а иногда присылалъ іеромонаха, и служилъ у насъ Литургію, и мы причащались Святыхъ Таинъ. Спаси ихъ Господи, отцевъ моихъ, игумена Герасима и духовника Іеронима, что они совершенно меня успокоили, какъ сказали: «до смерти своей живи тамъ, ни о чемъ не пекись, и благодари Бога, и за насъ молись!»

78. Въ іюнѣ 1845 года получено было на Аѳонской Горѣ радостное для Грековъ, а наипаче для Русскихъ, тамъ проживавшихъ, извѣстіе, что прибылъ въ Константинополь Россійскій Царевичъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Начали думать: не посѣтитъ ли и св. Аѳонскую Гору? Но впрочемъ не имѣли надежды: потому что Царевичъ поѣхалъ изъ Россіи не монастыри смотрѣть, а царства, города и страны, и проч. Въ одинъ простой день понудила меня совѣсть сходить въ монастырь для нѣкоей своей потребности; и взявши отъ своего старца Тимоѳея благословеніе, пошелъ въ монастырь. Это было въ

іюлѣ мѣсяцѣ. Пришедши въ монастырь, пошелъ съ братіею въ трапезу. Послѣ трапезы, смотримъ, идетъ отъ Солуня пароходъ, и какъ только минулъ полуостровъ Сику, то поворотилъ прямо къ св. Горѣ Аѳонской. Мы всѣ удивились, что̀ это значитъ? Потому что пароходы никогда еще къ св. Горѣ не захаживали. Посмотрѣли въ подзорную трубку, и увидали русскіе флаги. Тогда всѣ поняли, что ѣдетъ Царевичъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Всѣ наши отцы забѣгали въ испугѣ отъ того, что нечаянно пріѣзжаетъ такой великій гость. Игуменъ Герасимъ прибѣжалъ къ русскому духовнику Іерониму, и сквозь слезы сказалъ: «отецъ Іеронимъ, встрѣчайте вы русскіе сего дорогаго гостя, какъ знаете; потому что мы греки еще не встрѣчали такихъ великихъ гостей, особъ Царскаго Дома; теперь распоряжайся ты, какъ знаешь.» Духовникъ приказалъ благовѣстить въ большой колоколъ, а братіи всей собираться въ церковь. Собравшись, всѣ іеромонахи и іеродіаконы облачились въ лучшую священную одежду. Въ церкви зажгли всѣ свѣчи и паникадила. Игуменъ взялъ крестъ, и вышли съ хоругвями и фонарями изъ монастыря. Братія съ хоругвями пошли къ самому морю, а іеромонахи съ іеродіаконами остались близъ воротъ монастырскихъ. Пароходъ держалъ прямо къ нашему монастырю. Послѣ намъ сказывали, что когда Царевичъ посмотрѣлъ въ подзорную трубку, и увидалъ братію съ хоругвями, положилъ трубку, и съ чувствомъ сказалъ: «вотъ наши русскіе, знаютъ какъ встрѣчать.» Его тронуло наипаче то, что, сколько онъ ѣздилъ по Турціи и греческимъ островамъ, нигдѣ не видалъ такой встрѣчи. Когда пароходъ подошелъ близко къ

берегу, то посланъ былъ къ берегу каикъ, и подъѣхавшіе спросили насъ: «Есть ли у васъ русскіе? по крайней мѣрѣ, знаетъ ли кто по-русски говорить? Такіе пожаловали бы человѣка три на пароходъ. Великій Князь желаетъ поговорить.» Наши три брата тотчасъ разоблачились и отправились на пароходъ: духовникъ Іеронимъ, іеросхимонахъ Антоній, пришедшій съ Валаама, и іеросхимонахъ Сергій, прежде бывшій Серафимъ, Вятской губ., изъ студентовъ семинаріи. Когда они пріѣхали на пароходъ, Царевичъ взялъ отъ нихъ благословеніе, и спросилъ ихъ, откуда они родомъ? И когда узналъ, что истые Великороссіяне, то изъявилъ радость; спросилъ, сколько братіи. Потомъ сказалъ: «поѣзжайте съ Богомъ, и скажите отцамъ, чтобы на солнцѣ не стояли: теперь жарко; а я еще замедлю часъ, буду обѣдать.» Когда о томъ отцы пріѣхавши сказали намъ, мы возвратились къ монастырю и пождали часъ.

Потомъ заиграла на пароходѣ музыка, и мы пошли къ морю. Царевичъ вышелъ на берегъ, поклонился и сказалъ намъ: «здравствуйте, отцы, и благословите!» Мы поклонились. Потомъ пошли къ монастырю. Близъ вратъ стояло всё духовенство. Игуменъ благословилъ Царевича крестомъ. Потомъ запѣли: «*Достойно есть*» и пошли. Царевичъ былъ весьма веселъ, и сказалъ: «это кіевская Лавра, и пѣвчіе кіевскіе.» Взошли въ церковь Успенія Божіей Матери, гдѣ горѣло множество свѣчъ и лампадъ: былъ молебенъ и многолѣтіе по-русски. Царевичъ стоялъ по срединѣ церкви. Потомъ вынесли изъ алтаря всѣ св. мощи въ ковчегахъ, и поставили среди церкви. Царевичъ сталъ прикладываться съ благоговѣніемъ: предъ каждою святынею

творилъ по три поклона. Братія въ это время пѣли стихиры. Наши отцы, греки и болгары, плакали отъ великой радости: 1-е, о томъ, что со страхомъ и благоговѣніемъ подходитъ Царевичъ къ святынѣ; 2-е, что сподобились видѣть своими глазами отрасль Православнаго Христіанскаго Царя. Также говорили: « Блажени очи наши, видѣвшія днесь Православнаго Христіанскаго Царскаго Сына! Чего мы не знали уже болѣе 400 лѣтъ, то нынѣ видимъ своими очами. Великъ день сей для нашей обители и для всей св. Горы Аѳонской: она сподобилась принять такого гостя, поклонника и богомольца, какого не видала у себя многіе вѣки.»

Поклонившись всей святынѣ, Царевичъ пошелъ въ русскую церковь Святителя Митрофана, и посѣтилъ весь русскій корпусъ и три церкви. Потомъ пошелъ къ новостроющемуся храму во имя Святит. Митрофана, и полюбовался имъ. Спрашивалъ объ иконостасѣ; Ему сказали, что иконостасъ дѣлается въ С.-Петербургѣ. Потомъ, пройдя по всему монастырю, прошелъ прямо въ гостинницу, гдѣ угощали сладкимъ вареніемъ, кофеемъ и аѳонскими орѣхами, которые ему понравились. Потомъ іеросхимонахъ Сергій говорилъ Ему по бумагѣ рѣчь: ублажилъ его пришествіе во св. Гору Аѳонскую, и сколь возрадовалась сія пустыня о Его пришествіи, сколько будетъ благодарна св. Гора за Его посѣщеніе, и прочаго много, — все въ стихахъ. Царевичъ слушалъ внимательно и со слезами на глазахъ. Потомъ взялъ и еще Самъ, прочиталъ и оставилъ у Себя. Хотѣлъ также сказать слово архимандритъ Прокопій, грекъ, но консулъ отсовѣтовалъ, потому что слово было на ново-греческомъ языкѣ.

Сидѣлъ въ гостинницѣ часа съ три; много разговаривалъ и разспрашивалъ, пока приготовили муловъ, и дали повѣстку въ прочіе минастыри.

Когда проводили Его Высочество на пароходъ, Онъ пошелъ въ монастырь *Ксенофъ,* а прочіе поѣхали сухимъ путемъ. Здѣсь была встрѣча Царевичу такъ же, какъ и въ первомъ монастырѣ; также прикладывался къ мощамъ, и былъ угощаемъ въ гостинницѣ.

Отсюда Великій Князь отправился пароходомъ въ монастырь *Дохіаръ;* здѣсь то же самое было, что̀ и въ Ксенофѣ.

Отсюда дошелъ пароходомъ до Зографской пристани, сѣлъ на мула, и поѣхалъ въ монастырь *Зографъ;* тутъ встрѣтили такъ же, какъ и въ Русскомъ монастырѣ. И здѣсь ночевалъ. По-утру ходилъ къ Литургіи. Литургію служилъ русскій іеромонахъ Иліодоръ; пѣли болгары; и Онъ сталъ пѣть Самъ, и пѣлъ прекрасно.

Послѣ Литургіи сходилъ въ гостинницу, и потомъ сѣлъ на своего мула, и отправился въ монастырь *Хилендарь.* Здѣсь встрѣча такъ же была, какъ выше сказано. Взошедши прежде въ храмъ, приложился къ чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, нарицаемой Игуменіи. Прочую святыню всю поставили на престолъ, и, желая почтить особу Царственнаго Дома, просили Царевича, чтобы взошелъ въ алтарь приложиться къ святынѣ; но Царевичъ не соизволилъ, и сказалъ: «я не священникъ и не Царь, чтобы мнѣ входить въ алтарь.» Греки, удивляясь его смиренію, вынесли изъ алтаря всю святыню и поставили на срединѣ церкви, и Онъ прикладывался съ благоговѣніемъ, такъ что всѣ болгары плакали. Потомъ много разсматривалъ храмъ, удивлялся красотѣ его; въ гостин-

ницѣ угощали Его Высочество кофеемъ, вареньемъ и орѣхами.

Потомъ Царевичъ поѣхалъ въ монастырь *Есфигменъ*, гдѣ встрѣченъ былъ также съ иконами и крестами, и прикладывался къ св. мощамъ.

Послѣ угощенія въ гостинницѣ, сѣлъ въ легкій каикъ и пошелъ моремъ въ монастырь *Ватопедъ*, великую Лавру; а прочіе на мулахъ туда же ѣхали горами. Здѣсь греки встрѣчу сдѣлали по-своему: отъ самой церкви до пристани выстлано было дорогими коврами, на которые набросали разныхъ благовонныхъ цвѣтовъ и лавроваго листу. Встрѣчать вышли до самой пристани Митрополитъ съ архимандритами, которые тутъ живутъ на покоѣ, всѣ іеромонахи и іеродіаконы. Вынесли много хоругвій и крестовъ, въ томъ числѣ и крестъ царя Константина Великаго, который носилъ онъ предъ полками, большое Евангеліе и чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, Ктиторшу.

Здѣсь было великое стеченіе монаховъ изъ всѣхъ ближнихъ скитовъ и келлій; ибо уже почти всѣ на Св. Горѣ узнали и поспѣшали въ Ватопедъ. Здѣсь Великому Князю готовили обѣдъ. Царевичъ, подъѣхавъ, посмотрѣлъ и спросилъ: «что̀ это значитъ, что такую Мнѣ дѣлаютъ встрѣчу?» Ему сказали, что это греки по своему обычаю. Митрополитъ держалъ крестъ изъ самаго честнаго древа; и когда Царевичъ вышелъ на берегъ, Митрополитъ трижды Его осѣнилъ крестомъ, и далъ поцѣловать его. Пѣвчіе пѣли не «*Достойно есть*», но торжественную и радостную пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ*», и проч. до конца. Пошли тихо; у Царевича на глазахъ были слезы.

Здѣсь можно было видѣть множество аѳонскихъ монаховъ: ибо почти всѣ аѳонскіе отцы и пустынножители оставили свои уединенныя келліи и пещеры, и пришли посмотрѣть Благовѣрнаго Россійскаго Царевича и Великаго Князя, Константина Николаевича. Всѣ проливали отъ радости слезы, и, крестя лица свои, благодарили Бога, и смотрѣли на Царевича, какъ на свѣтлаго Ангела Божія, посланнаго съ небеси. Удивлялись, что пришелъ не съ пышностію и не съ гордостію, какъ имѣетъ обычай Султанъ ѣздить, но со смиреніемъ и кротостію, не имѣя вокругъ себя ни стражи, ни тѣлохранителей, но окруженъ былъ одними монахами и немногими своими спутниками, и одежда была на немъ не златотканная и богатая и не воинская, но самая простая: соломенную шляпу держалъ въ рукѣ.

Въ Ватопедѣ что-то было особенное со всѣми. Въ прочихъ монастыряхъ опасались турокъ оказать какое-нибудь великое уваженіе; но ватопедскіе отцы позабыли весь страхъ, и встрѣтили отъ всей своей души, какъ только лучше могли.

Взошли въ Великій соборъ: онъ былъ убранъ и украшенъ; горѣло множество свѣтильниковъ, и всѣ свѣчи и паникадилы. Выставлена была вся святыня, и Царевичъ прикладывался съ благоговѣніемъ. И когда подошелъ прикладываться ко кресту Константина Великаго, тогда Митрополитъ воздвигъ крестъ, и трижды осѣнилъ имъ, говоря: «симъ побѣждай враги твоя.»

Отсюда пошли въ гостинницу, гдѣ угощали Великаго Князя. Потомъ Онъ кушалъ, и послѣ обѣда отправился въ скитъ Иліи Пророка, разстояніемъ отъ

Ватопеда верстъ десять, все горами и темнымъ лѣсомъ. Царевичъ поѣхалъ прямымъ путемъ, сопровождаемый множествомъ монашествующихъ, предъидущихъ и послѣдующихъ Ему. Дорога узкая, такъ что съ трудомъ можно проѣхать; по обѣ стороны темный лѣсъ. Отъ Ватопеда долго ѣхали на гору, а потомъ по ровному мѣсту, послѣ подъ крутую гору. Царевичъ слѣзъ съ мула, и пошелъ пѣшкомъ; смотря на Него, и всѣ слѣзли, и также пошли пѣшкомъ.

Увидѣвъ впереди строеніе, Царевичъ спросилъ: «что это такое?» Ему отвѣчали, что это *скитъ Богородицы*, живутъ болгары, а принадлежитъ къ русскому монастырю. Царевичъ пожелалъ заѣхать туда. А братія скитскіе ничего не знали и не слыхали; потому что живутъ отъ монастыря далеко, сами никуда не ходятъ, а имъ никто не сказалъ, и занимались своими трудами. Вдругъ скитъ ихъ наполнился народу, монаховъ и мірскихъ; начали звонить. Скитскіе братія испугались; вышелъ игуменъ Никифоръ и спросилъ, чтò это значитъ. Ему сказали, что пріѣхалъ Россійскій Царевичъ. Игуменъ испугался, и не зналъ чтò, дѣлать. Сторонніе братія подвели его къ Царевичу, но онъ отъ испуга ничего не говорилъ. Хотя и говорили ему, показывая рукою на Царевича: это, отче, Россійскаго Императора Николая Павловича сынокъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ; заѣхалъ къ тебѣ въ гости; но игуменъ ничего не говорилъ, а только кланялся. Царевичъ подошелъ къ нему и сказалъ: «благослови, отче.» Игуменъ благословилъ. Царевичъ взялъ его руку, и держа оную, сказалъ: «Отче! не бойся. Поведи насъ въ церковь, скажи ектенію, и помолись за насъ.» Игуменъ, ободрившись, побѣ-

жалъ въ церковь, надѣлъ на себя епитрахиль и ризы, и встрѣтилъ съ крестомъ Царевича на паперти. Взошли въ церковь; по ектеніи и многолѣтіи вынесли св. мощи, къ которымъ Царевичъ приложился, а потомъ пошелъ въ гостинницу, гдѣ Его угощали.

Потомъ отправился въ путь, въ *скитъ Иліи Пророка,* почти непроходимою пустыней. Въ скиту встрѣтили по-русскому: въ церкви была ектенія и многолѣтіе по-русскому. Потомъ пошелъ въ гостинницу, гдѣ и ночевалъ. По-утру стоялъ Литургію; Самъ помогалъ пѣть. Изъ церкви пошелъ въ гостинницу. Сюда приходили отцы изъ монастырей Ставроникиты и Ивера, и просили Царевича, чтобы Онъ посѣтилъ ихъ св. обители. Но Онъ, посовѣтовавшись съ путниками своими, отвѣчалъ со вздохомъ: «радъ бы Я всѣ ваши обители посѣтить: но времени не имѣю.»

Потомъ отправился на *Карею,* т. е. на аѳонскій базаръ: въ лѣвой сторонѣ отъ дороги остались монастыри *Пантократоръ* и *Ставроникита*; только слышны были звоны ихъ. Когда выѣхалъ на Капсалъ: остановился и полюбовался на Св. Гору Аѳонскую, и поѣхалъ далѣе на Карею, на которую собралось монашествующихъ не одна тысяча; для принятія было приготовлено училище. Встрѣчать пошли изъ карейскаго протатскаго собора съ хоругвями, крестами, свѣчами, иконами и Евангеліемъ, такъ же, какъ и въ Ватопедѣ; болѣе ста человѣкъ было духовенства, и Архіепископъ Панкратій, и всѣ члены Сνнода. Изъ всѣхъ монастырей были игумены и проестосы, а также множество простыхъ монаховъ. Шли встрѣчать болѣе версты. Когда же встрѣтили: Архіерей благословилъ Великаго Князя крестомъ, а пѣвчіе запѣли:

«*слава въ вышнихъ Богу.*» Кто тогда могъ не плакать отъ радости? Когда подошли къ училищу и хотѣли въ него входить, Царевичъ спросилъ: «развѣ великой церкви нѣтъ?» Ему сказали: «есть, да далеко идти.» Но Царевичъ пожелалъ идти въ великую церковь. Взошедши въ церковь, по ектеніи и многолѣтіи, прикладывался къ св. мощамъ и чудотворной иконѣ Пресвятыя Богородицы, называемой «*Достойно есть.*» Потомъ ходилъ въ протатъ, и возвратился въ училище.

Пришедши туда, сѣлъ и всѣмъ приказалъ сѣсть. Его угощали разнымъ вареніемъ, кофеемъ и фруктами; и сдѣлался весьма веселъ. Монаховъ было множество, всѣ кругомъ сидѣли на диванахъ, и Онъ со всѣми любезно разговаривалъ, разспрашивалъ.

Потомъ предложили Царевичу, что многіе отцы желаютъ поднести Ему аѳонскіе подарки. Онъ приказалъ всѣмъ невозбранно приходить и подносить Ему, кто что имѣлъ: кто кресты, иные иконы, а болѣе всего разныхъ ложечекъ отъ своего рукодѣлія; и Онъ отъ всѣхъ принималъ и награждалъ щедро.

Потомъ подошли иверскіе отцы, и со слезами просили посѣтить ихъ св. обитель, потому что они имѣютъ сношеніе съ Россіею, и имѣютъ подворье внутри самой Москвы; но Царевичъ говорилъ, что невозможно: времени не имѣетъ. Потомъ стали просить Лаврцы, чтобы посѣтилъ ихъ св. Лавру Аѳанасія Аѳонскаго. Царевичъ обѣщался заѣхать пароходомъ. Просили и прочихъ монастырей отцы посѣтить ихъ обители: но Царевичъ не соизволилъ по неимѣнію времени.

Потомъ отправился въ монастырь *Ксиропотамъ,* въ

сопровожденіи множества монаховъ. Въ Ксиропотамѣ встрѣтили также; и по ектеніи и молебнѣ Кресту, прикладывался ко кресту изъ честнаго древа, съ отверстіемъ, гдѣ былъ гвоздь. Духовникъ трижды осѣнилъ Царевича крестомъ, и Онъ трижды цѣловалъ крестъ; послѣ того было многолѣтіе. Потомъ былъ въ гостинницѣ. Тамъ были при Немъ всѣ старшіе братія изъ нашего русскаго монастыря, и съ Нимъ говорили: просили Его, чтобы еще посѣтилъ русскую обитель, но Онъ отказался, и сказалъ: «пусть братія русскаго монастыря пріидутъ на пароходъ, ежели кто желаетъ со мной проститься.» И мы всѣ русскіе отправились на пароходъ, и многіе изъ грековъ. Мы пріѣхали прежде, и намъ пока на пароходѣ всё показывали; а Царевичъ, въ Ксиропотамѣ простившись со всѣми аѳонскими отцами, пріѣхалъ на пароходъ послѣ, и съ нами здѣсь простился; отъ игумена и отъ духовника и отъ всѣхъ іеромонаховъ взялъ благословеніе. Мы въ каикахъ поѣхали въ монастырь, а пароходъ пошелъ въ путь.

И шелъ подлѣ Горы Аѳонской: Царевичъ разсматривалъ съ моря всѣ монастыри и скиты, но въ нихъ не останавливался; а встрѣчали и провожали его колокольнымъ звономъ. Въ Лаврѣ св. Аѳанасія остановился, ходилъ во-внутрь; встрѣча была какъ и въ Ватопедѣ; прикладывался ко всей святынѣ, былъ въ гостинницѣ, и потомъ отправился въ Константинополь.

Такъ Его Императорское Высочество, Царевичъ и Великій Князь, Константинъ Николаевичъ посѣтилъ жребій Царицы Небесной, св. Гору Аѳонскую! Побывалъ въ девяти монастыряхъ, двухъ скитахъ и въ

главномъ мѣстѣ Аѳона, на Кареѣ; а вблизи проѣхалъ шесть монастырей, ихъ хорошо видѣлъ; скитовъ и келлій видѣлъ множество. Гдѣ былъ, вездѣ снималъ планы. Вся св. Гора Аѳонская радовалась и веселилась о таковомъ поклонникѣ и посѣтителѣ; всѣ благодарили за сіе Бога и Божію Матерь; благодарили и Всероссійскаго Государя Императора Николая Павловича, что прислалъ любезнаго Своего Сына на поклоненіе во Св. Гору; также благодарили Великаго Князя Константина Николаевича, что заѣхалъ во Св. Гору, и обрадовалъ Своимъ посѣщеніемъ всѣхъ аѳонскихъ отцевъ и пустынножителей.

79. Наступало великое торжество въ нашей обители, храмовый праздникъ святаго Великомученика Пантелеимона. Здѣсь кстати описать, какъ на святой Аѳонской Горѣ торжествуютъ храмовые праздники. Ибо какъ въ Руссикѣ совершали, такъ совершаютъ праздники и во всѣхъ монастыряхъ и скитахъ; а въ нѣкоторыхъ еще превосходнѣе.—Въ послѣднюю субботу, предъ праздникомъ, на Кареѣ просили отцевъ аѳонскихъ къ себѣ на праздникъ, и для сего наняли одного сердàра, то-есть, стража аѳонскаго, и онъ ходилъ по базару, и кричалъ: «отцы св. и братія! отцы русскаго монастыря просятъ къ себѣ на праздникъ: ежели кто любитъ святаго Великомученика Пантелеимона, да приходитъ, и всѣхъ упокоютъ.» Значительныхъ людей и пѣвчихъ приглашали письмами. Іюля 26 числа, рано утромъ, пошли мы съ своимъ старцемъ Тимоѳеемъ въ монастырь, и пришли еще во время утрени. На Литургіи причастились Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. На праздникъ сошлось, по обычаю аѳонскому, множество монаше-

ствующихъ; пришло много также и доброгласныхъ пѣвцовъ. Потомъ пріѣхалъ Архіепископъ; его встрѣтили всѣ братія съ хоругвями, а игуменъ съ крестомъ. Когда настало время вечерни: начали звонить въ большой колоколъ, потомъ въ малый. Прочитали девятый часъ въ притворѣ, и взошли въ храмъ. Архіерей сталъ на своей каѳедрѣ; служащій іеромонахъ предъ царскими вратами сотворилъ три поклона въ-поясъ, потомъ обратился къ Архіерею, сотворилъ ему поклоненіе до земли, взялъ отъ него благословеніе, и сталъ посреди церкви; сотворивши три поклона, возгласилъ: «*Благословенъ Богъ нашъ*» и пр. Архіерей сказалъ: «*Аминь.*» Потомъ начали читать: «*пріидите, поклонимся*» и пр. и *псаломъ* 103. Потомъ пѣли стихиры на «*Господи, воззвахъ*,» а екклесіархи ручными кадильницами кадили братію. Стихиры всѣ пѣли нараспѣвъ съ канонархомъ. Послѣ малой вечерни пошли изъ церкви два монаха въ мантіяхъ съ двумя подсвѣчниками; за ними іеромонахъ въ мантіи и епитрахили несъ икону святаго Великомученика Пантелеимона; за ними шелъ игуменъ, и всѣ братія пѣли тропарь Святому, и пошли въ трапезу. Икону поставили на аналоѣ, а сами всѣ сѣли за столы, и было великое утѣшеніе; во время трапезы читали на каѳедрѣ изъ житія святаго Пантелеимона. По трапезѣ, опять вошли въ церковь съ пѣніемъ. Ко всенощному бдѣнію ударяли въ било рѣдко, потомъ въ одинъ колоколъ, а потомъ въ желѣзное било; послѣ во вся; въ притворѣ читали малое повечеріе; по отпускѣ вошли въ храмъ, и творилъ каждый по три поклона, и садился на своемъ мѣстѣ. Екклесіархъ возжегъ на подсвѣчникѣ свѣчу предъ царскими вратами. Священ-

никъ отворилъ царскія врата, и покадилъ престолъ и весь алтарь; потомъ взошелъ екклесіархъ, и возгласилъ: «*востаните*!» И всѣ встали. Екклесіархъ свѣщу поставилъ среди церкви, а священникъ кадилъ иконы по-трижды, Архіерея трижды по-трижды, а братію всю — каждаго по-дважды, и творилъ поклонъ, и ему вся братія также. Потомъ предъ царскими вратами возгласилъ: «*Господи, благослови.*» Екклесіархъ сказалъ: «*Аминь.*» Потомъ священникъ, покадивъ престолъ, возгласилъ: «*Слава Святѣй*» и пр. Архіерей сказалъ: «*Аминь*», и началъ читать: «*Пріидите, поклонимся*» и пр. и Псаломъ «*Благослови душе моя Господа*» и пр. до «*отверзшу Тебѣ руку.*» Тогда пѣвчіе запѣли, и пѣли почти два часа; потомъ была ектенія. «*Блаженъ мужъ*» — всѣ три псалма пѣли на-распѣвъ, по стихамъ, съ полчаса; стихиры на «*Господи, воззвахъ*» пѣли полтора часа или и болѣе. Когда запѣли протяжнымъ голосомъ «*Господи, воззвахъ къ Тебѣ*» и пр., тогда два діакона начали кадить весь храмъ и всю братію, каждаго. На лѣвомъ плечѣ они носили ковчегъ, или дароносицу, сдѣланную на-подобіе церкви пятиглавой съ крестами, серебряную вызолоченную; поддерживали рукою въ пеленѣ, и весьма прилично и благообразно. Когда пѣли стихиры, тогда екклесіархъ ходилъ по всей церкви, и приглашалъ всѣхъ іеромонаховъ и іеродіаконовъ въ алтарь. Тогда іеродіаконы по-два выходили и становились среди церкви, творя два поклона въ-поясъ, а третій земный, подходили къ Владыкѣ съ земнымъ поклономъ, и брали отъ него благословеніе. Поклонившись, уходили въ алтарь; за ними іеромонахи такъ же творили, и уходили облачаться. Когда же начали пѣть «*и нынѣ*» и

Богородичен: тогда вышли изъ алтаря напередъ два екклесіарха въ мантіяхъ, несли по подсвѣчнику; за ними два діакона съ кадилами; за ними два-же діакона, одинъ съ киріями, а другой со свѣчею; за ними два діакона съ рипидами; за ними одинъ діаконъ несъ великій запрестольный крестъ; прочіе діаконы шли по-двое со свѣчами; за ними шли по-двое священники съ опущенными внизъ руками; за ними уже и игуменъ. Всѣхъ же вышло около ста человѣкъ, и сдѣлали великое полукружіе; а когда діаконы покадили иконы и Владыку, и одинъ изъ нихъ возгласилъ «*премудрость, прости*»: тогда «*Свѣте тихій*» пѣли одни только священники и діаконы. Когда начали пѣть слова: «*пришедше на западъ солнца*»: тогда игуменъ на правый и лѣвый клиросъ сотворилъ по малому поклону, и вошелъ въ алтарь; священники по-двое такожде сотворили; діаконы въ царскихъ вратахъ кадили каждаго, и допѣвали стихъ уже въ алтарѣ; далѣе и прочее по уставу. На литію выходилъ Владыка, и износили праздничную икону. Была литія со стиховными почти два часа. По благословеніи хлѣбовъ было великое чтеніе изъ житія Святаго; въ это время всѣ сидѣли, а пѣвчіе подкрѣплялись на гостинницѣ питіемъ, потому что уже болѣе шести часовъ потрудились. Шестопсалміе читалъ Владыка. По ектеніи, «*Богъ Господь*» пѣли весьма протяжно, такожде и тропарь. При чтеніи каѳизмъ, братія стояли; сѣдальны же пѣли съ канонархомъ сидя. Между каѳисмъ было обычное чтеніе. Поліелей пѣли всѣ три псалма по стихамъ почти два часа, На поліелеи зажгли въ паникадилахъ и на хорусѣ всѣ свѣчи, и паникадилы всѣ раскачивали. И было великое во храмѣ

торжество. Самъ Владыка кадилъ весь храмъ и каждаго изъ братіи. Антифоны пѣли протяжно. Евангеліе читалъ Владыка на каѳедрѣ. Канонъ со всѣми стихами пѣли съ канонархомъ распѣвомъ, наподобенъ *ирмоса*. На первой пѣсни кадили діаконы, имѣя на плечахъ ковчеги. По третіей пѣсни погасили свѣчи, и было чтеніе. По шестой—опять чтеніе. На восьмой зажгли свѣчи; девятую пѣснь пѣли высшимъ гласомъ, и кадили діаконы, тожъ съ ковчегами; *свѣтиленъ* пѣлъ одинъ посреди церкви. «*Всякое дыханіе*» пѣли, всѣ три псалма, протяжнымъ гласомъ, по стихамъ. Тогда Владыка помазывалъ всѣхъ отъ лампады Святаго елеемъ. *Славословіе* пѣли по клиросамъ на-распѣвъ, по стихамъ, торжественно. Потомъ «*Святый Боже*» *и тропарь,* ектенія и отпускъ, *и первый часъ*. И такъ продолжалось бдѣніе болѣе четырнадцати часовъ. Потомъ пошли въ крестный ходъ съ хоругвями и со свѣчами; а священники взяли изъ алтаря святыя мощи и всю святыню, и среди монастыря святили воду; потомъ прикладывались всѣ ко святынѣ; игуменъ кропилъ святою водою; я въ это время держалъ хоругвь.

80. Вдругъ, насъ какъ солнце осіяло, увидѣли мы своего старца и духовника Арсенія, пришедшаго изъ своей пустыни. Всѣ обрадовались его пришествію, вкупѣ же и весьма удивились, и переговаривали между собою: «Что̀ это значитъ, что онъ пришелъ на праздникъ? Какое-нибудь имѣетъ великое дѣло, которое его понудило идти.» Потому удивлялись мы, что онъ къ намъ въ два или въ три года приходилъ единожды, и то по нуждѣ великой, и тогда мало его кто видалъ, кромѣ духовника Іеронима. Я болѣе не

могъ терпѣть, отдалъ хоругвь другому, и пошелъ, поклонился ему до земли, и получивъ благословеніе, лобызалъ его десницу, омочивъ ее слезами, и спросилъ: «или, отче святый, пришли насъ посѣтить?» Онъ отвѣтилъ мнѣ: «да, пришелъ къ вамъ на праздникъ; я уже дома отслужилъ Литургію, да еще и къ вамъ пришелъ на Литургію.» Я его еще спросилъ: «какой, отче святый, приходъ вашъ?» Онъ сказалъ· «во славу Божію.» Я поклонился, и отошелъ къ своему послушанію. (Вотъ каковъ былъ старецъ седьмидесятилѣтній! Дома отслужилъ всенощное бдѣніе и Литургію, и двадцать верстъ перешелъ съ горы на гору, и къ намъ еще пришелъ, и засталъ бдѣніе.) Потомъ мы обошли вокругъ собора, и пришли въ церковь и начали облачать Архіерея, потомъ читать часы. Началась Литургія: *Святый Боже* пѣли протяжно, такъ что въ то время екклесіархи ручными кадильницами могли покадить весь храмъ и братію... Апостолъ и Евангеліе читали по-два, на греческомъ и русскомъ языкѣ. По Литургіи, Владыка раздавалъ антидоръ, и пили святую воду. По окончаніи Литургіи, съ иконою и великимъ торжествомъ и пѣніемъ пошли въ трапезу, гдѣ было великое утѣшеніе; жертвенникъ читалъ діаконъ на каѳедрѣ. По трапезѣ, пошли опять въ церковь, и тамъ провозглашаемо было многолѣтіе Константинопольскому Патріарху, Россійскому Императору, игумену Герасиму и всей братіи.

81. Потомъ, получивъ отъ игумена благословеніе, я пришелъ къ духовнику Іерониму, съ которымъ сидѣлъ и старецъ мой Арсеній, и отъ нихъ получивши благословеніе, пошелъ въ свою тихую и уединенную пустынную келію. Старецъ же Тимоѳей остался еще

въ монастырѣ. Пришедши, напоилъ я водою огородъ, и взошелъ въ пустынную церковь, зажегъ лампады, и много радовался и благодарилъ Господа Бога моего, что всюду меня утѣшаетъ: въ монастырѣ радовался и торжествовалъ со святыми отцами аѳонскими и братіею; здѣсь же наипаче радуюсь и веселюсь въ тишинѣ и безмолвіи одинъ съ единымъ моимъ Богомъ; и много отъ радости изливалъ слезъ. — Но, увы мнѣ паче всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшему! Это мое торжество и радость были послѣднія: послѣдній мой былъ праздникъ, послѣднее было радостное бдѣніе, послѣдняя была утѣшительная трапеза, послѣдній разъ походилъ и порадовался я въ соборной мантіи, послѣдній разъ носилъ аѳонскую хоругвь, послѣдній разъ шелъ въ радости и веселіи путемъ во свою возлюбленную пустыню, послѣдній разъ напоялъ свой огородъ, болѣе уже я въ немъ не бывалъ. Послѣдній разъ въ пустынной моей церкви воздавалъ Господеви моему благодарныя молитвы: послѣдняя моя радость во святой Горѣ Аѳонской и конечная. Висѣла уже надо мною страшная и грозная туча. Близъ вечеру приходитъ мой старецъ Тимоѳей изъ монастыря, измѣнившійся весь въ лицѣ, очи наполнены слезъ. Я, увидѣвши его въ такомъ измѣненіи, весьма испугался, и спросилъ его: «или что случилось въ монастырѣ?» Онъ отвѣчалъ: «иди сейчасъ же въ монастырь: тамъ узнаешь.» Я болѣе уже не сталъ спрашивать, что̀ такое тамъ есть? А онъ еще сказалъ: «Знать, пришло время, что Господь насъ съ тобою разлучитъ. Иди скорѣе въ монастырь, тамъ узнаешь.» Я, слышавши сіе, едва устоялъ на ногахъ: сія вѣсть пронзила мое сердце, какъ стрѣла, и весь я исполнился скорби;

пошелъ въ монастырь, и взошелъ прямо къ духовнику Іерониму.

82. Взявши благословеніе, я спросилъ его: «зачѣмъ меня, отче, такъ не во-время потребовали?» Онъ отвѣчалъ: «Есть до тебя великое дѣло: приходилъ сегодня старецъ нашъ Арсеній, и сказалъ намъ, чтобы тебя отправили въ Россію навсегда. Но мы ему сказали: Зачѣмъ ему идти въ Россію? или онъ еще мало странствовалъ? или мало претерпѣлъ еще скорбей? Мы теперь его успокоили: пусть живетъ, да Бога молитъ; ему теперь хорошо. А онъ намъ сказалъ: «ему хорошо, и вамъ хорошо, да Богу не угодно: есть ему воля Божія идти въ Россію; а вы его не держите.» Мы говорили ему: мы его не отпустимъ страдать, да еще и въ міръ; да и съ чѣмъ онъ пойдетъ? У него денегъ нѣтъ ни копѣйки, а намъ дать нечего, у насъ у самихъ нѣтъ. Много мы съ игуменомъ его уговаривали и противорѣчили ему; но онъ насъ не послушалъ, и сказалъ: «Вы его держать не можете: потому что онъ мой ученикъ; я за его душу отвѣчаю; а о деньгахъ мнѣ не поминайте: это вы человѣчески разсуждаете. Ежели дадите ему что: то добрѣ; а не дадите: то ему Господь дастъ, Который его посылаетъ; а о скорбяхъ его не ваше дѣло разсуждать. Богъ лучше васъ знаетъ, что ему на пользу, и я болѣе васъ о немъ имѣю попеченіе. А вы ежели его не хотите отправлять, то отпустите его ко мнѣ: я его отправлю.» Мы на это болѣе ему не могли ничего говорить. Вотъ зачѣмъ я тебя призвалъ. Иди въ Россію. Старецъ твой тебя посылаетъ въ Россію. А мы тебѣ благословенія не дадимъ, также и денегъ.»

83. Я, выслушавъ все это, палъ на землю, много плакалъ и рыдалъ отъ болѣзни сердца моего, такъ что едва въ себя пришелъ, и сталъ въ слезахъ ему говорить: « Отче св., откуда мнѣ нечаянно пришли сіи скорби? Откуда прилетѣли стрѣлы? Неужели я еще доживу до того горькаго часа, что буду разлучаться со св. Горой Аѳонской, да еще и вѣчно? — Никогда я этого не сдѣлаю, и не подумаю, чтобы мнѣ выйдти изъ Св. Горы; лучше живаго закопайте въ землю, и я съ радостію предамъ душу свою Господеви, а тѣло свое положу съ своею братіею, съ св. отцами аѳонскими, и буду съ ними дожидаться всеобщаго воскресенія.» Отецъ Іеронимъ сказалъ мнѣ: «по нашему бы такъ, да воля не наша, и мы тебѣ помощи дать не можемъ; а за-утро иди самъ къ духовнику, и поговори съ нимъ; а теперь иди, спи: уже скоро утреня.» Я пошелъ на гостинницу, и до самой утрени проплакалъ, размышляя, какія великія нечаянно нашли на меня скорби. Какъ мнѣ будетъ разставаться съ возлюбленною моею пустыней? Какъ мнѣ будетъ разлучаться со св. Горою Аѳонскою? Какъ мнѣ будетъ разставаться паки съ возлюбленными моими аѳонскими отцами духовными и братіею? Какъ мнѣ идти въ далекій путь, не имѣющему у себя ни единой копѣйки денегъ? На что я буду выправлять себѣ заграничный паспортъ? Какъ я буду проходить карантины и границы? Въ монашескомъ образѣ пускать никого не позволено. Что̀ сотворю, — не знаю. Если и въ Россію пріиду: то и тамъ что̀ найду добра, кромѣ однихъ скорбей? Охъ! увы, увы мнѣ паче всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшему! О Господи, Владыко и человѣколюбче, Царю мой Небесный! прости мя грѣшнаго, яко много

изнемогаю въ скорбяхъ моихъ, и до-зѣла разстроилъ душу мою! Но, о Господи, буди на мнѣ святая воля Твоя! твори со мною, еже хощеши! Но только, Владыко, не оставляй меня единаго, безъ Твоея помощи, да будетъ благодать Твоя святая со мною грѣшнымъ, и даруй мнѣ терпѣніе въ скорбяхъ моихъ! Безъ Тебя, моего Создателя, единъ быть не могу, и такихъ великихъ скорбей не понесу. О Господи, прости мя за сіи дерзкія словеса! Не учу Тебя, но прошу Твоей милости; ибо несодѣланное мое видѣста очи Твои; якоже хощеши, устрой о мнѣ вещь; только не отрини мене отъ Твоего лица, и устрой мене по Своей св. волѣ, во вся дни живота моего! Когда стали звонить къ утрени, я пошелъ въ церковь, сталъ въ притворѣ, и всю утрени, отъ великой скорби проплакалъ. По утрени, вся братія меня обступили, много о мнѣ сожалѣли, а иные и плакали. Послѣ того пошелъ я къ своему духовнику, старцу Арсенію, и засталъ его въ келліи. Онъ, увидѣвши меня, скоро пошелъ въ церковь; я за нимъ пришедши, палъ ему въ ноги, и съ горькими слезами началъ ему говорить: «Отче святый, что̀ вы со мной хощете дѣлать? Или я предъ вами что согрѣшилъ, и за то хотите меня выгнать изъ св. Горы Аѳонской? Или вы хотите меня удалить отъ своего лица? За что вы такъ строго хотите поступить? За что вы такъ хотите меня безъ милости наказать? Или я паче всѣхъ аѳонскихъ отцевъ грѣшнѣе? Всѣмъ грѣшникамъ въ Св. Горѣ есть прибѣжище, и сколько тысячъ въ Аѳонѣ монашествующихъ, и всѣ препровождаютъ жизнь свою въ спокойствіи, а одному мнѣ окаянному мѣста нѣтъ! И у меня мѣсто есть, и мнѣ Царица Небесная дала прекрасную пустынную

келійку, и меня возлюбленные мои отцы успокоили. Зачѣмъ ты, отче св., хочешь выгнать меня изъ пустыни, изъ самаго душеспасительнаго мѣста? Зачѣмъ ты хочешь меня разлучить съ возлюбленною моею матерью, со святою моею обителію? Или я еще мало странствовалъ? Или я еще мало претерпѣлъ скорбей, и по морямъ и по суху? Я прошелъ сквозь огнь и воду, и паки пришелъ въ покой, паки возвратился въ тихое пристанище, во св. Гору Аѳонскую; паки меня Царица Небесная приняла въ Свой святый жребій, и отцы мои, спаси ихъ Господи, меня успокоили: а ты паки меня разлучаешь со св. Горой Аѳонской, да еще и вѣчно; паки посылаешь меня въ суетный міръ, наполненный суетами и соблазнами? Ты меня разлучаешь со св. Горой Аѳонской, и вмѣстѣ разлучаешь и съ Пресвятою Царицею Небесною, разлучаешь уже и съ Богомъ.» Онъ, выслушавъ сіе, исполнился слезъ, и сказалъ мнѣ: «Стой: этого не говори, что я тебя разлучаю съ Богомъ. Ты недоумѣваешь, куда посылаю тебя: я больше всѣхъ о тебѣ сожалѣю, но посылаетъ самъ Богъ, и есть Его святая воля тебѣ идти въ Россію. И самъ Богъ будетъ съ тобою, и благодать Его святая не оставитъ тебя. А хотя и разлучишься со св. Горою Аѳонскою, но благословеніе св. Горы Аѳонскія, жребія Божія Матери, да будетъ съ тобою во вся вѣки, такожде и мое отеческое благословеніе да будетъ съ тобою!» Я, сіе услышавши, немного утѣшился, и сказалъ: «Если Господь меня посылаетъ, и со мною будетъ: буди Его святая воля надо мною! Но только, отче св., какъ мнѣ можно идти въ Россію? Первое: отцы мои меня не отпустятъ, и благословенія не дадутъ; ибо они и на тебя оскор-

бились; а второе: съ чѣмъ я пойду? Сколько надобно денегъ на паспорты, на дорогу, на карантины; а я не имѣю ни одной копѣйки! Третья—главная причина: какъ я пойду въ Россію? На границѣ монашескаго и духовнаго званія никого не пущаютъ.» Онъ отвѣтилъ мнѣ: «Отцы тебя удержать не могутъ, и дадутъ тебѣ благословеніе, потому что они противиться Богу не могутъ; а о деньгахъ ты не говори, и не имѣй попеченія: всѣ нужды и недостатки исполнитъ Тотъ, Кто тебя посылаетъ; ты только иди, а Господь тебя не оставитъ, и пошлетъ тебѣ все потребное. А въ Россію чрезъ границу иди, какъ прежде проходилъ, по мірскому паспорту. А послѣ тебѣ Господь поможетъ дѣла твои устроить.» Я же спросилъ: «а гдѣ я въ Россіи буду жить, и что̀ дѣлать?» Онъ же отвѣтилъ: «иди въ Россію, въ восточную страну, въ Сибирь, въ Томскую губернію; а тамъ Господь тебѣ дѣло покажетъ на пользу души твоей и прочимъ.» Я же сказалъ: «О, отче, куда ты меня посылаешь, къ какую далечайшую страну! Гдѣ та Сибирь? Гдѣ та Томскаа губернія? Я про нее и не слыхалъ.» Онъ мнѣ сказалъ: «когда пойдешь, тогда найдешь.» Я опять спросилъ: «а теперь что̀ мнѣ дѣлать, и гдѣ мнѣ жить?» Онъ сказалъ: «иди въ монастырь, и возьми благословеніе: приходи ко мнѣ, и поживи, пока Господь откроетъ путь.» Я пришелъ къ духовнику Іерониму; онъ спросилъ меня: «что̀ тебѣ старецъ сказалъ?» Я отвѣтилъ: «что̀ вамъ, то̀ и мнѣ: посылаетъ въ Россію, да еще и въ Сибирь.» Іеронимъ меня спросилъ: «съ чѣмъ ты пойдешь?» Я сказалъ: «отче св., мнѣ идти не съ чѣмъ; ежели вы дадите мнѣ хотя немного, — хорошо; а то онъ велѣлъ отъ

васъ благословеніе взять, да къ нему переходить.» Іеронимъ мнѣ сказалъ: «не дадимъ тебѣ ни благословенія, ни денегъ; а живи въ монастырѣ.» Я обрадовался, и сказалъ ему: «я, отче, того и желаю: благослови меня идти на послушаніе собирать орѣхи.» Онъ сказалъ: «Богъ благословитъ.» Я съ радостію пошелъ, и думаю, эта буря не пройдетъ ли мимо меня? И собиралъ съ братіею орѣхи шесть дней. Потомъ опять призываетъ меня Іеронимъ, и спросилъ меня: «что, ты миренъ ли былъ на послушаніи?» Я отвѣтилъ: «миренъ, слава Богу.» Онъ сказалъ: «Ты миренъ, да мы не мирны. Иди къ своему старцу, и кончи это дѣло. Пусть онъ паки благословитъ тебя въ нашей обители жить. А мы тебѣ въ Россію благословенія не дадимъ.» Я же исполнился опять неизреченной скорби и печали, и всю дорогу горько проплакалъ. Одинъ старецъ не благословляетъ жить, а другіе отцы не благословляютъ идти. Что сотворю, не вѣмъ. И распяли меня на-двое, и не стало мнѣ на земли мѣста: всѣмъ на земли людямъ Богъ далъ мѣсто, одному мнѣ окаянному не далъ. Прилично мнѣ теперь сказать съ Апостоломъ, что *не имѣю себѣ на земли пребывающаго града*. Пришедши къ старцу Арсенію, палъ ему въ ноги, и со слезами началъ его просить, да помилуетъ меня, да оставитъ меня паки вѣчно жить въ русской обители, и кости свои положить. Старцы сказали, что благословенія мнѣ не дадутъ; а мнѣ безъ ихъ благословенія идти невозможно. Онъ же мнѣ сказалъ: «Въ русскомъ монастырѣ благословенія жить тебѣ нѣтъ; предѣлъ тебѣ отъ Бога положенъ идти въ Россію, и сего миновать тебѣ невозможно; а отцы твои противиться Богу не могутъ:

дадутъ тебѣ благословеніе, и отпустятъ тебя съ миромъ и любовію; но только еще не пришло время. А теперь поживи у меня, и подожди; скажу тебѣ день — когда получишь благословеніе.»

Августа, 5-го числа, пришли Кореневы звать старца Арсенія къ себѣ на праздникъ Преображенія Господня, и меня стали приглашать; и я имѣлъ желаніе идти, но старецъ мнѣ сказалъ: «Ты не ходи къ Кореневымъ; у тебя свой праздникъ. Иди въ русскій монастырь, и получишь сегодня благословеніе; тамъ и празднуй праздникъ.» Я сіе слышавъ, скоро пошелъ въ русскій монастырь, взошелъ къ духовнику Іерониму; онъ спросилъ: «что, далъ ли тебѣ благословеніе—къ намъ?» Я отвѣтилъ: «нѣтъ, отче святый; вы знаете старца: онъ слова не мѣняетъ, а велитъ къ нему переходить.» Іеронимъ сказалъ мнѣ: «иди къ нему, а мы благословенія не дадимъ.» Я сказалъ: «какъ знаете; а только желательно бы мнѣ проститься съ отцомъ игуменомъ, и поблагодарить за его великія милости.» Іеронимъ сказалъ: «пойдемъ.» И пришедши я палъ въ ноги игумену Герасиму, и со слезами просилъ у него прощенія во всѣхъ моихъ согрѣшеніяхъ, и благодарилъ за великія его милости, изліянныя на меня. Онъ, взявъ въ свои объятія главу мою, омочилъ ее слезами, и много обо мнѣ сожалѣлъ. Потомъ всталъ, надѣлъ на себя епитрахиль, и я палъ на колѣни; онъ положилъ епитрахиль на главу мою, и прочиталъ мнѣ разрѣшительную молитву, перекрестилъ главу мою, и сказалъ: «Господь тебя проститъ, чадо мое Парѳеній; и я тебя прощаю и разрѣшаю, твой старецъ и игуменъ, грѣшный Герасимъ.» Потомъ взялъ икону св. Великомученика Пантелеимона,

велѣлъ мнѣ положить три поклона, и сталъ говорить: «буди съ тобою Господне благословеніе и св. Горы Аѳонскія, и нашея св. обители св. Великомученика Пантелеимона, и отъ меня твоего старца и игумена— на всѣ четыре страны во вѣкъ вѣка; только помни свое монашество, и слушай своего старца Арсенія, помни его наставленіе, и на всякомъ мѣстѣ получишь спасеніе.» И отдалъ мнѣ икону. И я благодарилъ его святыню, и умилился, смотря на его святолѣпныя сѣдины. Жалко мнѣ было съ нимъ разстаться. Духовникъ Іеронимъ сказалъ мнѣ: «смотри, какъ игуменъ тебя благословилъ; я такъ не думалъ.» Потомъ отецъ Герасимъ сказалъ: «отецъ Парѳеній, какая у тебя есть одежда, всю себѣ возьми; Господь благословитъ.» И я много благодарилъ его, и вышелъ весьма радостенъ. Также сказалъ я и отцу Іерониму: «отче св., и вы меня благословите, и вы такой-же мнѣ старецъ.» Онъ мнѣ отвѣтилъ: «Уже когда игуменъ благословилъ, то я тебя держать не могу. Уже двое благословили, а третьему надо благословить. Пойдемъ, благословлю.» Взошедши въ келлію, онъ спросилъ меня: «чѣмъ тебя благословить?» Я ему отвѣтилъ: «иконою, отче святый.» Онъ сходилъ въ церковь, взялъ мѣдный крестъ, надѣлъ епитрахиль, велѣлъ мнѣ положить три поклона, прочиталъ разрѣшительную молитву; потомъ взялъ крестъ, и началъ говорить: «буди на тебѣ благословеніе Божія Матери, Царицы Небесной, и св. Горы Аѳонскія, и нашей русской обители св. Великомученика Пантелеимона, и отъ меня твоего старца, духовника іеросхимонаха Іеронима, во вѣкъ вѣка; и благословляю тебя, чадо Парѳеній, не только въ Россію, но и за Россію; и благословляю тебя симъ мѣднымъ крестомъ: онъ

будетъ тебѣ мѣдная стѣна и огражденіе отъ всѣхъ враговъ твоихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и мѣдяное непобѣдимое оружіе на діавола и на всю силу его, и на всѣ козни его, и на всѣ сѣти его, во вся дни живота твоего.» И далъ мнѣ крестъ. Еще далъ мнѣ Слѣдованный Псалтирь; далъ также денегъ шестьдесятълевовъ, т. е. двѣнадцать рублей. И я весьма остался благодаренъ за ихъ великія милости, и много радовался, что, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ сдѣлался развязанъ, и всѣми тремя старцами прощенъ, разрѣшенъ и благословленъ. Теперь буди воля Господня! И стоялъ всенощное бдѣніе въ радости; и отецъ Іеронимъ заставилъ меня послѣдній разъ канонаршить. Всѣ были спокойны духомъ. И по трапезѣ, въ праздникъ, я пошелъ къ старцу Арсенію, а онъ уже прежде меня пришелъ съ праздника; и я пришедши сказалъ ему все,—что получилъ благословеніе отъ обоихъ старцевъ, и все совершилось въ спокойствіи духа и въ мою пользу, и еще дали двѣнадцать рублей денегъ. Онъ сказалъ: «Теперь, слава Богу, совсѣмъ ты на пути; а эти двѣнадцать руб. проведутъ тебя двѣнадцать тысячъ верстъ. Теперь тебѣ Господь открылъ путь; теперь иди прежде въ Іерусалимъ, и поклонись Живоносному Христову Гробу и прочимъ св. мѣстамъ, а потомъ въ Россію: тако есть воля Божія.» Я, сіе слышавши, палъ ему въ ноги, и со слезами началъ говорить: «Отче св., не искушай меня выше силы моея. Како возможно мнѣ нынѣшній годъ идти во Іерусалимъ съ двѣнадцатью рублями? Вы знаете, что только за корабль надобно двадцать руб. въ одинъ конецъ; еще надобно на пищу, надобно на паспорты, на пошлины, за перевозку; надобно въ Іерусалимѣ

за квартиру двѣнадцать рублей, на полгода на пищу, а хлѣбъ тамъ дорогой, и тамъ не въ Россіи, подать некому; поэтому мнѣ идти никакъ невозможно. Хотя я и имѣю желаніе побывать во Іерусалимъ, и поклониться Живоносному Христову Гробу и на горѣ Голгоѳѣ, гдѣ содѣлалось наше спасеніе, и Гробу Божія Матери; но не въ нынѣшній годъ, а уже послѣ, ежели угодно будетъ Богу, изъ Россіи побываю во Іерусалимъ.» Онъ строго сказалъ мнѣ: «Ты больше не противорѣчь; а теперь сряжайся; какъ корабль изъ Солуня прійдетъ, на немъ и поѣдешь; а здѣсь въ Св. Горѣ денегъ ни у кого не проси; а послѣ какъ знаешь. Знай, возлюбленное мое чадо Парѳеній: въ немощахъ твоихъ совершитъ Господь силу Свою, и явитъ на тебѣ чудеса Своя; Господь проведетъ тебя съ этими двѣнадцатью рублями двѣнадцать тысячъ верстъ, и ни что тебя не можетъ удержать, ни моря, ни горы, ни границы, ни злые люди, ни враги твои; только ты не ослабѣвай духомъ, и назадъ не оглядывайся; но иди въ назначенный тебѣ отъ Бога путь, и будешь въ пути спокоенъ, и всѣми тѣлесными потребами доволенъ, и не устанутъ твои ноги отъ дальнаго пути, и достигнешь благополучно до назначеннаго тебѣ мѣста; только вѣруй Господу Богу, что получишь, и все будетъ тебѣ готово.» Я ему сказалъ: «отче св., не могу имѣть такой вѣры, потому что я немощенъ и прихожу въ уныніе.» Онъ сказалъ: «Не изнемогай; Господь тебя во всемъ утѣшитъ, и будетъ тебѣ помощникъ. А теперь живи у меня, пока до корабля.» И началъ жить съ нимъ въ одной келліи. Я прежде не живалъ съ нимъ въ одной келліи; но на послѣднихъ дняхъ сподобилъ меня Господь съ нимъ пожить

въ одной келліи, и посмотрѣть на его равноангельную жизнь. Прожилъ съ нимъ семь недѣль, отъ 6-го августа до 23-го сентября. И слышалъ ежедневно его душеполезныя бесѣды: ежедневно давалъ мнѣ душеспасительныя наставленія, какъ мнѣ провождать жизнь свою въ странствіи, среди міра и соблазновъ, и какъ мнѣ терпѣть скорби и напасти и переносить ихъ съ благодареніемъ, и за враговъ своихъ приносить теплыя къ Богу молитвы, чтобы Господь простилъ ихъ грѣхи. Почти каждый день онъ служилъ Литургію. И я насматривался и любовался на его святолѣпныя сѣдины. И упокоилась душа моя, и просилъ его святыню, чтобы меня благословилъ при себѣ пожить хотя одинъ годъ. Онъ же мнѣ сказалъ: «Радъ бы я съ тобою жить и до смерти, но воли Божіей нѣтъ; а поживи только, пока корабль пріидетъ. И теперь, пока есть время, спрашивай, что̀ тебѣ нужно: уже мы больше съ тобою на семъ свѣтѣ не увидимся.» Я же восплакалъ о томъ, что сказалъ о послѣднемъ свиданіи, и спросилъ его: «а что, отче св., какъ мнѣ благословите: изъ Іерусалима заѣхать ли мнѣ во св. Гору Аѳонскую, или прямо пройдти въ Константинополь?» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «тамъ какъ Господь тебя управитъ: ежели тебѣ Господь откроетъ путь, то иди прямо въ Константинополь; а ежели не дастъ Господь случая, то зайди сюда, въ Св. Гору.» Хотя и много онъ меня какъ младенца утѣшалъ, но я всегда духомъ изнемогалъ и много скорбѣлъ: первое, о разлукѣ со св. Горой Аѳонской, а второе, о томъ, съ чѣмъ я пойду во Іерусалимъ? Пенязей не имѣю, а просить не велитъ; аще и уповаю на Бога, аще духъ бодръ, да плоть немощна. Къ тому-же посѣтила и

тѣлесная болѣзнь: наипаче болѣли ноги, такъ что съ великою нуждою могъ я ходить; также слабъ былъ и всѣмъ тѣломъ. Говорилъ я старцу: «какъ я могу идти въ путь при такомъ слабомъ здоровьѣ?» Онъ сказалъ: «эта болѣзнь только до корабля, а тамъ будешь здравъ.» Еще я ходилъ къ нѣкоторымъ друзьямъ, и безъ старцева благословенія просилъ денегъ, но мнѣ никто не далъ. Еще я желалъ и просилъ старца, чтобы выхлопотать бумагу отъ аѳонскаго Протата за подписомъ присутствующихъ и за печатью св. Горы Аѳонской; но онъ и того не велѣлъ, а сказалъ: «иди съ однимъ паспортомъ, и неси свое тѣло; а послѣ все получишь.» Еще я ходилъ въ русскій монастырь, и увидалъ тамъ новопріѣзжаго россійскаго Архимандрита Порфирія. Онъ, увидѣвши меня на гостинницѣ, спросилъ: «откуда я, и кто такой?» Я же все разсказалъ о моемъ положеніи. Онъ далъ мнѣ денегъ двѣнадцать левовъ, т. е. четыре рубли, и сказалъ: «Да это дѣло, можетъ, и Божіе. Приходи изъ Іерусалима: ежели застанешь меня здѣсь, я вывезу тебя въ Россію.» Я же благодарилъ его, и опять возвратился къ старцу.

Старецъ Арсеній каждый день занимался трудами: отъ утра и до вечера копалъ землю для сѣянія бобовъ, и одинъ вскопалъ весь огородъ; хотя имѣлъ шесть учениковъ, но ихъ не заставлялъ. Я одинъ разъ спросилъ его: почему онъ самъ одинъ копаетъ, а учениковъ своихъ не заставляетъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Мнѣ уже немного осталось времени копать; а они еще накопаются и безъ меня.»

Сентября 22-го, пришелъ корабль изъ Солуня за поклонниками. О, коль горестно мнѣ было то слы-

шать, что платы за корабль по сту левовъ (двадцати руб.); а у меня всего осталось четырнадцать руб., да и пищи нѣтъ! Старецъ сталъ посылать паспортъ брать, и отдать капитану. Я заплакалъ, и сталъ ему говорить: «отче св., съ чѣмъ я пойду? не подождать ли какого случая?» Онъ же сказалъ: «тебѣ случай—на семъ кораблѣ идти.» И еще послалъ двухъ своихъ учениковъ въ Іерусалимъ, тоже безъ денегъ. Мы пошли, и взяли паспорты, и отдали капитану. Это было въ субботу. И опять пришли на келлію, и начали собираться, и всю ночь не спали! служили бдѣніе, потомъ Литургію.

84. Старецъ насъ сталъ благословлять въ путь во всемъ облаченіи; держалъ въ рукахъ Евангеліе, и велѣлъ положить три поклона и приложиться къ Евангелію. Потомъ сказалъ: «чадо Парѳеніе, буди на тебѣ благословеніе Господа нашего Іисуса Христа и св. Горы Аѳонскія, жребія Божія Матери, и отъ меня твоего старца и духовника, іеросхимонаха, грѣшнаго Арсенія,—идти въ Россію, въ сибирскую страну, въ назначенное тебѣ мѣсто, въ Томскую губернію!» Потомъ заплакалъ, и началъ говорить: «Возлюбленное мое чадо, посылаю тебя, яко овцу посредѣ волковъ: будутъ тебя терзать, уязвлять, хулить, поносить, и укорять; но не съѣдятъ. Господь тебѣ будетъ помощникъ, и Онъ тебя заступитъ; ты же все терпи съ благодареніемъ, и переноси безъ роптанія. И не имѣй надежды ни на что тлѣнное и мимоходящее, ни на деньги, ни на людей; но уповай только на единаго Бога, и Онъ всѣ твои дѣла исправитъ и совершитъ; но только иди на назначенное тебѣ мѣсто, и назадъ не оглядывайся, а то потерпишь великое искушеніе.

Назначилъ я тебѣ крестъ весьма тяжкій; ты же неси, не отягчайся; но паче радуйся и веселися, и благодари своего Создателя. Еще, чадо, блюдися мірскихъ прелестей и соблазновъ и роскошества, да не увязнешь въ сѣти его. Прочее же говорено было тебѣ прежде; ты же помни и не забывай, и меня грѣшнаго, своего старца, поминай.» Подобно и прочихъ благословилъ. Потомъ пошли въ трапезу, а по трапезѣ пошли на корабль.

85. И онъ, возлюбленный нашъ старецъ, проводилъ насъ болѣе версты. Дорогою опять мнѣ сказалъ, что мы больше съ тобою въ жизни сей не увидимся. О, сколь мнѣ было болѣзненно слышать сіи словеса! О, сколь мнѣ было горестно разставаться съ такимъ великимъ старцемъ, съ земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ, отъ котораго почти пять лѣтъ получалъ душевное окормленіе и во всѣхъ скорбяхъ моихъ утѣшеніе! Но пришло время съ нимъ разлучиться, да еще и навсегда. Разлучаюсь я и съ возлюбленною моею братіею, съ св. аѳонскими отцами. Охъ! увы, увы! Днесь разлучаюсь со св. Горою Аѳонскою, съ жребіемъ Царицы Небесной, съ тихимъ и небурнымъ пристанищемъ, и пускаюсь въ страшное, великое и свирѣпое море! Со всѣхъ странъ обыдоша мя скорби и печали: первая моя скорбь, что со всѣми прощаюсь и со всѣми разлучаюсь, и всего блага и утѣшенія лишаюсь; вторая скорбь, что отправляюсь въ далекую страну, Палестину, за великія моря, не имѣя ни пищи ни денегъ, кромѣ единаго отеческаго благословенія; и идемъ, какъ на базаръ, почти съ одними жезлами, хотя и съ благословеніемъ Св. Горы и съ вѣрою и упованіемъ на единаго Бога. Сумочку мою несъ дру-

гой братъ, а я шелъ со старцемъ, и держалъ его десницу, и слезами омочалъ, и говорилъ ему: «Отче св., куда ты меня провожаешь? Куда ты меня отъ себя отлучаешь? Куда ты меня посылаешь единаго? Кто меня научитъ добродѣтелямъ? Кто меня наставитъ на путь спасенія? Кто меня утѣшитъ въ скорбяхъ моихъ?» Онъ же мнѣ сказалъ: «не плачь: не одного я тебя посылаю, но съ Богомъ и благословеніемъ св. Горы Аѳонскія; Богъ тебя научитъ и наставитъ, и утѣшитъ въ скорбяхъ твоихъ.» Потомъ простились съ нимъ, и взяли послѣднее благословеніе; онъ возвратился въ свою келлію, а мы пошли въ путь прямо въ русскій монастырь — проститься съ моими отцами, старцами и благодѣтелями, и со всею братіею. Идя путемъ, я скорбѣлъ, что не сподобился проститься съ возлюбленнымъ старцемъ моимъ, схимонахомъ и пустынножителемъ Тимоѳеемъ, съ которымъ жилъ я въ пустынѣ; а зайдти на келлію далеко. Но вдругъ, онъ идетъ на встрѣчу, совсѣмъ къ его келліи не по дорогѣ. Я весьма возрадовался; и распростились съ нимъ, и получилъ отъ него въ путь благословеніе, и разлучились. Потомъ пришли въ монастырь къ отцу Іерониму. Онъ же спросилъ: «куда собрался?» Я отвѣтилъ, что старецъ посылаетъ во Іерусалимъ. Онъ паки спросилъ: «а денегъ гдѣ взялъ?» Я сказалъ: «только что дали двѣнадцать руб.» Онъ сказалъ: «Охъ, старецъ, старецъ! что̀ онъ дѣлаетъ? Мы и съ деньгами ходили, и то много скорби приняли; а безъ денегъ никакъ не возможно идти: не надобно о Іерусалимѣ и помышлять идти; впрочемъ, какъ знаете. Что̀ же, ты къ намъ проститься зашелъ?» Я отвѣтилъ: «за тѣмъ, отче св.». И пошли къ игу-

мену. Онъ же, увидѣвши меня, заплакалъ, и спросилъ меня: «куда собрался, чадо Парѳеній?» Я сказалъ, что въ Іерусалимъ. Онъ же благословилъ, и далъ двѣнадцать рублей, и приказалъ духовнику дать, что̀ мнѣ нужно, хлѣба, сухарей и маслинъ и одежды. И я благодарилъ его, и простился. Духовникъ же Іеронимъ всѣмъ меня наградилъ, и далъ еще денегъ двадцать руб. Спаси Господи отцевъ моихъ! наградили меня всѣми нужными потребами. Простившись, мы поѣхали на корабль. Вотъ, какой я сталъ богатый: уже болѣе сорока рублей денегъ, и пищи почти до Іерусалима достанетъ. Въ одинъ день и много принялъ скорбей, и Господь утѣшилъ. Но старецъ Арсеній этого уже не зналъ.

86. Того-же дня, корабль пошелъ въ путь, то-есть сентября 23-го числа, 1845 года; того-же года, октября 30-го, пришли во св. градъ Іерусалимъ, и въѣхали въ патріаршій монастырь. И положилъ я въ патріархію два рубля, и записалъ имена своихъ родителей, и отъ Патріарха просилъ прощенія, что мало жертвую; но намѣстникъ патріаршій, Митрополитъ Мелетій, сказалъ мнѣ: «отче, твои два рубля приняты, какъ вдовицы двѣ лепты: ты болѣе всѣхъ положилъ.» Также на всѣхъ св. мѣстахъ я жертвовалъ по своей возможности, а послѣдніе двѣнадцать руб. отдалъ за келлію. И такъ проживалъ во св. градѣ Іерусалимѣ, яко птица, ни о чемъ ни заботясь, въ радости и веселіи препровождая дни и нощи. Тако препроводилъ во Іерусалимѣ шесть мѣсяцевъ; и благодарю Господа Бога моего: былъ сытъ и доволенъ, не только хлѣбомъ и водою, но и тѣмъ, что̀ только моя душа желала. Хотя хлѣбъ на базарѣ и былъ тридцать коп.

фунтъ, но мнѣ было хлѣба довольно: не просилъ ни у кого, сами давали: до утра не оставалось ни хлѣба, ни денегъ, а по-утру паки кому-нибудь Господь по сердцу положитъ,—или пообѣдать позовутъ, или денегъ дадутъ; кормили же только россійскіе поклонники и свои аѳонскіе братія. Часто ужиналъ въ трапезѣ у Гроба Господня, когда ночевалъ въ храмѣ Воскресенія Господня; и посѣтилъ всю Палестину и св. градъ Назаретъ: овые на коняхъ, овые на верблюдахъ, овые на ослахъ, азъ же во имя Господне пѣшій. Въ Аѳонѣ былъ нездоровъ ногами и всѣмъ тѣломъ; но когда сѣлъ на корабль,—все зажило; а во Іерусалимѣ обновися яко орля юность моя, и не зналъ какъ устаютъ. И много радовался, что привелъ мнѣ Господь посѣтить св. градъ Іерусалимъ, и поклониться Живоносному Гробу. Только и была скорбь одна, что не хотѣлось ѣхать въ Россію.

Въ Филипповъ постъ, первую недѣлю, говѣли. Потомъ Митрополитъ Мелетій всѣхъ русскихъ исповѣдывалъ; и я исповѣдывался, и разсказалъ ему свою скорбь: какъ меня старецъ разлучаетъ со св. Горой Аѳонской, и посылаетъ въ Россію, чего я не желалъ, и какъ я не хочу разлучиться съ тихимъ пристанищемъ; и просилъ Архипастырскаго благословенія паки мнѣ возвратиться въ св. Гору Аѳонскую, и препроводить тамъ остальную жизнь свою; и прибавилъ: «старецъ противъ вашего благословенія противорѣчить не будетъ, и я буду спокоенъ.»

87. Онъ же, выслушавши, помолчалъ, потомъ сказалъ: «Такъ точно, Аѳонская Гора хороша для спасенія; но Адаму въ раю было лучше, нежели тебѣ въ Аѳонѣ: тамъ не было ни людей, ни діавола, а

только двое; но когда преступилъ Божiю заповѣдь, и оттуда изгнали; а во Аѳонѣ все есть, дiаволъ и множество людей. И тамъ ежели кромѣ Бога и Божiя благословенiя,—всѣ грѣхи можетъ человѣкъ сотворить; а ежели съ Богомъ и Божiимъ благословенiемъ, то и въ великихъ городахъ и многолюдныхъ спасешься. Иди, куда тебя старецъ посылаетъ; тамъ и спасенiе получишь.» Я заплакалъ, и сказалъ: «О владыко св.! я хотѣлъ отъ васъ отраду получить, а вы то же говорите». Онъ же спросилъ: «кто такой твой старецъ?» Я отвѣтилъ: «духовникъ Арсенiй.» Онъ же сказалъ: «я знаю его; онъ былъ здѣсь, и всѣхъ удивилъ своими подвигами.» Я сталъ просить его, да благословитъ меня хотя зайдти и побывать во Св. Гору, и попросить своего старца, не оставитъ ли меня паки жить; а вы, владыко св., напишите писмецо ему, чтобы онъ меня оставилъ. Владыка же мнѣ сказалъ: «Какъ хочешь: пожалуй, зайди въ Св. Гору; но только ты старца своего едва ли застанешь въ живыхъ; а письма писать я не стану, потому что я аѳонскихъ старцевъ учить не могу. Я бы тебѣ совѣтовалъ, куда посланъ, туда и идти, а больше не хлопотать; ибо на всякомъ мѣстѣ владычество Господне.» Съ тѣмъ и вышелъ отъ него. Я имѣлъ надежду на Митрополита Мелетiя, что онъ освободитъ меня отъ моего креста, но онъ еще болѣе утвердилъ и укрѣпилъ,—велѣлъ слушать своего старца, и идти куда посланъ. Потомъ причащались всѣ мы на Христовомъ Гробѣ. Предъ праздникомъ Рождества Христова, всѣхъ поклонниковъ соборовали масломъ; и я трижды въ одинъ день сподобился пособороваться масломъ: первое, во своемъ монастырѣ Архангель-

скомъ соборовалъ Митрополитъ Севастійскій; второе, позвали въ монастырь Екатерининскій: тамъ соборовалъ Митрополитъ за-Іорданскій, Мелетій; потомъ пошли ночевать въ храмъ Божія Гроба: тамъ всѣхъ соборовалъ Митрополитъ Назаретскій. И такъ проживалъ всю зиму, и обходилъ Святую Землю, посѣщалъ св. мѣста, и покланялся имъ. Дождались св. Великаго поста. Первую седмицу постились, и въ субботу причащались. Единожды я ночевалъ во храмѣ Божія Гроба; братія стали говорить, чтобы я остался одинъ годъ пожить при храмѣ Гроба Господня. Я же со всею охотою согласился. Они предложили игумену Божія Гроба. Игуменъ же велѣлъ мнѣ взять благословеніе отъ Митрополита Мелетія, и переходить. Я утромъ пошелъ къ Митрополиту Мелетію, и сказалъ ему, что желаю остаться на годъ, и потрудиться у Гроба Господня, и игуменъ желаетъ меня принять; только желаю получить ваше Архипастырское благословеніе. Онъ же мнѣ сказалъ: « Да, намъ теперь люди нужны, только не ты; а ты иди, куда посланъ; а здѣсь поживи только до Пасхи. И потомъ, съ благодатію и съ благословеніемъ отъ Живоноснаго Христова Гроба, иди въ назначенный тебѣ путь.» Дождавшись страстной седмицы, ходили на Іорданъ. Въ Великій четвертокъ было умовеніе ногъ. Потомъ въ каждомъ монастырѣ соборовали всѣхъ поклонниковъ масломъ; и я сподобился пособороваться въ Екатерининскомъ монастырѣ отъ Митрополита Мелетія.

Здѣсь я ничего не описываю о Св. Землѣ, ни мѣстъ, ни обрядовъ, ни обычаевъ; потому что это все въ другой (4-й) части написано. А здѣсь пишу о томъ,

какъ Господь въ немощахъ моихъ Свою силу совершалъ.—Пришли и дни святыхъ Страстей; дожидаемся и св. Пасхи; а на Пасхѣ, во вторникъ или въ среду, необходимо надобно отправляться въ путь; а я себѣ случая никакого не пріискалъ ни куда, ни въ Россію, ни въ св. Аѳонскую Гору, и денегъ нѣтъ ничего; а остаться во Іерусалимѣ Владыка благословенія не даетъ; просилъ у многихъ помощи, но всѣ отказали.

88. Наступила Великая суббота; пришли поклонники и обыватели Іерусалима, въ великую церковь Гроба Господня, получать благодатный небесный свѣтъ, имѣя каждый въ рукахъ по тридцати три свѣщи; а я окаянный ни одной не имѣю: ибо не на что мнѣ ихъ купить. Былъ у меня одинъ пятикопѣечный, турецкихъ десять паръ; хотѣлъ купить одну свѣчку, но и эту мою монету обраковали и не взяли. И я отдалъ ее нищимъ, и сталъ дожидаться благодати безъ свѣчей. И помолился Господу Богу, да не прогнѣвается на мя грѣшнаго, что не имѣю свѣщи, ибо не имѣю на что купить. О, Владыко человѣколюбче и сердцевѣдче! аще и не имѣю свѣщи, чтобы получить святый Твой свѣтъ; но возжги свѣщу души моея, и просвѣти потемнѣнное мое сердце! И тако стоящу мнѣ и помышляющу, и отъ очію моею слезамъ источниками текущимъ, се единa россійская жена, стоящая на хорахъ противъ Гроба Божія, прислала за мною, чтобы я къ ней подошелъ. Я пошелъ. Она стала меня просить, чтобы я взялъ у ней два пука свѣчъ, потому что она имѣетъ четыре пука, и сама всѣ не можетъ зажечь. Я сказалъ ей: «не имѣю я ни единой у себя свѣщи.» Она же весьма рада была, и дала мнѣ два пука; я взялъ, и благодарилъ Господа Бога

моего, что скоро услышалъ и утѣшилъ меня скорбящаго. О, *кто Богъ велій, яко Богъ? Ты еси Богъ творяй чудеса!* Я былъ въ храмѣ всѣхъ убоже, не имѣлъ ни одной свѣщи; но во едину минуту Господь сдѣлалъ меня почти всѣхъ богаче: было у меня въ обѣихъ рукахъ по тридцати по три свѣщи бѣлаго воску, вызолочены, россійской работы, которая въ Россіи по пятидесяти коп. одна свѣча, дорогими лентами перевязаны, такъ что мнѣ монаху аѳонскому неприлично было стоять; но не самъ такъ захотѣлъ, а Богу тако изволившу, чтобы утѣшить меня скорбящаго. Потомъ, въ субботу, въ третьемъ часу пополудни, сподобился получить новую благодать небеснаго свѣта, и вси сподобились зажечь свои свѣщи; и тогда всѣ исполнились неизреченной радости и веселія, упившись благодати, якоже Апостоли, ликующе и торжествующе. Потомъ была Литургія. Послѣ Литургіи понесъ я свѣщи своей благодѣтельницѣ: она много благодарила, и дала денегъ одинъ руб., и сказала, что это тебѣ на обѣдъ; а за-утро, т. е. на Пасху, приходи ко мнѣ обѣдать. Я благодарилъ ее.

89. Въ субботу, вечеромъ, пошли всѣ ночевать въ храмъ ко Гробу Господню. Наступила священная и всепраздничественная нощь свѣтоноснаго дне. Освѣтили весь храмъ множествомъ свѣтильниковъ, на-подобіе огненнаго солнца и луны; а кувуклія надъ Гробомъ Господнимъ вся обвѣшана была лампадами, и обставлена восковыми бѣлыми свѣчами, и была на-подобіе огненнаго фонаря; и было въ храмѣ—какъ на небеси: всѣ ликовали и торжествовали, радовались и веселились.

90. Всѣ зажгли свѣщи въ рукахъ своихъ. Потомъ

понесли изъ алтаря двѣнадцать хоругвій и двѣнадцать подсвѣчниковъ; несшіе были всѣ въ стихаряхъ, а за ними шли пѣвцы, потомъ діаконы; а за ними священники,—всѣ по-два въ-рядъ; а потомъ діаконы съ трикиріями и дикиріями и рипидами; а за ними Епископы и Митрополиты; а потомъ святѣйшій Патріархъ Іерусалимскій, Кириллъ; а потомъ мы монашествующіе и всѣ православные христіане. И пошли яко съ мvроносицами, зѣло рано, прямо ко Гробу Господню—Христа искать. И обошли Гробъ Господень кругомъ трижды, припѣвая: *Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси: и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!* Остановились у дверей Гроба. Патріархъ покадивъ, якобы Ангелъ намъ возгласилъ: *что ищете живаго съ мертвыми? нѣсть здѣ, но воста.* Потомъ вошелъ внутрь Гроба, якоже Петръ, *и видѣ ризы едины лежащи.* Тогда возгласилъ веліимъ гласомъ по-гречески: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!* Мы же, сіе услышавши, и радости неизреченной исполнившись, воспѣли съ пѣвцами заедино: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ*, и проч. Кто тогда могъ не проливать источники слезъ отъ неизреченныя радости, и не восклицать съ торжествомъ: *Христосъ воскресе изъ мертвыхъ?* И Гробъ Христа Спасителя предъ очами нашими стоящъ празденъ, и Ангелъ на камени гробнемъ сѣдящъ, и къ намъ вопіющъ и глаголющъ: «радуйтеся и веселитеся! ликуйте, яко воскресе Господь!» Потомъ призвали изъ Лавры Саввы Освященнаго златословесную церковную ластовицу—Преподобнаго Іоанна Дамаскина, и съ нимъ единогласно воскликнули: *воскресенія день: просвѣ-*

тимся людіе! Привелъ насъ Господь единожды во всей жизни своей торжествовать на самой горѣ Голгоѳѣ, гдѣ совершилось искупленіе и таинство нашего спасенія; и привелъ насъ Господь воспѣть побѣдную пѣснь у Его живоноснаго гроба, гдѣ лежало Его пречистое тѣло, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была стража, воины Пилатовы; и видѣли мы тотъ камень, гдѣ сидѣлъ Ангелъ Господень, и благовѣстилъ женамъ мνроносицамъ, вопія: *Во свѣтѣ присносущемъ Сущаго, съ мертвыми что ищете яко человѣка? Видите гробныя пелены: тецыте и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій. О, воистинну священная и всепраздственная сія спасительная нощь и свѣтозарная свѣтоноснаго дне, востанія сущи провозвѣстница, въ нейже безлѣтный Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсія!* Всѣ пѣсни Іоанна Дамаскина полную и неизреченную возвѣщали намъ радость, и полнымъ веселіемъ услаждали наши сердца. Ибо что̀ поемъ и восклицаемъ устами, то̀ самое и видимъ явственно своими очами: видимъ св. гору Голгоѳу, обагренную Христовою кровію; видимъ на ней и крестъ стоящій; видимъ и то мѣсто, гдѣ повивали плащаницею тѣло Христово, и помазывали его мνромъ; видимъ и камень, отваленный отъ дверей гроба, на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень. А вокругъ насъ, во всѣ стороны, видимъ св. градъ Іерусалимъ, и въ ономъ Іерусалимѣ, въ Св. Церкви, въ храмѣ Воскресенія Христова, ликуемъ и торжествуемъ, и возводимъ очи свои, и видимъ ее, безчисленнымъ множествомъ свѣтильниковъ освѣщаемую, и веселящися восклицаемъ: *Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме! слава бо Господня на тебѣ возсія:*

ликуй нынѣ и веселися, Сіоне, съ нами за едино! Мы пришли къ тебѣ отъ сѣвера, поклониться на тебѣ, св. Сіоне, единому всевышнему истинному Богу, совершившему на тебѣ, св. Сіоне, великое дѣло спасенія нашего. *Возведи окрестъ очи Твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословить Христа во вѣки.* Греки пришли отъ запада и моря; болгары, сербы, молдаване, валахи, и русскіе пришли отъ сѣвера; грузины, персіане, сиріане и много грековъ пришли отъ востока; африканцы, египтяне, копты, кабеши, пришли отъ юга. И такъ мы пришли къ тебѣ, св. Сіоне, отъ четырехъ странъ вселенныя, поклониться Гробу нашего Спасителя, и торжествовать сей великій и знаменитый праздникъ, въ оньже воскресе Христосъ отъ мертвыхъ. О, воистинну былъ для насъ *сей нареченный и святый день, единъ субботъ царь и господь, и праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ, въ оньже благословимъ Христа во вѣки! Пріидите, новаго винограда рожденія, божественнаго веселія, въ нарочитомъ дни воскресенія, царствія Христова пріобщимся, поюще Его, яко Бога, во вѣки!* Кто можетъ изъяснить нашу радость, и кто можетъ ее изслѣдовать, кромѣ единаго Бога? Мы уже не думали, что находимся на землѣ, а мнили на небеси стояти, въ горнемъ Іерусалимѣ. Послѣ утрени, безъ расходу, началась и Литургія: служилъ Патріархъ всѣмъ соборомъ, четыре Митрополита, три Архіепископа и множество Архимандритовъ, священниковъ и діаконовъ; и всю Литургію стояли всѣ со свѣщами; читали Евангеліе на многихъ языкахъ; по Литургіи давали всѣмъ по два яйца.

Потомъ пошелъ я къ благодѣтельницѣ, и у ней трапезовалъ. И было веліе утѣшеніе. Потомъ дала мнѣ еще денегъ дойдти до св. Горы Аѳонской; спаси ее, Господи! Такъ утѣшилъ меня Господь во единъ день, душевно и тѣлесно.

91. И положился я возвратиться паки во св. Аѳонскую Гору. Въ среду на Пасхѣ, съ горькими слезами и съ душевнымъ прискорбіемъ, разстались и простились мы съ Живоносныmъ Христовымъ Гробомъ и со св. градомъ Іерусалимомъ. Взяли двое одного верблюда, и пріѣхали въ Іоппію. А потомъ сѣли на корабль, и шли моремъ пять недѣль; и 19-го мая, 1846 года, пришли паки во св. Гору Аѳонскую. Всѣ братія аѳонскіе радовались на кораблѣ, что благополучно возвратились изъ странствія, и паки пришли въ свое тихое пристанище; а я плакалъ и скорбѣлъ: ибо пришелъ не на покой, не на жительство, а какъ въ гости, пришелъ возобновить свои старыя скорби; только имѣлъ едину надежду на возлюбленнаго своего старца Арсенія. Еще питалъ свою душу надеждою, что, можетъ, ему Господь извѣститъ паки оставить меня въ св. Горѣ Аѳонской препровождать жизнь свою, или, можетъ, упроситъ Господа Бога, чтобы послалъ скорую кончину мнѣ, и взялъ душу мою. Потомъ мы съ корабля на каюкѣ поѣхали прямо въ русскій монастырь; день былъ недѣльный; къ пристани вышли братія насъ встрѣчать. «Что-то со мной будетъ?» мыслилъ я, выходя на берегъ.

92. Увидѣвши меня, одинъ духовный братъ сталъ со мною здороваться, а самъ горько заплакалъ, и сказалъ: «любезный мой отче Парѳеній, покинулъ насъ

духовникъ, а твой старецъ отецъ Арсеній, и отъиде ко Господу на вѣчное блаженство; а насъ оставилъ въ мірѣ семъ еще скорбѣть и плакать, грѣховъ ради нашихъ.» Я, сіе слышавши, палъ на землю, и много плакалъ, такъ что едва всталъ. Потомъ пошелъ къ духовнику Іерониму. Онъ, увидѣвши меня, заплакалъ, и преподавъ благословеніе, сказалъ: «Или, возлюбленное наше чадо, паки возвратился къ намъ во св. Гору Аѳонскую? Или еще захотѣлось посмотрѣть насъ? Но уже всѣхъ насъ не увидишь: любимый твой старецъ Арсеній скончался, и покинулъ насъ. Теперь, что̀ будешь дѣлать?» Я упалъ ему въ ноги, и со слезами сталъ говорить и просить: «отче св., аще старецъ мой Арсеній скончался, то вы мнѣ остались старцы: теперь вы имѣете надо мною волю; пріймите меня паки въ свою св. обитель; и паки въ послушаніи буду у васъ препроводить остальную жизнь свою.» Онъ же мнѣ сказалъ: «Теперь твое дѣло, отче Парѳеній, кончено, запечатано: блаженной памяти старецъ твой Арсеній послалъ и благословилъ тебѣ идти въ Россію, и самъ померъ,—это онъ своею смертію запечаталъ. Теперь намъ тебя принять никакъ невозможно, а иди куда посланъ. А хотя и пріймемъ, то ты самъ не будешь спокоенъ, да и мы пострадаемъ.» И я наипаче восплакалъ, и сталъ паки ему говорить: «Отче св.! какъ я пойду въ Россію и съ чѣмъ? Только осталось у меня денегъ два рубля; а безъ денегъ идти невозможно, да и самъ я отнюдь не имѣю желанія; что̀ сотворю, не вѣмъ.» Іеронимъ же сказалъ: «Про это какъ самъ знаешь. Вотъ въ Іерусалимъ и безъ денегъ сходилъ, еще остались два рубля; такъ и въ Россію, аще есть воля Божія, то

Богъ дастъ и случай, и безъ денегъ выѣдешь; а здѣсь, въ Св. Горѣ, тебѣ оставаться опасно.»

93. Потомъ пошелъ я къ своему старцу Арсенію. И пришедши спросилъ: «Гдѣ похоронили возлюбленнаго моего старца? Гдѣ положили тѣло моего наставника и утѣшителя? Гдѣ положили его многотрудные тлѣнные останки? Покажите мнѣ скорѣе, да поплачу о возлюбленномъ моемъ старцѣ.» Ученики же его мнѣ показали. Я палъ на гробъ его, восплакалъ и возрыдалъ горько отъ великія моея скорби, и возглаголалъ въ болѣзни сердца моего: «Отче св.! благослови меня, возлюбленное свое чадо, грѣшнаго Парѳенія, исполненнаго многихъ скорбей! Паки, отче св., заѣхалъ къ тебѣ изъ Іерусалима, принять отъ тебя душеполезное наставленіе, и получить въ великихъ скорбяхъ моихъ утѣшеніе. Ты, отче св., успокоился отъ великихъ своихъ трудовъ, на вѣчный покой отошелъ; а меня оставилъ единаго на семъ свѣтѣ скорбѣть и горько плакать, и назначилъ мнѣ дальній путь, котораго я совершить не въ силахъ. Отче! помолись ко Пресвятѣй Троицѣ, къ Нейже теперь имѣешь дерзновеніе, и предстоишь лицемъ къ лицу: да возьметъ Господь душу мою и тѣло; а ты, отче св., пріими меня въ гробъ свой, и будутъ два гроба вмѣсто единаго. Ты назначилъ меня въ сибирскую страну, а я не имѣю случая. А оставаться здѣсь, въ Св. Горѣ, по твоему завѣщанію, отцы мои отказали мнѣ. Охъ! увы, увы мнѣ, паче всѣхъ окаяннѣйшему, не имѣющему гдѣ главы подклонить! Какъ безпріютный сирота я въ Аѳонѣ; духомъ я уже во странствіи. Отче! востани и утѣши меня плачущаго, и научи, какъ перенести эти великія скорби?» Ученики старца

Арсенія стояли надо мною, и много меня уговаривали, зачѣмъ я такъ много плачу, и сердце свое скорбію отягощаю? Надобно радоваться, что имѣемъ такого великаго старца, о насъ къ Богу ходатая: онъ за много времени провидѣлъ свою кончину. — Я имъ отвѣчалъ: «Я не о старцѣ плачу, но о своей горькой участи, что уже теперь во всей Горѣ Аѳонской нѣтъ меня несчастнѣе, что я остался совершенно безпріютный; а хотя бы я съискалъ себѣ сто пріютовъ, но благословенія старецъ не далъ; а хотя я и долженъ идти въ назначенный отъ него путь, но не имѣю съ чѣмъ, не имѣю на что паспортъ выправить, ни за провозъ отдать. Что̀ сотворю, не знаю. А когда бы онъ благословилъ меня въ Св. Горѣ жить, да еще и при своемъ гробѣ; то бы я радовался и веселился въ семъ тихомъ и небурномъ пристанищѣ, въ св. Горѣ Аѳонской.» Потомъ отвели меня въ келлію, и много утѣшали.

94. Потомъ пошелъ я посѣтить прочихъ моихъ друзей и духовныхъ братьевъ; и всѣ радовались о моемъ возвращеніи, и всѣ меня утѣшали, и всякъ къ себѣ на келлію приглашалъ. Многіе меня уговаривали, и совѣтовали мнѣ оставить отеческое приказаніе втунѣ, и не ходить въ Россію, а остаться до смерти проживать въ св. Горѣ Аѳонской, и говорили: «Неужели Господь только за то пошлетъ въ муку, что не пойдешь изъ Св. Горы? Неужели Божія Матерь не упроситъ за тебя Сына Своего?» И сталъ я въ мысляхъ колебаться, и перешелъ жить къ одному духовному брату подъ Ватопедскій монастырь, въ келлію св. Архангелъ, въ одну прекрасную долину между аѳонскихъ горъ, и пожилъ тамъ два мѣсяца. А послѣ,

когда хозяинъ келлію продалъ, я перешелъ подъ Иверскій монастырь, на келлію Преображенія Господня, къ отцамъ Кореневымъ. И такъ еще въ Св. Горѣ Аѳонской препроводилъ время полгода. Тѣлесными потребами, благодарю Бога, былъ доволенъ и спокоенъ, но духомъ безпрестанно скорбѣлъ и смущался, и колебался туда и сюда: иногда исполнить волю старца моего понуждаюсь, а иногда слагалось остаться въ Св. Горѣ; но совѣсть всегда меня безпокоила, и внушала исполнить волю старцеву; но не было никакой возможности.

95. Господь, за мое двоедушіе и охладѣвшую во мнѣ вѣру, сталъ меня наказывать, взялъ отъ меня Свою благодать: напало на меня уныніе, отяготили меня помыслы, и начали во мнѣ раждаться страсти, и сталъ я приходить въ отчаяніе о своемъ спасеніи, и былъ уже въ опасности подвергнуться душевной смерти. Тогда вспомнилъ словеса своего старца: «иди въ назначенный тебѣ путь, и назадъ не оглядывайся, а то пропадешь.» Еще вспомнилъ и словеса Митрополита Мелетія, что безъ Бога и Божіей воли и въ Аѳонѣ погибнешь, а съ Богомъ, и во градѣ спасеніе получишь. Потомъ пошелъ я къ духовнику Іерониму, и исповѣдалъ ему всѣ скорби и искушенія, со мною случившіяся. Онъ же, слышавши, заплакалъ, и сказалъ: «Богъ отъ тебя Свою благодать взялъ, и наказываетъ тебя за твое преслушаніе; иди скорѣе, иди въ назначенный тебѣ отъ старца путь; а то пропадешь душею и тѣломъ.» Я сталъ ему говорить: «Отче св.! послушалъ бы я своего старца, и пошелъ бы въ назначенный мнѣ путь, но не имѣю у себя ни одной копѣйки денегъ, и не имѣю въ виду никакого случая,

а подходитъ зима. Что̀ сотворю, не знаю.» Онъ же мнѣ сказалъ: «имѣй совершенную вѣру въ Бога, и имѣй неотлагаемое намѣреніе сотворить волю своего старца, и Богъ пошлетъ тебѣ случай; а за то Богъ тебѣ и не даетъ случая, что ты колеблешься туда и сюда.» Возвращаясь на келлію, я всю дорогу проплакалъ, и просилъ Царя моего Небеснаго, да дастъ мнѣ Свою помощь совершить Его волю, и да пошлетъ мнѣ случай идти въ назначенный мнѣ отъ старца моего путь, и обѣщался, что уже больше противиться святой Его волѣ не буду, и въ св. Горѣ Аѳонской жить не останусь, и не подумаю, а исполню завѣщаніе своего старца. И пришедши на келлію, уже жить больше не могъ, хотя меня отцы и уговаривали. И пошелъ я, кругомъ всей св. Аѳонской Горы, посѣтить всѣ аѳонскіе монастыри и скиты, поклониться чудотворнымъ иконамъ, и посѣтить всѣхъ знаемыхъ отцевъ, друзей и братьевъ, и проститься съ ними, и развѣять скорбь по св. Горѣ Аѳонской.

96. Обшедши многіе монастыри и скиты, пришелъ въ монастырь Есфигменъ, или Сименъ, во имя Вознесенія Господня. На гостинницѣ меня упокоили. Потомъ пришли братія ко мнѣ на гостинницу, и съ прочими схимонахъ Веніаминъ, русскій, мнѣ знакомый, и много разговаривалъ со мною. Потомъ сталъ меня спрашивать: «Не знаешь ли я такого изъ русскихъ, хорошаго человѣка, который бы могъ ѣхать въ Россію? Послали мы прошеніе въ Россійскій Святѣйшій Синодъ, дабы позволилъ выѣхать намъ въ Россію для испрошенія милостыни, тремъ человѣкамъ, и ожидаемъ скоро разрѣшенія, а послать некого. Греки по-русски не знаютъ, а русскаго въ обители, кромѣ

меня, нѣтъ, а я уже устарѣлъ, немощенъ.» Я сіе слышавши, сказалъ ему: «я самый тотъ человѣкъ, котораго вы ищете; я сотворю вамъ послушаніе, и послужу вашей св. обители; потому что я имѣю завѣщаніе отъ старца выѣхать въ Россію, и ищу удобнаго случая; ежели бы вы вывезли меня въ Россію, я бы вамъ за то послужилъ два или три года, пока кончимъ сборъ; а потомъ ваши братія возвратятся въ свою обитель, а я останусь въ Россіи.» Слышавши сіе, отецъ Веніаминъ весьма обрадовался, и пошелъ объявить игумену Агаѳангелу. И игуменъ радъ былъ, и призвалъ меня къ себѣ, и сказалъ: «я самъ съ тобою поѣду въ Россію; а теперь переходи къ намъ въ обитель и поживи, и посмотри наши общежительные уставы и братію.»

97. Получивъ благословеніе, я перебрался въ общежительный монастырь Есфигменъ. Духовные братія мои весьма возрадовались сему случаю, и прославили Бога. Ибо всѣ обо мнѣ много скорбѣли, смотря на мое бѣдствіе. И проживалъ я въ монастырѣ шесть недѣль.

98. Господь сподобилъ на послѣднихъ дняхъ во святой Горѣ Аѳонской еще пожить въ общежительномъ монастырѣ. Еще привелъ Господь посмотрѣть на земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ, и во всемъ ангельскому житію подражателей. Какъ Ангели повинуются своему Небесному Владыцѣ, славословятъ и воспѣваютъ всѣхъ Творца Бога: тако и сіи повинуются о Христѣ отцу своему игумену, и союзомъ любви къ нему привязаны, якоже къ Владыцѣ—Христу Апостоли; и всѣ погрѣшности и воюющія ихъ мысли часто исповѣдуютъ, и безпрестанно въ молитвѣ и

послушаніи упражняются, и мало сна очима своима даютъ: первую половину нощи провождаютъ въ келейной молитвѣ и безмолвіи, а вторую въ соборной молитвѣ, въ пѣніи и славословіи. И всю почти утреню поютъ на гласы, мало что̀ читаютъ; и всегда утреня продолжается пять часовъ, а потомъ Литургія. День весь трудятся на послушаніи, а спать даютъ только четыре часа въ сутки, и то новоначальнымъ. Причащаются всѣ братія черезъ двѣ недѣли, и постятся ко причащенію по цѣлой седмицѣ. Всенощное бдѣніе бываетъ каждую недѣлю по двѣнадцати часовъ. Живутъ весьма спокойно; братіи человѣкъ до ста; но монастырь не богатый и весьма древній, и съ моря одну стѣну корпусовъ подмыло: того и смотри, что разрушится. Соборная церковь новая и прекрасная, и вся расписана иконнымъ писаніемъ высокой греческой работы; иконостасъ нововызлащенный, полъ разномраморный; библіотека богата древними кожаными книгами; и много святыхъ мощей, и есть великій крестъ самаго Честнаго древа, окованъ златомъ, пожертвованъ Царицею Пулхеріею; она выстроила и монастырь сей; ризница же весьма убогая и самая простая, и той немного. Еще вновь застроили церковь во имя Преп. Антонія Кіево-Печерскаго, на горѣ Самарѣ, надъ его пещерою, гдѣ онъ спасался: ибо преданіе говоритъ, что онъ въ сей обители постригался. И прожилъ я въ сей святой обители сорокъ дней въ спокойствіи духа, и благодарилъ Царицу Небесную и Владычицу мою, Богородицу, что во всю мою жизнь, въ святой Горѣ Аѳонской, упокояла меня всѣми потребами душевными и тѣлесными; а хотя и терпѣлъ скорби, но за свое маловѣріе. А когда со-

вершенно повѣровалъ, тогда и помощь готова, и получилъ спокойствіе.

99. Ноября 20 числа, пришли духовные братія посѣтить меня, вмѣстѣ и проститься. Они шли въ Хилендарь на праздникъ Входа во храмъ Божія Матери. И я взялъ отъ игумена благословеніе, и пошелъ на праздникъ: Хилендарь отъ Есфигмена не болѣе пяти верстъ.—Послѣдній праздникъ праздновалъ я во святой Горѣ Аѳонской; послѣдній праздникъ торжествовалъ Царицы Небесной, Владычицы Богородицы, во святомъ Ея жребіи и во святой Ея обители, въ которой Она сама Игуменіей; послѣдній разъ получилъ я отъ Нея благословеніе; послѣдній разъ проводила Она меня за монастырь; послѣдній разъ посмотрѣлъ я множество аѳонскихъ отцевъ и своихъ русскихъ братій. Но еще получилъ радостное извѣстіе, что въ нашемъ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ, 23 ноября, будутъ освящать нововыстроенный русскій соборъ во имя Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца, котораго ради я принялъ много трудовъ и скорбей. И весьма я пожелалъ быть на томъ освященіи и торжествѣ, и раздѣлить съ русскими великую радость, и послѣдній разъ повидать возлюбленныхъ моихъ отцевъ и благодѣтелей и всю мою братію, и послѣдній разъ проститься со всѣми; и извѣстилъ есфигменскихъ отцевъ грековъ, что хощу идти въ русскій монастырь. Они же мнѣ сказали, что за-утро игуменъ поѣдетъ въ путь, и я съ нимъ. Слышавши сіе, я поскорбѣлъ, что не сподобился быть на освященіи храма, для котораго положилъ я много трудовъ; но такъ Богу угодно. И простился я со всею русскою братіею, и просилъ поклониться русскаго

монастыря отцамъ, и попросить у нихъ прощенія и заочнаго благословенія.

100. И такъ мы простились и разстались. Братія пошли въ русскій монастырь, а я воротился въ Хилендарскую соборную Церковь къ Игуменіи, Пресвятѣй Богородицѣ, и палъ предъ Чудотворнымъ Ея образомъ, и сталъ благодарить за Ея великія милости, изліянныя на меня грѣшнаго и недостойнаго, и началъ къ Ней глаголати таковая: « Благодарю Тебя, моя Владычице, Пречистая Богородице, Дѣво Маріе; благодарю Тебя, моя Небесная Царица, за Твои великія неизреченныя милости и благодѣянія, изліянныя на мя окаяннаго и недостойнаго. О Владычице! Ты меня приняла сначала, когда пришелъ изъ Молдавіи; Ты, Владычице, въ пути насъ сохранила отъ турковъ и отъ разбойниковъ; съ любовію приняла меня во Свой святый жребій, въ сію святую обитель, и упокоила отъ пути утружденнаго. О Владычице! пришелъ я въ Твой святый жребій безъ денегъ, не зналъ ни какого рукодѣлія, и не имѣлъ ни какой человѣческой помощи, развѣ Тебе, моей Владычицы, заступницы и покровительницы. Ты же, о Владычице моя, Богородице! съ любовію приняла меня, яко заблуждшую овцу, въ Свою небесную ограду, и причислила къ Своему избранному стаду; и шесть лѣтъ упокоивала меня всякимъ спокойствіемъ, душевнымъ и тѣлеснымъ, и утѣшала меня, какъ малое дитя, и провела по всѣмъ путямъ монашеской аѳонской жизни: показала уединенную и скитскую и келейную жизнь, общежительную и пустынную; и сподобила меня, Владычице, имѣть трехъ пастырей и учителей, великихъ старцевъ іеросхимонаховъ, и четвертаго схи-

монаха; и сподобила меня, Владычице, дважды постричься во святомъ Твоемъ жребіи, и принять великій ангельскій образъ. О Владычице! какъ достойно воздати Тебѣ возмогу благодареніе за вся, яже воздала еси мнѣ во святомъ Своемъ жребіи, во святой Горѣ Аѳонской? Я желалъ, Владычице, во святомъ Твоемъ жребіи скончать животъ свой; но по моему желанію не сотворилось. Нынѣ, о Владычице! паки разлучаюсь со святымъ Твоимъ жребіемъ; нынѣ паки разстаюсь со святою Горою Аѳонскою, и паки исхожду изъ тихаго пристанища во свирѣпое многоволнистое великое море, во всякихъ соблазновъ преисполненный суетный міръ. Но исхожду, Владычице, уже не мірскимъ, ниже молдавскимъ, но Твоимъ, Владычице, святогорскимъ, аѳонскимъ монахомъ, и не по своей собственной волѣ, но по волѣ возлюбленнаго Твоего Сына, Господа нашего Іисуса Христа, такожде и по Твоему благоизволенію, и по благословенію моего старца. Но аще и отхожду, то только тѣломъ; а духомъ всегда буду во святой Горѣ Аѳонской. И иду не одинъ, но съ благодатію Сына Твоего, Господа моего Іисуса Христа, и съ благословеніемъ святыя Горы Аѳонскія, Твоего жребія, такожде и съ благословеніемъ духовныхъ моихъ отцевъ, троихъ старцевъ. Такожде и Ты, о Пречистая Владычице моя, Богородице! сама теперь благослови меня грѣшнаго, и сама иди, Владычице, со мною, и веди меня, куда знаешь; и куда приведешь, тамо и буди со мною, и помогай мнѣ во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ. О Владычице! кромѣ Тебя, моей заступницы и покровительницы, идти не могу: потому что я отправляюсь въ далечайшій путь на восемь тысячъ верстъ, не

имѣющи у себя ни одной копѣйки денегъ, ниже пищи, и не имѣю ни на кого надежды, развѣ Тебя, Владычицы моей, помощницы и заступницы, и Сына Твоего, Господа моего Іисуса Христа. Ты же, Владычице, буди въ пути моемъ вождь, и помогай мнѣ во всѣхъ нуждахъ, спасай и сохраняй меня отъ всѣхъ врагъ, видимыхъ и невидимыхъ! Аминь.» Потомъ лобызалъ я чудотворную Ея икону, Игуменію Аѳонскую, Троеручицу.

101. Потомъ пошелъ въ свой монастырь, Есфигменъ. И подошелъ къ Чудотворной иконѣ Богородицы, стоящей на пути, которая встрѣчаетъ и провожаетъ приходящихъ; палъ предъ нею, и много плакалъ, и благодарилъ Ее, что вышла меня проводить, что съ любовію она меня, въ 1839 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, встрѣчала, а въ 1846, въ томъ-же мѣсяцѣ, провожаетъ. Сколько мнѣ тогда было радостно и весело, что пришелъ въ тихое пристанище къ Божіей Матери: столько нынѣ скорбно и грустно, что вышла Владычица проводить меня изъ Своего жребія, изъ святой Горы Аѳонской, изъ Своего краснаго рая. О, кто бы далъ мнѣ источники слезъ! Я плакалъ бы день и ночь, и рыдалъ бы о множествѣ грѣховъ моихъ, которыхъ ради я разлучаюсь со святою Горою Аѳонскою, да еще и вѣчно. О, прости меня, Богородице! много согрѣшилъ предъ Тобою, и осквернилъ Твой святый жребій скверными моими ногами. Прости меня, Владычице, и благослови! Уже жить больше во Твоемъ жребіи не буду, и святой Горы Аѳонской не увижу, и ходить по ней не стану.—Потомъ лобызалъ чудотворную икону, и пошелъ въ путь. О, какъ растрогалъ свое сердце помыслами, что послѣдній уже разъ

иду по святой Горѣ Аѳонской! И всю дорогу горько плакалъ. Трудно разлучаться со жребіемъ Царицы Небесной, иноческимъ царствомъ, съ прекрасной пустыней аѳонской! Пришедши въ монастырь, спросилъ игумена, можно ли сходить въ Русскій монастырь на освященіе храма. Онъ же сказалъ, что за-утро въ путь будемъ отправляться. Однако, 22 числа не отправились.

102. 23 числа отправились въ путь, въ самый тотъ день, въ который освящали соборный русскій храмъ Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца. И поѣхали мы верхами на мулахъ до града Солуня, сухимъ путемъ, на семи мулахъ съ провожатыми. И ѣхали четыре дни высокими горами и великими лѣсами, и много миновали селъ христіанскихъ; и вездѣ насъ греки ласково принимали и угощали.

103. Послѣдній день ѣхали по ровному и чистому полю: въ правой рукѣ, недалече, оставался великій греческій монастырь святой Анастасіи.

104. На четвертый день къ вечеру пріѣхали въ славный и великій градъ Солунь, прямо на Есфигменское монастырское подворье; и проживали въ Солуни двои сутки, и много по нему ходили, и много видѣлъ я древнихъ зданій; но узнать всего не могъ: потому что мало время проживали. Были подлѣ церкви, гдѣ почиваютъ мощи святаго Великомученика Димитрія Солунскаго; нынѣ она обращена въ турецкую мечеть. Во-внутрь зайдти не удостоились, и поклониться гробу святаго Димитрія не сподобились, потому что не во-время пришли; а въ другое время турки христіанъ пускаютъ покланяться гробу святаго Димитрія.

105. Подлѣ общаго Аѳонскаго подворья есть одна мечеть весьма древняя, круглая, на-подобіе столба, и весьма великая, со многими комнатами. Сказывали мнѣ монахи, что этотъ храмъ выстроенъ за-много лѣтъ до Христа. До лѣтъ Царя Константина Великаго былъ идольскимъ храмомъ, и въ немъ многіе мученики сокрушали идоловъ. Константинъ Великій обратилъ его въ христіанскую церковь, и освятилъ во имя святаго Великомученика Георгія. Потомъ греческими царями отданъ былъ Аѳонской Горѣ, и при немъ было аѳонское подворье, и всегда проживали при немъ аѳонскіе отцы, и ежедневно приносили безкровную жертву единому Всевышнему Господу Богу, и существовалъ даже до взятія турецкаго. Турки обратили храмъ въ свою мечеть, которая и до-днесь существуетъ; въ нее со всѣхъ странъ подѣланы врата, а нынѣ нѣкоторыя закладены. Еще ходили смотрѣть прежде бывшую церковь святыя Софіи: велика и прекрасна, но нынѣ обращена въ мечеть.

106. До-днесь въ Солуни существуетъ греческихъ православныхъ церквей до тридцати, только безъ куполовъ, крестовъ, и безъ звоновъ. Въ Солуни всегда живутъ Митрополитъ и Епископъ. Въ митрополіи препочиваютъ на вскрытіи святыя мощи Свят. Григорія Паламы. Градъ Солунь весьма великъ и многолюденъ; кругомъ обведенъ крѣпкою каменною стѣною, землянымъ валомъ и рвомъ. Постройка — деревянная, пополамъ съ камнемъ, и смазанная глиной; улицы не очень узки.

107. 28 числа сѣли на пароходъ, и отправились въ Константинополь, и полетѣли яко птицы. Отъ Аѳонской Горы до Солуня ѣхали четыре дня, а отъ Со-

луня до Аѳонской Горы летѣли восемь часовъ. Хотя и мимо шли, но видѣть ее не сподобились, потому что прошли нощію. Въ правой рукѣ виднѣлась, на азіатскомъ берегу, славная гора Олимпійская; а въ лѣвой рукѣ оставались полуострова: Кассандра, Сика и святая Гора Аѳонская, и острова: Тасъ, Самоѳракъ, Имбро и Лимносъ. Всего отъ Солуня до Константинополя шли только сорокъ часовъ. Прошли два моря, Архипелагъ и Мраморное, и Дарданельскій проливъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса.* Не имѣя ни одной копѣйки, пріѣхалъ вмѣстѣ съ купцами; еще и угощали на пароходѣ; за провозъ заплатили по двадцати два рубля съ человѣка. Прибыли въ Константинополь 30 ч. ноября, на память святаго Апостола Андрея Первозваннаго, въ шестомъ часу съ полунощи. Только пароходъ остановился, — сдѣлалась по всему Константинополю пушечная пальба; и мы испугались. Потомъ пріѣхали на пароходъ турки, и сказали, что у Султана родился сынъ. Дождавшись дня, поѣхали мы на каюкѣ на аѳонское подворье, и тамъ дали намъ лучшую комнату; а игумена нашего Агаѳангела Патріархъ къ себѣ взялъ въ патріархію; потому что Патріархъ Анѳимъ — постриженикъ аѳонскій, Есфигменскаго монастыря. Поелику Россійскій Святѣйшій Синодъ Патріарху сдѣлалъ еще запросъ: то намъ надобно было дожидаться обороту, и проживать въ Константинополѣ мѣсяца четыре или пять.

108. И стали въ Константинополѣ проживать, и ежедневно по немъ ходить и разсматривать. Въ одинъ день игуменъ, пришедши отъ Патріарха, сѣлъ подлѣ меня, и сталъ мнѣ говорить: « отче Парѳеній! Патрі-

архъ хочетъ тебя рукоположить во іеромонаха: достоинъ ли ты, или нѣтъ?» Я ему отвѣтилъ: «Отче святый! какъ я грѣшный могу быть достоинъ таковаго сана? Да и еще мнѣ старецъ не далъ благословенія—за границею принять хиротонію.» Игуменъ же сказалъ: «лишь бы великихъ грѣховъ не сотворилъ; а то въ волѣ Патріарха.» Потомъ пошли къ Патріарху. Патріархъ сказалъ: «отецъ Парѳеній! я тебя хиротонисаю во іерея: на Рождество Христово—во іеродіаконы, а на Православіе — во іеромонахи.» Я ему отвѣтилъ: «Ваше Святѣйшество! старецъ мнѣ не далъ благословенія—за границею принять хиротонію.» Патріархъ сказалъ: «это все едино, что̀ въ Россіи: отпуская тебя въ Россію, дамъ тебѣ свидѣтельство; по окончаніи сбора, ежели захочешь, то тамъ и останешься, я дамъ тебѣ благословеніе.» Я поклонился, и сказалъ: «буди воля Господня и ваша, Святѣйшій Владыко!» Патріархъ велѣлъ мнѣ сходить къ духовнику, и готовиться. Пришедши въ свою квартиру, я возвелъ свои душевныя очи ко Всевышнему, моему Творцу и Создателю, да устроитъ меня по Своей святой волѣ: аще на пользу души моей хиротонія, то да устроитъ; аще не на пользу, то да разрушитъ самъ, якоже знаетъ; а я, яко человѣкъ подначальный, противиться Патріарху не могу. Потомъ сходилъ къ русскому духовнику. Предъ Рождествомъ Христовымъ, въ субботу, въ патріаршей церкви причащался святыхъ Таинъ.

109. Причастниковъ было много, такъ что всю утреню и Литургію, и послѣ Литургіи, изъ придѣловъ запасными дарами причащали народъ. Вотъ сколько греки усердны ко Святой Христовой Церкви! У нихъ

каждый христіанинъ обязанъ необходимо причаститься четырежды въ годъ.

110. Предъ праздникомъ Рождества Христова, сошлись со всего Константинополя бѣдные нищіе, сироты и вдовицы, въ патріаршій монастырь къ своему отцу и пастырю, Святѣйшему Патріарху. И ихъ всѣхъ собрали въ церковь, а потомъ по одному выпускали, и каждому выдавали по пяти левовъ, то-есть по рублю, и по литрѣ сыру; и было нищихъ не одна тысяща. Были и вдовицы съ малыми дѣтьми, и не только были одни христіане, но и турковъ и туркинь и прочихъ вѣръ было много, и была какъ великая ярмарка, и всѣ получали и радовались, и благодарили Святѣйшаго Патріарха, что всѣхъ утѣшилъ ради великаго праздника; и отходили, прославляя Господа Бога, Іисуса Христа. И я, смотря на сей благій обычай, не могъ удерживаться отъ слезъ, и ублажалъ Святѣйшаго Патріарха, какъ онъ для наступающаго праздника, Рождества Христова, утѣшалъ всѣхъ бѣдныхъ и нищихъ, а во образѣ нищихъ самого Господа Іисуса Христа.

111. Потомъ были *Царскіе Часы:* присутствовалъ самъ Патріархъ. Стихиры пѣли по клиросамъ съ канонархомъ на-распѣвъ. На каждомъ часѣ по одной стихирѣ пѣлъ самъ Патріархъ, одинъ съ канонархомъ. Многолѣтіе вычитывалъ канонархъ, на девятомъ часѣ, среди церкви. Потомъ вечерня и Литургія, святаго Василія Великаго, были торжественны. Патріархъ съ Митрополитами стояли на своихъ каѳедрахъ, а Литургію служилъ одинъ іеромонахъ съ діакономъ. Антидоръ раздавалъ самъ Патріархъ. Вечеромъ повѣстили всѣмъ христіанамъ отъ самого Султана ѳирманъ, что

въ двѣнадцатомъ часу ночи отворятся по всему Константинополю врата, и каждому вольно идти въ церковь, только чтобы былъ на три человѣка фонарь, а то будутъ взяты на гауптвахту. Въ самую полунощь раздался по всѣмъ улицамъ звукъ: воспѣли церковные пономари радостную пѣснь громкимъ гласомъ: «*Днесь Христосъ родися, и радость всему міру явися!* Православные христіане, пожалуйте въ Божію церковь!»

112. Отворили всѣ градскія врата; во всякихъ вратахъ стала военная стража. Наполнились всѣ улицы народомъ, освѣтились свѣтомъ множества фонарей. Мы посмотрѣли изъ окна на улицу, и ужаснулись: по улицѣ течетъ какъ огненная рѣка; больше шли въ патріаршую церковь, потому что въ этотъ праздникъ самъ Патріархъ будетъ служить Литургію. А онъ служитъ только четырежды въ годъ. Потомъ и мы пошли съ фонарями. Патріаршій дворъ и вся снаружи церковь освѣщены были плошками. Мы прошли прямо въ алтарь. Весь храмъ освѣщенъ былъ множествомъ люстръ и лампадъ и свѣщей, и уже былъ наполненъ множествомъ народа.

113. Потомъ пришелъ Патріархъ со всѣми Митрополитами; и встрѣтили его на паперти Архимандритъ, Протосинкеллъ съ крестомъ и семь діаконовъ съ киріями; и пѣвцы запѣли: *Слава въ вышнихъ Богу!* и проч. Патріархъ съ Митрополитами прикладывался въ то время ко всѣмъ иконамъ. Потомъ стали каждый на своей каѳедрѣ. Патріархъ благословилъ народъ на всѣ четыре страны. Потомъ начали всенощное бдѣніе, и продолжалось по уставу. «*Хвалите имя Господне*» пѣли, всѣ три псалма, на-распѣвъ, по стихамъ. Евангеліе читалъ Патріархъ на каѳедрѣ. Каноны всѣ

пѣли на гласъ. Когда начали пѣть «*хвалите Господа съ небесъ*» всѣ три псалма по стихамъ, тогда Митрополиты по-двое подходили къ Патріарху, и покланялись и лобызали его руку, и входили въ алтарь и облачались; а семь діаконовъ взяли все патріаршее облаченіе, и вынесли въ царскія врата, и облачили Патріарха на каѳедрѣ, торжественно, съ пѣніемъ. А одинъ Архимандритъ въ то время проскомидію совершалъ. *Славословіе великое* пѣли торжественно. По окончаніи утрени протодіаконъ возгласилъ: «Владыки, изъидите изъ алтаря!» Архіереи всѣ вышли царскими вратами во всемъ облаченіи, безъ митръ, а въ камилавкахъ; и поклонившись Патріарху, стали на своихъ каѳедрахъ. Потомъ, по обычаю, началась Литургія. Продолжалась Литургія весьма торжественно и великолѣпно: служилъ Патріархъ и четыре Митрополита, и шесть Архіепископовъ и два Архимандрита, — всѣхъ двѣнадцать, а тринадцатый Патріархъ, на-подобіе того, какъ у Христа было двѣнадцать Апостоловъ; и семь діаконовъ, на-подобіе какъ было у Апостоловъ семь діаконовъ. Съ великимъ входомъ шли только два Архимандрита и семь діаконовъ. Архіереи же съ Патріархомъ стояли, отъ самаго престола и до амвона, лицемъ на западъ. И самый младшій Архіерей принялъ отъ діакона дискосъ съ Агнцемъ, обратился на востокъ, и возгласилъ: *Патріаршество твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ, всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ!* Потомъ вторый Архіерей принялъ, и сотворилъ такожде; и такъ всѣ одинъ отъ другаго принимали, и Патріарха поминали. Патріархъ же стоялъ подлѣ престола лицемъ на западъ, главу имѣя весьма низко наклоненну. Отъ послѣдняго

Митрополита принималъ самъ Патріархъ, и вышелъ въ царскія врата, и поминалъ трехъ восточныхъ Патріарховъ, потомъ благочестивыхъ Царей, потомъ обратился на обѣ страны, и сказалъ: «*Архіерейство ваше да помянетъ Господь,* и проч. Потомъ поминалъ многія частныя лица, потомъ возгласилъ: *всѣхъ васъ православныхъ христіанъ да помянетъ,* и проч., и потомъ поставилъ дискосъ на престолъ. Такожде творили и съ потиромъ, и потомъ отправляли по чину Литургію. Когда же пришло время причащаться, то прежде Патріархъ самъ причастился, потомъ причащалъ Митрополитовъ и Архіереевъ, потомъ младшій Архіерей причащалъ Архимандритовъ и діаконовъ. По Литургіи, самъ Патріархъ раздавалъ антидоръ. Такъ совершилось великое торжество праздника Рождества Христова въ Константинопольской Патріаршей великой церкви. Продолжалась вся служба девять часовъ.—Но Патріархъ своего обѣщанія не исполнилъ, и въ діаконы меня не рукоположилъ. Видно, Господь хощетъ со мною другое устроить на пользу души моей, и въ немощахъ моихъ совершить силу Свою.

114. По Литургіи, пришли мы въ свою келлію, изготовили себѣ пищи, и потрапезовали. Потомъ огласились всѣ константинопольскія улицы звукомъ и гласомъ пѣнія. И я весьма удивился, что̀ такое за многогласное пѣніе? Отворилъ окно, и еще болѣе удивился: ибо слышу со всѣхъ сторонъ много поющихъ гласовъ, мужескихъ и дѣтскихъ. И спросилъ я: «что̀ это значитъ, что всюду поютъ?» Отцы мнѣ сказали: «это прославляютъ новорожденнаго Превѣчнаго Младенца Іисуса Христа и рождшую Его Пресвятую Дѣву Марію.» Потомъ пришла толпа, человѣкъ пятнадцать,

старыхъ и малыхъ, къ намъ подъ окно, стали противъ нашего подворья, перекрестились, и всѣ запѣли пріятными гласами, тенорами и басами. И мы всѣ отворили окна, и слушали: пѣли они весьма долго разныя стихотворенія, и прославляли рождшагося Превѣчнаго Младенца Іисуса Христа и Богоматерь Дѣву Марію. Потомъ каждый имъ бросалъ деньги. И такъ безпрестанно подходили одни за другими. И продолжалось такое пѣніе три дня. Христіане не торговали. Подъ новый годъ (1847) была великая вечерня, и былъ за вечернею Патріархъ. Утреня и Литургія были торжественныя; Патріархъ стоялъ на каѳедрѣ.

115. На св. Богоявленіе, вечеромъ по Литургіи, было великое стеченіе народа. Вечеромъ паки объявили всѣмъ отъ Султана фирманъ, что въ первомъ часу по полуночи отворятся всѣ врата, и вольно каждому идти въ церковь, только чтобы съ фонаремъ. И по полунощи, услышавши распѣваніе пономарей, созывающихъ въ церковь на молитву, паки весь народъ пошелъ въ церкви, паки всѣ улицы освѣтились огнями. Потомъ и мы пошли. Была утреня и Литургія торжественная. Литургію служилъ одинъ Архимандритъ съ іеродіакономъ; а Патріархъ съ Архіереями стояли на своихъ каѳедрахъ. По Литургіи было освященіе воды: освящалъ самъ Патріархъ. Литургія окончилась еще до свѣту.

116. И такъ проводилъ я великіе праздники въ радости и веселіи; но паки готовились мнѣ скорби. Послѣ Богоявленія, въ скорости, въ одинъ день приходитъ игуменъ Агаѳангелъ изъ патріархіи, и сказалъ мнѣ: « отче Парѳеній! прости насъ, что мы тебя

обманули: мы тебя съ собой въ Россію не возьмемъ.» Я спросилъ: «почему такъ, отче св.?» Онъ же мнѣ сказалъ: «Весь соборъ мнѣ сказалъ, что тебя взять никакъ невозможно: потому что ты не нашего монастыря постриженникъ. Ты теперь говоришь, что останешься въ Россіи; а когда случится, что много насобираемъ, тогда ты передумаешь, и паки пріѣдешь во Св. Гору; тогда ты свою часть возьмешь въ свой монастырь. Потому никакъ нельзя взять; и Патріархъ такъ сказалъ.» Я ему сказалъ: Отче св.! что̀ же я теперь буду дѣлать? У меня денегъ нѣтъ ни одной копѣйки.» Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «иди обратно въ св. Гору Аѳонскую; когда я тебя вывезъ оттуда, то паки на свой счетъ представлю въ Св. Гору.» Я ему сказалъ: «я бы со всею радостію возвратился во св. Аѳонскую Гору, только ежели бы Святѣйшій Патріархъ разрѣшилъ моего старца завѣщаніе, и я былъ бы спокоенъ совѣстію.» Игуменъ же сказалъ: «пойдемъ къ Патріарху: онъ тебѣ разрѣшитъ и благословитъ въ Св. Гору.»

117. Пошли къ Патріарху. И пришедши, взяли благословеніе. Патріархъ же сказалъ мнѣ: «иди, старче, иди въ св. Аѳонскую Гору, и тамъ спасайся.» Я ему отвѣтилъ: «Ваше Святѣйшество! аще Вы разрѣшите старца моего завѣщаніе, то съ радостію возвращусь въ св. Гору Аѳонскую, и буду спокоенъ.» Патріархъ спросилъ: «какое завѣщаніе?» Я сказалъ, что старецъ мой, духовный отецъ, благословилъ мнѣ идти въ Россію, а самъ умеръ. Патріархъ же сказалъ: «Когда старецъ умеръ, то азъ разрѣшить тебѣ этого завѣщанія не могу; иди куда посланъ. Ежели бы онъ былъ живъ, то бы я ему послалъ письмо, чтобы онъ тебя

разрѣшилъ; а теперь твое дѣло кончено; разрѣшить тебѣ этого никто не можетъ. Ты знаешь ли? Одинъ старецъ послалъ ученика своего на нѣкое особое послушаніе, и не далъ ему благословенія хлѣба ѣсть, пока не окончитъ назначеннаго дѣла. Ученикъ пошелъ, а старецъ безъ него умеръ. Пришедши и увидѣвши старца мертваго, ученикъ не осмѣлился ѣсть хлѣбъ безъ благословенія старца. Послѣ онъ ходилъ къ самому Патріарху, но и Патріархъ съ соборомъ не разрѣшили ему, чтобы онъ хлѣбъ ѣлъ; а благословили ему питаться овощіемъ (*). Такъ и ты, хотя бы и подлинно зналъ, что на Черномъ морѣ потонешь, иди: мученикъ будешь.» Я ему отвѣтилъ: «Ваше Святѣйшество! съ чѣмъ я пойду? Не имѣю ни одной копѣйки денегъ.» Патріархъ сказалъ: «поживи здѣсь, подожди; Богъ тебя не оставитъ, дастъ тебѣ денегъ; а на хлѣбъ игуменъ будетъ давать.» Потомъ игумену сказалъ, чтобы мнѣ на хлѣбъ давалъ денегъ.

118. Когда мы пришли на подворье, то игуменъ съ своими меня отъ себя отдѣлили, и дали мнѣ келлію одному, въ нижнемъ этажѣ. И сталъ я проживать, яко птица, ни о чемъ не пекущися, и въ совершенномъ нестяжаніи, не имѣющи ни денегъ, ни хлѣба, но только полагалъ всю свою надежду на единаго истиннаго Господа Бога моего; кому Господь Богъ по сердцу положитъ, — подастъ кусокъ хлѣба мнѣ страннику. И благодарю Господа Бога моего за Его великія милости, изліянныя на мя грѣшнаго: хотя

(*) Видится, Патріархъ сказывалъ то, чтò пишется въ 33 огласит. поученіи препод. Θеодора Студита.

русскихъ не было ни единаго, но былъ всѣми потребами тѣлесными доволенъ и преизобиленъ, не только что хлѣбомъ и водою, но чего моя душа желала. Спаси ихъ Господи!—греки не оставляли меня; игуменъ Агаѳангелъ давалъ мнѣ на хлѣбъ, и прочіе аѳонскіе отцы всѣ меня миловали и награждали, кто пищею, кто деньгами, кто углями для нагрѣванія келліи; и всегда у меня въ келліи стоялъ мангоďь съ огнемъ, и прочіе приходили ко мнѣ грѣться; и говорили: « у отца Парѳенія денегъ хотя и нѣту, но его Богъ лучше всѣхъ насъ согрѣваетъ; еще и насъ богатыхъ своимъ тепломъ надѣляетъ.» Такъ я проводилъ зиму; и ежедневно по Константинополю прохаживался, ходилъ къ Живоносному источнику, иногда на Галату, иногда къ св. Софіи; и ежедневно приметался въ дому Божіемъ, ходилъ въ св. церковь къ утрени и Литургіи; болѣе ходилъ въ Патріаршую церковь, а къ вечерни, гдѣ случится. Но когда къ вечеру прихожу въ свою келлію, всегда имѣю приготовлену пищу и манголь съ горящими углями.

119. Любилъ я часто ходить провожать усопшія тѣла православныхъ христіанъ, грековъ. Тамъ вынос тѣла бываетъ въ два часа по-полудни съ великою церемоніею: всегда бываетъ Архіерей, и провожаетъ изъ дому до церкви; всѣ бываютъ со свѣчами. Призываются изъ училищъ мальчики, надѣваютъ одежду на-подобіе стихарей, изъ синей матеріи; подпоясываются бѣлыми широкими поясами, и держа въ рукахъ великія свѣщи, идутъ впередъ по-два въ рядъ. Въ церкви зажигаютъ всѣ паникадила, и раздаются всѣмъ свѣщи, и всегда бываетъ великое стеченіе народа. Поютъ погребеніе медленно, и каждому бываетъ

надгробное слово: иногда говоритъ самъ Архіерей, а иногда іеродіаконъ. По отпускѣ, во вратахъ ограды каждому даютъ по бѣлому сухарю и по кренделю, подносятъ по стакану краснаго винограднаго вина и по большой ложкѣ сладкаго колива; даютъ и денегъ, по состоянію умершаго. Впереди несутъ великій запрестольный крестъ и двѣ рипиды, и всегда бываетъ много священниковъ и самъ Архіерей, и много пѣвцовъ. Поютъ «*Святый Боже*» сладкогласно, и далеко по улицамъ раздается гласъ пѣнія: потому что улицы узки, а дома высокіе. Изъ христіанскихъ домовъ, изъ верхнихъ этажей, жены кропятъ розовой благоуханной водой гробъ и весь народъ, и отъ того бываетъ великое благоуханіе.

120. Въ одинъ день прохаживался я по Константинополю, и попались мнѣ русскаго племени казаки, Некрасовцы, съ Мраморнаго моря, изъ села Майносы. Я сказалъ: «здравствуйте, казаки!» Они отвѣтили: «здорово, батюшка! знать, ты русскій?» Я сказалъ: «русскій.» Они спросили: «а что ты, батюшка, не священникъ ли?» А я шутя сказалъ: «священникъ.» Они сказали: «приди-ка ты, батюшка, къ намъ на кунакъ (постоялый дворъ); нужно бы намъ съ тобой поговорить»; и сказали мнѣ свою квартиру. Я обѣщался къ нимъ побывать.

121. Послѣ, я пришелъ къ нимъ, и началъ ихъ спрашивать: «какъ они живутъ, и что̀ имѣютъ?» Они отвѣчали: «мы, батюшка, у себя много имѣемъ благодати.» Я спросилъ: «какую же вы имѣете благодать: Патріархъ, что ли, у васъ есть?» Они отвѣчали: «нѣтъ у насъ Патріарха.» Я еще спросилъ: «что̀ же, развѣ Епископа имѣете?» Они отвѣтили: «нѣтъ у насъ

Епископа.» Я еще спросилъ: «что же, развѣ священника имѣете?» Они отвѣтили: «былъ у насъ и священникъ, да померъ; теперь нужно бы намъ священника.» Я еще спросилъ: «что, развѣ имѣете церковь?» Они же отвѣчали: «у насъ церкви нѣтъ, а только имѣемъ четыре часовни.» Я еще спросилъ: «что же, развѣ св. мощи имѣете?» Они отвѣчали: «нѣтъ, мы мощей не имѣемъ; не знаемъ, какія и мощи.» Я еще спросилъ: «какую же вы имѣете благодать, когда вы не имѣете ни Патріарха, ни Епископа, ни церкви, ни священниковъ, ни св. мощей?» Они же отвѣчали: «мы, батюшка, имѣемъ святыя старинныя книги, уже не по одной тысящи лѣтъ: еще наши старики сами изъ Россіи вывезли; наши книги отъ самого св. Іосифа.» Я сказалъ: «отъ Іосифа Патріарха всего прошло только двѣсти лѣтъ, да и Россія приняла крещеніе только восемьсотъ лѣтъ.» Они же отвѣчали: «мы вашего Патріарха Іосифа не знаемъ; а мы книги имѣемъ отъ того Іосифа, который былъ Богородицѣ обручникъ.» Я спросилъ: «а давно ли вы ушли изъ Россіи?» Они же отвѣтили: «давно, батюшка, уже не одна тысяща годовъ, еще при Царѣ Петрѣ І-мъ.» Я спросилъ: «а что, есть у васъ въ Майносѣ кто васъ умнѣе?» Они же отвѣтили: «мы не знаемъ; а только мы первые старшины въ обществѣ: избрали насъ отъ всего общества, и послали къ Султану по общественнымъ дѣламъ; стало быть, умнѣе насъ не нашли.» Я покачалъ головою, а самъ горько заплакалъ, и началъ имъ говорить: «Любезные мои братія, куда вы зашли, куда вы забрели? До какого крайняго безумія вы дошли, что и сами не знаете, чему вѣруете, и кому послѣдуете? И заблудили вы,

заблуждшія овцы, безъ пастыря: мірскіе вашему безумію смѣяться будутъ, а мы, иноки, о вашей погибели горько плачемъ, да и плакать не престанемъ, доколѣ васъ Господь обратитъ на путь истинный.» Они же больше слушать не стали, и сказали: «Насъ учить нечего; уже мы вѣры не перемѣнимъ, какая она есть; въ томъ и помремъ, въ чемъ родились; только плохо, что у насъ попа нѣтъ, некому вѣнчать браки. Мы думали, что ты къ намъ пойдешь.» И пошли вонъ, а я ушелъ къ себѣ.—Трудно обратить человѣка отъ заблужденія; самъ Господь сказалъ: *никтоже можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ пославый Мя привлечетъ его* (Іоан. 6, 44.).—Послѣ стали уже отъ меня бѣгать.

122. Многажды мнѣ случалось видѣть Султана, какъ по пятницамъ въ парадѣ ходитъ въ мечеть, сопровождаемъ множествомъ воинства и съ музыкой.

123. Января 30-го, въ Константинополѣ торжественно праздновали праздникъ трехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Когда наступила недѣля сырная, и въ одинъ день прохаживался я по Галатѣ, то вдругъ увидѣлъ одного русскаго, и спросилъ его: «откуда и куда идетъ?» Онъ же отвѣтилъ, что идетъ изъ Россіи въ Іерусалимъ. Я спросилъ: «много ли васъ?» Онъ отвѣтилъ: «трое: двѣ женщины, да я одинъ мужчина.» И они мнѣ дали денегъ тридцать рублей, — спаси ихъ Господи! На эти деньги могъ я выправить себѣ фирманъ, только уже въ постъ. Такъ утѣшилъ меня Господь на сырной недѣлѣ, и провождалъ я сырную седмицу въ радости и веселіи. Въ сію седмицу великъ былъ во градѣ шумъ и много соблазновъ; но мы

больше приметались въ дому Божіемъ. Въ субботу была великая вечерня; по-утру въ воскресенье — утреня и Литургія; и по всѣмъ церквамъ великое было стеченіе народа.

124. Въ тотъ день по всѣмъ церквамъ читали патріаршее приказаніе, чтобы воздержались отъ пьянства и роскошества, а приготовлялись къ посту. И греки оказались послушны своему архипастырю, Святѣйшему Патріарху: что́ онъ сказалъ, то́ и сдѣлали. Послѣ Литургіи, въ воскресенье, по всему Константинополю все затихло и умолкло. Къ вечерни мы пошли на Галату въ Николаевскую церковь. Вошедши въ храмъ, вдругъ увидѣли странное явленіе: весь иконостасъ, рѣзьба и злато, покрыты и обиты черною матеріею, такожде и всѣ кіоты; и архіерейская каѳедра и всѣ подсвѣчники, люстры и паникадила, всѣ облечены черною матеріей. И нигдѣ отнюдь не видно было ни злата, ни иного чего блестящаго; но весь храмъ облеченъ якобы во вретище, скорбитъ и плачетъ о грѣхахъ человѣческихъ, и вопіетъ къ народу, что пришли дни плача и раскаянія о грѣхахъ. Сей благій обычай по всѣмъ константинопольскимъ церквамъ наблюдается; и бываетъ такъ до Пасхи.

125. Наступила первая седмица св. Великаго поста, и по Константинополю все пріутихло, все пріуныло; отошелъ у грековъ праздникъ и гульба, и у турковъ не стало. И мы радовались, что проводили шумные дни, и дождались тихаго и пріятнаго времени, св. поста. На первой недѣлѣ поста я получилъ отъ Оттоманской Порты открытый фирманъ ѣхать прямо въ Россію: это стоило мнѣ болѣе двадцати руб. Но паки скорбь: россійское посольство мнѣ воспрепятствовало,

и велѣло мнѣ ѣхать въ Молдавію. Ежели въ Молдавію ѣхать, то на что мнѣ былъ фирманъ? Я бы могъ ѣхать и съ паспортомъ. Но такъ было Богу угодно.

Въ первую недѣлю поста, въ день Православія, служилъ самъ Патріархъ съ Митрополитами и Архіереями, такожде, какъ и на Рождество Христово; было великое стеченіе народа; но проклятія еретикамъ не было, потому что турки возбраняютъ.

126. Потомъ пришелъ я къ игумену Агаѳангелу, и показалъ ему фирманъ. Онъ же удивился, и спросилъ: «гдѣ денегъ взялъ?» Я сказалъ, что русскіе поклонники дали. Еще сталъ его просить, чтобы далъ мнѣ денегъ на дорогу, которыя обѣщался ему выслать. Онъ же съ любовію мнѣ далъ, сколько мнѣ нужно. Спаси его Господи за его великія благодѣянія! Довезъ на пароходѣ до Константинополя, и здѣсь не оставлялъ; да еще награду далъ, и ни въ чемъ не отказывалъ.

127. Получивъ деньги, я пошелъ на корабль; и отправились въ путь, радующіеся и веселящіеся. Но не далеко отошли отъ пристани: остановились по причинѣ противнаго вѣтра. Потомъ паки пошли, и паки остановились на мѣстѣ, называемомъ Арнаутка.

128. Тамъ стояли мы двѣ седмицы, за противнымъ вѣтромъ. Тамъ есть двѣ церкви православныхъ: одна— во имя Преображенія Господня, а другая — во имя св. Пророка Иліи. Сія Ильинская церковь столь велика и богата, что во всемъ Константинополѣ другой такой не случилось видѣть: болѣе Патріаршей. Нигдѣ не видалъ по Константинополю иконъ въ серебряныхъ окладахъ: а здѣсь весь иконостасъ, мѣстныя иконы, коихъ осьмнадцать въ-рядъ, всѣ въ серебря-

ныхъ окладахъ; еще много на столбахъ и на стѣнахъ иконъ въ окладахъ. И ежедневно бываетъ такое стеченіе народу, что церковь всегда полна; и весьма строго наблюдаютъ церковный чинъ и порядокъ: избраны нарочитые старики, которые безпрестанно ходятъ по церкви и наблюдаютъ чинъ. При сей церкви живетъ Архіепископъ и святѣйшій Патріархъ Григорій, удаленный отъ престола. Въ этой церкви праздновалъ я третью недѣлю Великаго поста, крестопоклонную. Крестопоклоненіе было торжественное. Когда прикладывались ко кресту, Архіерей раздавалъ изъ-подъ креста по цвѣтку, а діаконъ каждаго кропилъ розовой водою, исполненною благоуханія.

129. У грековъ по всему Константинополю сохраняется такой благій обычай. Каждую недѣлю Великаго поста, въ пятокъ вечера бываетъ великое стеченіе народу по всѣмъ церквамъ; убираютъ и украшаютъ, разными цвѣтами и пеленами, икону Богородицы, которая стоитъ подлѣ царскихъ вратъ, и вѣшаютъ предъ нею много лампадъ съ елеемъ; становятъ по обѣ страны иконы по подсвѣчнику, зажигаютъ много свѣчъ, и зажигаютъ по всему храму паникадила, люстры и лампады. И приходитъ въ церковь самъ Патріархъ или Епископъ. Потомъ читаютъ малое повечеріе; послѣ «*Вѣрую*» поютъ канонъ Похвалы Богородицы весь на-распѣвъ весьма торжественно. По шестой пѣсни поютъ кондакъ «*Взбранной воеводѣ*» самымъ протяжнымъ умильнымъ гласомъ; въ то время два діакона кадятъ св. иконы и весь народъ; у грековъ обычай такой: каждаго человѣка кадятъ. Потомъ Архіерей сходитъ съ каѳедры, и предъ иконою Богородицы читаетъ три

кондака и три икоса; два діакона кадятъ икону, а концы «*радуйся невѣста неневѣстная*» и «*аллилуіа*» припѣваютъ протяжнымъ гласомъ. Потомъ паки — «*Взбранной воеводѣ.*» Потомъ допѣваютъ послѣднія пѣсни канона, потомъ «*Достойно*» и проч. Молитву «*нескверная неблазная*» читаетъ чтецъ, предъ иконою Богородицы, на гласъ умиленно; по окончаніи ея переходитъ на другую сторону предъ икону Спасителя, и читаетъ на гласъ молитву: «*и даждь намъ, Владыко.*» И тако продолжается сія служба болѣе двухъ часовъ. Потомъ прикладываются всѣ къ иконѣ. И такъ въ четыре пятка прочитывается весь акаѳистъ. А на пятой недѣлѣ, подъ субботу, съ вечера, бываетъ стояніе весьма торжественное.

130. Еще есть у грековъ похвалы достойный и строго соблюдаемый слѣдующій обрядъ, или обычай: подъ великій пятокъ, въ нощи, на стояніи, по прочтеніи пятаго Евангелія, всѣ держатъ въ рукахъ непогашенныя свѣщи, и внутри храма, позади столбовъ, бываетъ литія, или малый крестный ходъ. Духовенство все въ облаченіи; несутся хоругви впередъ съ фонарями; мальчики идутъ въ стихаряхъ съ подсвѣчниками; старшій священникъ несетъ великій крестъ, по сторонамъ идутъ два священника: одинъ несетъ икону Божіей Матери, а другой икону Іоанна Богослова. Священники поютъ въ то время стихиру, *гласъ шестый:* «Днесь виситъ на древѣ, Иже на водахъ землю повѣсивый: вѣнцемъ отъ тернія облагается, Иже Ангеловъ Царь: въ ложную багряницу облачается, Одѣваяй небо облаки: заушеніе пріятъ, Иже во Іорданѣ свободивый Адама: гвоздьми пригвоздися Женихъ церковный: копіемъ прободеся Сынъ Дѣвы.

Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе. Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе. Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе. Покажи намъ и славное Твое Воскресеніе.» Сія стихира писана по пятомъ Евангеліи въ Тріоди Постной. То-же повторяютъ пѣвчіе. Потомъ становятъ крестъ, посреди церкви, и иконы Богородицы и Іоанна Богослова. Потомъ подходятъ и покланяются кресту и иконамъ, творя по два поклона земныхъ, и цѣлуютъ крестъ и иконы; потомъ еще поклонъ земный, и отходятъ каждый въ свое мѣсто.

131. Простоявъ у Арнаутки двѣ недѣли, отправились; и отойдя верстъ десять, паки стояли десять дней. На томъ предмѣстіи три церкви: первая — Преображенія Господня, вторая—Успенія Богородицы, третья — Святителя Николая: туда ходили мы къ службѣ, къ утрени, часамъ и вечерни. Потомъ подулъ вѣтеръ благополучный, и мы пошли въ путь. Но только стали выходить изъ Константинопольскаго пролива въ Черное море, — вдругъ подулъ паки сѣверо-восточный сильный вѣтръ; и мы, а съ нами болѣе ста кораблей, всѣ воротились въ проливъ, и пристали къ предмѣстію, называемому Буюкдере, гдѣ всѣ европейскіе посланники имѣютъ лѣтніе дворцы. Тамъ и русскаго посланника лѣтній дворецъ съ церковію. Здѣсь есть и греческая церковь. Здѣсь мы стояли недѣлю.

132. Въ среду, на пятой недѣлѣ, поѣхалъ я, въ каюкѣ, въ Константинополь, и сподобился отстоять великое стояніе въ знаменитой церкви Святителя Николая. Стояніе было съ вечера; великій канонъ не читали, но пѣли весь на гласъ съ канонархомъ; ночевалъ я на аѳонскомъ подворьѣ, и отцы много о мнѣ

сожалѣли, что такъ долго Богъ не даетъ пути. Поутру рано пошелъ на Галату, въ церковь Святителя Николая, и тамъ у русскаго духовника, Іеронима сербина, исповѣдался, и на Преждеосвященной причастился Святыхъ Таинъ. Потомъ паки пошелъ на корабль, и пришелъ уже ночью. Отъ Галаты до Буюкдере восемь часовъ ходу. И такъ просидѣлъ я на кораблѣ почти весь Великій постъ; а изъ Константинополя выйдти не могъ, и деньги почти всѣ истратилъ. Потомъ, на шестой недѣлѣ поста, поѣхалъ въ Константинополь, чтобы найдти случай совсѣмъ уѣхать на первомъ пароходѣ въ Молдавію, потому что Богъ-знаетъ, когда корабль пойдетъ. Хотя денегъ не имѣю не только что на проѣздъ на пароходѣ, но и на кораблѣ: но положилъ надежду свою на Господа Бога, и пріѣхалъ паки на аѳонское подворье, и попросилъ игумена Агаѳангела, чтобы еще далъ мнѣ денегъ на пароходъ. Онъ еще далъ тридцать рублей, — спаси его Господи! Еще и прочіе помогли.

133. Недѣлю Вайй праздновалъ въ Патріаршей великой церкви, и сподобился получить ваіи изъ рукъ самого святѣйшаго Патріарха. Позднюю Литургію стоялъ на Галатѣ, русскую, въ храмѣ Святит. Николая. Аѳонскіе отцы утѣшили меня своею трапезою.

134. Подъ понедѣльникъ, по всему Константинополю, у грековъ съ вечера было стояніе, и до часу съ полунощи не запирали градскихъ вратъ. Я стоялъ въ Патріаршей церкви. Тамъ былъ самъ Патріархъ, и читалъ шестопсалміе. «*Се Женихъ грядетъ въ полунощи*» пѣли цѣлый часъ; каѳисмы читали, а трипѣснецъ пѣли на-распѣвъ. Было великое стеченіе народа, и зажигались всѣ паникадила. Стояніе продол-

жалось шесть часовъ. Такое стояніе бываетъ во всю страстную седмицу, каждый день. Въ самую полунощь вышли изъ церкви. И всѣ улицы освѣтились множествомъ фонарей. Вотъ греки какъ празднуютъ страстную седмицу, и прославляютъ имя Господа нашего Іисуса Христа, между поганыхъ турокъ! Воистинну, смиренные греки аще и въ неволѣ турецкой живутъ, да право имѣютъ благочестіе содержать. Утромъ, въ пять часовъ, начались часы, и была преждеосвященная Литургія. И былъ самъ Патріархъ. Потомъ пошелъ я къ духовнику посовѣтоваться: ибо желательно мнѣ было проводить св. Пасху въ Константинополѣ, а на второмъ пароходѣ, на Ѳоминой недѣлѣ, во вторникъ, отправиться. Но духовникъ такъ не благословилъ, а благословилъ отправиться на первомъ пароходѣ, и св. Пасху праздновать въ Молдавіи, въ городѣ Галацѣ. Я пошелъ и заплатилъ деньги за пароходъ сто семдесять пять левовъ, т. е. десять рублей серебромъ, и взялъ билетъ. Вечеромъ, подъ вторникъ, паки было по всѣмъ церквамъ стояніе. Я паки стоялъ въ Патріаршей церкви, и все такожде отправляли, какъ и въ понедѣльникъ.

135. Во вторникъ, по отпускѣ преждеосвященной Литургіи, получилъ я послѣднее благословеніе отъ святѣйшаго вселенскаго Константинопольскаго Патріарха Анѳима, 1847 г., марта 18-го дня, простился со всѣми аѳонскими отцами, пошелъ на Галату, получилъ послѣднее благословеніе отъ духовника, и отправился на пароходъ, и въ первомъ часу по полудни пошли въ путь; и полетѣли, яко птицы. И простился я со славнымъ и великимъ градомъ Константинополемъ, въ которомъ прожилъ почти четыре мѣсяца.

136. И перелетѣли великое и страшное Черное море въ шестьдесятъ часовъ, и прибыли въ Молдавію, въ городъ Галацъ; здѣсь и праздновалъ св. Пасху, радуяся и веселяся. Теперь мнѣ прилично было воспѣвать: *Воскресенія день: просвѣтимся людіе! Пасха, Господня Пасха! отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси Христосъ Богъ насъ приведе, побѣдную поющія.* И паки: *О божественнаго, о любезнаго, о сладчайшаго Твоего гласа! съ нами бо не ложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка Христе, Егоже вѣрніи утвержденіе надежды имуще, радуемся.* И какъ могъ я не радоваться и не веселиться, и не прославлять Господа Бога моего за Его неизреченныя чудеса? Ежели бы я прибылъ на кораблѣ, то это было бы не дивно: потому что и бѣдные ѣздятъ на корабляхъ; но то дивно, что не имѣя ни одной копѣйки, три моря переѣхалъ на пароходѣ во сто часовъ, подобно какъ трижды шагнулъ. Истинны Господни словеса: *невозможная у человѣкъ, возможна суть у Бога.* Лук. 18, 27. И паки: *сила Моя въ немощи совершается.* 2 Кор. 12, 9. Поистинѣ, *кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ, творяй чудеса!*

137. Въ четвертокъ на Пасхѣ отправился въ городъ Яссы на коняхъ съ попутчиками. Только въ пути обуреваемъ былъ помыслами о томъ, какъ мнѣ одному ѣхать сухимъ путемъ въ дальнюю дорогу, до города Томска: пѣшему невозможно, потому что имѣлъ при себѣ нѣкія вещи, а коня не имѣю на что купить; хотя и помогутъ родные, но одному никакъ невозможно ѣхать, горше пѣшаго. Но положился на Господа Бога моего: какъ Онъ самъ знаетъ, такъ да управитъ. Въ понедѣльникъ на Ѳоминой прибылъ въ

Яссы, прямо къ своимъ роднымъ. Имѣлъ я желаніе выѣхать въ Россію въ монашескомъ званіи, но россійское консульство воспрепятствовало. Потомъ согласились со мною ѣхать въ Россію два по плоти родственника; но только были не готовы, а заняты мірскими дѣлами; и я дожидался ихъ два мѣсяца.

138. Въ сіе время я получилъ извѣстіе, что скончался отецъ Іоаннъ, пустынножитель, который мнѣ благословилъ идти въ Аѳонскую Гору, и предсказывалъ, что буду въ Іерусалимѣ, и много буду странствовать. Сей блаженный старецъ скончалъ свой путь, и достигъ тихаго пристанища, *идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная.* Много сожалѣлъ я, что видѣть его больше не сподобился.

139. Теперь почитаю за нужное сказать немного о Молдавіи. Молдавія есть сама собою княжество, имѣетъ свои права и законы, имѣетъ своего господаря, или князя, въ подданствѣ Турціи, а подъ покровительствомъ Россіи; имѣетъ своего Митрополита, подлежащаго Константинопольскому вселенскому Патріарху. Природные молдаване всѣ — православные христіане, и строго наблюдаютъ правила св. Отецъ; всѣ повинуются своимъ пастырямъ и учителямъ церковнымъ; добрѣ помнятъ словеса своего Спасителя: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ.* Между молдаванами нѣтъ ни еретика ни раскольника. Богослуженіе совершаютъ на своемъ природномъ языкѣ. Но въ Молдавіи много и другихъ родовъ и вѣръ: много евреевъ, нѣмцовъ и венгровъ, много русскихъ, которые живутъ селами и по городамъ и по мѣстечкамъ; но русскіе всѣ раскольники разныхъ сектъ, зашедшіе изъ Россіи отъ Никона, Патріарха Московскаго, и во время

Императора Петра І-го. Молдаване весьма ими гнушаются; и которые изъ раскольниковъ обращаются, тѣхъ они перекрещиваютъ, говоря, что отъ раскольниковъ невозможно ни единыя Тайны принять: потому что какъ у нихъ нѣтъ Епископовъ, у нихъ и нѣтъ ничего справедливаго; а хотя у нихъ и есть попы, но бѣглые, отъ своихъ Епископовъ запрещенные, отъ Св. Соборной Апостольской Церкви отлученные; и еще многіе у нихъ бываютъ самозванцы, да еще и св. муро не имѣютъ. Еще въ Молдавіи отъ западной церкви приходящихъ и присоединяющихся къ Св. Восточной Церкви всѣхъ перекрещиваютъ, и обливательнаго крещенія отнюдь не принимаютъ, и даже приходящихъ изъ Малороссіи весьма истязуютъ, не обливанъ ли кто въ крещеніи?

140. Молдавія къ востоку граничитъ съ Россіею; отдѣляется рѣкою Прутомъ и Бессарабіею. Къ сѣверу граничитъ съ Австріей, — сухая граница. Съ запада тянутся по всей Молдавіи высокія непроходимыя Карпатскія горы, покрытыя непроходимыми лѣсами. Съ юго-запада граничитъ съ Княжествомъ Валашскимъ, или съ Валахіею. Съ югу граничитъ съ Турціею, отдѣляется рѣкою Дунаемъ. По всей Молдавіи ровнаго мѣста отнюдь нѣтъ. Впрочемъ, какъ горы Карпатскія непроходимы и къ житію человѣковъ неспособны: такъ Молдавскія горы удобны къ житію человѣкамъ. Почва земли самая хлѣбородная, камню отнюдь нѣтъ; воды, источниковъ и рѣчекъ преизобильно; довольно и лѣсовъ; и вся Молдавія изобилуетъ хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, и пчеловодствомъ, а наиболѣе изобильна садами, виноградомъ, черносливомъ, яблоками, грушами, дулями, вишней,

черешней; земли вольной отнюдь нѣтъ, но — или господская или монастырская; жители живутъ на таковой землѣ по контрактамъ. Господствующій языкъ у нихъ молдавскій.

141. По всей Молдавіи находится до трехсотъ монастырей, болѣе не самостоятельные, а принадлежатъ къ прочимъ монастырямъ; самостоятельныхъ же не болѣе шестидесяти монастырей. Монастыри значительные суть: первый монастырь Нямецъ, во имя Вознесенія Господня, въ которомъ жилъ великій старецъ Паисій Величковскій; и до-нынѣ въ нёмъ до осьмисотъ человѣкъ братіи; вторый — женскій, называемый Варатикъ, до осьмисотъ монахинь; третій — женскій, называемый Агапіевъ: въ немъ до трехсотъ монахинь; четвертый—мужескій, Сѣкулъ, до ста монаховъ; пятый — мужескій, Рышковъ; шестый монастырь — Слатинъ. Сіи всѣ монастыри стоятъ при подошвѣ Карпатскихъ горъ. Еще есть монастырь Ворона, мужескій, во имя Рождества Богородицы; славится строгимъ своимъ общежитіемъ. Много есть скитовъ; живутъ самоизвольно, только подъ старцами, на аѳонскихъ скитскихъ уставахъ.

142. Городъ Яссы—первый городъ всей Молдавіи, и столичный; въ немъ живетъ Князь и Митрополитъ. Внутри Яссъ — семдесять приходскихъ церквей, изъ числа которыхъ двадцат монастырскихъ; монастыри обнесены оградами каменными, но не самостоятельные: одни принадлежатъ Гробу Божію, въ Іерусалимъ; другіе св. Горѣ Синайской, иные св. Горѣ Аѳонской, а иные Молдавской Митрополіи. Самый главный монастырь — св. трехъ Святителей, Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; выстроенъ

изъ бѣлаго камня рѣзбеннаго. Сей монастырь принадлежитъ св. Горѣ Аѳонской. Въ немъ, въ соборной церкви, на правой странѣ, въ серебряной ракѣ препочиваютъ св. цѣлокупныя мощи Преподобныя матери Параскевы, на вскрытіи, источаютъ неизреченное благоуханіе. Память ея празднуется октября 14-го числа. Когда бываетъ крестный ходъ, тогда носятъ мощи Преподобныя Параскевы въ ракѣ. Еще и вторый славный монастырь—Голіевъ, во имя Вознесенія Господня, принадлежитъ св. Горѣ Аѳонской, монастырю Ватопеду. Въ монастырѣ Голіевѣ находится чудотворная икона Богородицы. Здѣсь на колокольню проведена трубою вода извнѣ града, и проходитъ сквозь львовы уста, и оттуда трубами расходится на весь градъ. Еще великій монастырь — Митрополія, гдѣ проживаетъ Митрополитъ. Здѣсь, въ церкви св. Великомученика Георгія, стоитъ чудотворная икона Богородицы. Соборный храмъ вновь строится, — еще не доконченъ. Постройка города больше каменная, а улицы широкія, хотя и не по плану, но прямыя. Жители—разныхъ вѣръ, родовъ и языковъ. Господствующій народъ и языкъ есть молдавскій.

143. Часто городъ Яссы оглашается колокольнымъ звономъ; ибо тамъ такой обычай: какъ кто помретъ, то ходятъ по церквамъ, и даютъ деньги, чтобы позвонили. Это бываетъ весьма часто. А къ вечернѣ, утренѣ и къ Литургіи, прежде ударяютъ въ доску, а потомъ въ колоколъ.

144. Еще скажу, какъ въ Молдавіи бываетъ выносъ мертваго тѣла, чего во всемъ моемъ странствіи не случалось мнѣ видѣть. Въ назначенный къ погребенію день, сносятъ изъ всѣхъ церквей и монастырей

хоругви и фонари на дворъ умершаго, и сходятся все духовенство; аще богатый, то приглашают Митрополита, аще ли средній, то одного Епископа. Потомъ раздаются всѣмъ свѣщи съ платками, по состоянію умершаго: аще богатый, то больше свѣчи, и лучше платки; и бываетъ великое стеченіе народу; и приготовляютъ великіе коливы и хлѣбы,—три колива и три хлѣба; и несутъ каждый хлѣбъ и каждое коливо по четыре человѣка на носилахъ; и во вратахъ умершаго одѣляютъ всѣхъ деньгами, по состоянію умершаго, и провожаютъ по улицамъ, на-подобіе крестнаго хода, съ колокольнымъ звономъ, и оглашаются улицы пѣніемъ; поютъ на два хора. Причетники поютъ «*Святый Боже*» молдавскимъ языкомъ: «*Сфинте домнезеу, сфинте тари, сфинте фардеморте, милуешти непреной.*» А другой хоръ — на греческомъ языкѣ: «*Агіосъ о Θеосъ, агіосъ исхиросъ, агіосъ аθанатосъ, елейсонъ имасъ.*» Нѣкоторые приглашаютъ и военную духовную музыку. Въ Молдавіи дороже становятся похороны, нежели свадьба.

145. Молдавская Митрополія имѣетъ подъ собою три епархіи: Ясскую, Гугровскую и Бордюжинскую; но Епископы всѣ живутъ въ Яссахъ.

146. Наконецъ, Богъ послалъ мнѣ пенязей: наградили меня старые друзья. И спутешественники мои съ дѣлами управились; и мы выправили паспорты, я купилъ себѣ коня, и отправился въ путь, 28 числа мая, 1847 г. Прибывши, въ городъ Кіевъ, прожили четыре дня, и сподобился приложиться ко святымъ мощамъ. По дорогѣ посѣтили Глинскую общежительную пустынь, и въ ней прожили четыре дня; и сподобился я, недостойный, здѣсь причаститься святыхъ

Таинъ, Тѣла и Крови Христовыхъ. Потомъ прибыли во градъ Курскъ, а потомъ въ Воронежъ, и тамъ проживали четыре дня; и поклонился мощамъ Святителя Митрофана, Воронежскаго Чудотворца. Потомъ миновали города: Тамбовъ, Пензу, Городище, Кузнецкъ, Сызрань; здѣсь переправились чрезъ великую рѣку Волгу, и потомъ миновали города Самару, Бузулукъ. Потомъ ѣхали шесть дней башкирами, татарами, и пріѣхали во градъ Уфу. Потомъ ѣхали шесть дней по мало проходимымъ мѣстамъ, лѣсами, Уральскими горами. Проѣзжали чрезъ желѣзные заводы, чрезъ Симъ и Устья, и выѣхали на великій заводъ Златоустовскій, и здѣсь переѣхали Уральскій хребетъ, и въѣхали въ Сибирь. Потомъ миновали городъ Челябу, и прибыли въ городъ Шадринскъ. Здѣсь остался мой родной сопутникъ, и не захотѣлъ уже далѣе ѣхать. Итакъ Сибирью мы ѣхали двое при обозѣ.

147. Прибылъ же въ назначенное мнѣ отъ духовнаго моего отца и старца, іеросхимонаха Арсенія, мѣсто, во градъ Томскъ, 11 сентября, 1847 г. Пріѣхали еще по сухой дорогѣ и при теплой погодѣ. И такъ я переѣхалъ пять тысячъ верстъ, почти въ три мѣсяца, отъ Молдавіи до Томска. А отъ святой Горы Аѳонской до Молдавіи почти три тысячи верстъ. Въ проѣздѣ всего было одиннадцать дней, исключая стойки и проживанія. И пріѣхавши въ Томскъ, еще денегъ имѣлъ одинъ руб. сер. Теперь исполнилось предсказаніе старца Арсенія. Онъ сказалъ: что я пройду съ двѣнадцатью рублями двѣнадцать тысячъ верстъ: такъ и случилось; еще и осталось. Еще онъ говорилъ, что не устанутъ мои ноги отъ дальняго пути: такъ и сотворилъ Господь: три моря перелетѣлъ во сто часовъ,

на пароходѣ; сухимъ путемъ болѣе пяти тысячъ верстъ переѣхалъ на конѣ, да еще и съ провожатыми. И только тогда шёлъ пѣшій, когда наскучитъ сидѣть, и захочется ноги поправить. Еще онъ говорилъ, что не могутъ воспрепятствовать мнѣ злые люди, ни враги: такъ и случилось. Сколько было такихъ людей, которые мнѣ хотѣли преградить путь еще во святой Горѣ Аѳонской! Но ни чтоже успѣша. Были такіе въ Константинополѣ, что всѣ силы употребляли, чтобы воротить меня паки въ Аѳонскую Гору, и сдѣлать напротивъ опредѣленія старца Арсенія; отъ того и разстроили Патріарха и Синодъ, чтобы не взять меня игумену Агаѳангелу: но вмѣсто вреда сдѣлали въ мою пользу. Гдѣ теперь Агаѳангелъ,—не знаю. Не знаю—позволилъ ли ему Святѣйшій Россійскій Синодъ выѣхать въ Россію, или нѣтъ; а хотя и позволили бы, то не долженъ ли бы я съ нимъ пробыть два или три года? Итакъ, когда бы я попалъ въ городъ Томскъ? А теперь Господь такъ устроилъ, что скорѣе и попасть невозможно. Хотя и проживалъ въ Константинополѣ четыре мѣсяца; но въ то время была зима: ни корабли ни пароходы въ Россію и Молдавію не ходили. Но когда пришла весна, то все нужное Господь послалъ, и тому Господь по сердцу положилъ, который ни одного слова не знаетъ по-русски. И такъ во всѣхъ немощахъ моихъ сотворилъ Господь силу Свою, и явилъ на мнѣ чудеса Своя. *Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса! Съ нами Богъ! разумѣйте языцы, и покаряйтеся, яко съ нами Богъ!* Слава Ему Единому Всевышнему Богу! Переплылъ я великія моря, и кончилъ дальній свой путь, который назначенъ былъ выше естества моего.

Теперь уже въ Сибири, теперь уже въ Томскѣ. Здѣсь Господь опредѣлилъ мнѣ нести крестъ свой. Прилично мнѣ теперь воспѣвать со Псаломникомъ, и горько плакать, когда вспомню св. Гору Аѳонскую. На рѣкахъ здѣсь сибирскихъ сижу и плачу, и горько рыдаю, внегда помянути мнѣ св. Гору Аѳонскую. О Господи, прости мя за дерзость мою, яко изнемогаю въ немощахъ моихъ! *Буди, Господи, милость Твоя на мнѣ, якоже уповахъ на Тя! Благословенъ еси Господи: научи мя оправданіемъ Твоимъ. Благословенъ еси Владыко: вразуми мя оправданіемъ Твоимъ. Благословенъ еси Святый: просвѣти мя оправданіи Твоими. Господи! милость Твоя во вѣкъ: дѣлъ руку Твоею не презри. Тебѣ подобаетъ хвала. Тебѣ подобаетъ пѣніе. Тебѣ слава подобаетъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ: Аминь.*

148. Приближаясь къ городу Томску, я радовался, что кончаю дальній путь, назначенный мнѣ отъ старца моего, до двѣнадцати тысячъ верстъ; и думалъ, что, съ окончаніемъ моего двухлѣтняго изъ Св. Горы странствія и путешествія, окончатся всѣ мои скорби. Но сначала не оправдались мои предположенія и надежды. Десять мѣсяцевъ проживалъ я въ Томскѣ, въ мірскомъ домѣ, у одного добраго человѣка; и тяжко мнѣ сіе было послѣ проживанія въ благословенной святой Горѣ Аѳонской, посредѣ однихъ иноковъ. Но наконецъ, Господь послалъ мнѣ милость и утѣшеніе. Преосвященный Томскій, Аѳанасій, принялъ меня въ свой архіерейскій домъ, далъ мнѣ спокойную келлію, и сдѣлался мнѣ отцемъ и благодѣтелемъ. Шесть лѣтъ онъ изливалъ на меня свои отеческія милости, ежедневно дѣлалъ меня, непотребнаго, соучастникомъ своей

трапезы, лелѣялъ меня, какъ свое любимое дѣтище, и весьма много времени проводилъ со мною въ бесѣдахъ.

149. При многократныхъ нашихъ разговорахъ, Владыка кое-что узналъ отъ меня о Востокѣ, и понудилъ меня описать многолѣтнее мое странствіе, хотя вкратцѣ, вмѣнивъ мнѣ сіе въ дѣло послушанія. Хотя я много и долго отъ этого дѣла отговаривался: но не могъ до конца противиться своему отцу и благодѣтелю, и принялся исполнять дѣло послушанія. Полтора года я писалъ свое сказаніе о путешествіи вчернѣ, и одинъ годъ переписывалъ набѣло: ибо Преосвященный не давалъ мнѣ много заниматься, чтобы мнѣ не повредить своего здоровья.

Еще, проживая въ Томскѣ, собралъ я во-едино изъ разныхъ книгъ слова и бесѣды разныхъ святыхъ Отцевъ на Господскіе и Богородичные праздники, на русскомъ языкѣ, всего болѣе осьмидесяти, въ двухъ книгахъ, и назвалъ сіе собраніе *Торжественникъ,* который теперь находится въ Геѳсиманскомъ скитѣ.

Еще составилъ книгу, въ трехъ частяхъ, въ которой собраны повѣствованія о разныхъ особенно замѣчательныхъ вещахъ и случаяхъ, мною видѣнныхъ и слышанныхъ.

150. Въ первые годы проживанія моего въ Томскѣ, познакомились со мною два юноши изъ купцовъ, оба Григоріи, возгорѣвшіе любовію ко Господу. Два года ежедневно приходили они ко мнѣ въ келлію; потомъ, воспламенившись до конца любовію къ Господу Богу, не захотѣли болѣе жить въ Томскѣ въ своихъ домахъ, а взявши отъ общества увольненіе, пошли въ Россію. Пришедши въ Кіево-Печерскую Лавру, тамъ

остались на жительство, и стали въ подвигахъ подражать кіевскимъ Чудотворцамъ. Сіи два Григорія, жившии въ Томскѣ, много чуднаго слышали о подвигахъ и жизни блаженнаго старца Даніила, и ходивши въ Иркутскъ на поклоненіе Святителю Иннокентію, сами были въ Ачинскѣ и деревнѣ Зерцалахъ, гдѣ препровождалъ жизнь старецъ Даніилъ, и были въ его келліи, подобной гробу или могилѣ. Въ 1852 году, изъ Кіева они писали мнѣ нѣсколько писемъ, и усильно просили, чтобы, пока живы современники и самовидцы старца Даніила, собралъ я свѣдѣнія о его жизни, и прислалъ имъ. Но я, ово отказывался, ово молчалъ: потому что боялся приняться за это дѣло безъ Божія на то извѣщенія. Хотя я и самъ много слышалъ великаго и удивительнаго о старцѣ Даніилѣ, но отлагалъ до времени писать о немъ что-либо. Но получая безпрестанныя и усильныя просьбы и даже понужденія, какъ отъ обоихъ Григоріевъ, такъ и отъ другихъ многихъ людей, собрать свѣдѣнія о жизни старца Даніила, все это я принялъ за Божіе извѣщеніе, и въ 1853 году началъ спрашивать о немъ, письмами, тѣхъ, которые его лично знали и были ему близки; а въ 1854 году, что̀ могъ, собралъ и написалъ. Сказаніе мое здѣсь предлагаю.

151. Сказаніе о почившемъ въ Бозѣ старцѣ Даніилѣ, жившемъ и подвизавшемся въ сибирской странѣ, близъ города Ачинска.

Возлюбленные мои о Христѣ братія и духовная чада, два Григорія! Желаю вамъ о Христѣ радоватися, и тещи безостановочно начатый вами путь, во слѣдъ

СТАРЕЦЪ

ДАНІИЛЪ.

своего Спасителя. Еще вы здѣсь, въ Томскѣ, зажгли свои сердца искрою сладчайшія любве своего Создателя, Господа Бога, и Его Единороднаго и Единосущнаго Сына, Господа Іисуса Христа; уязвившись Его любовію и скрывши сію драгоцѣнную искру внутри себя, потекли во слѣдъ Его, и ради сего оставили свои домы и родителей, и сродниковъ, и имѣніе, и даже свою страну. Хорошо вы познали, что посредѣ міра и его соблазновъ неудобно эту драгоцѣнную искру любве Божіей сохранить непогашену: ибо міръ и его прелести, діаволъ и плоть, не только могутъ эту искру потушить, но даже и память о ней истребить. Не возможно работать совокупно міру и Богу. И вы добрѣ уразумѣли словеса своего Спасителя: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24.). Наконецъ, достигли вы тихаго пристанища; и вотъ уже четвертый годъ находитесь во святой обители, во Свято-Кіевской Печерской Лаврѣ, между толикаго сонма святыхъ отецъ, которыхъ святыми нетлѣнными мощами наполнены всѣ ваши храмы и пещеры, и которыхъ вы учинились и сподобились быть искренними чадами и законными наслѣдниками ихъ добродѣтелей и имѣнія. Они сѣяли и трудились, а вамъ досталось плоды собирать: теперь имѣете—кому подражать и съ кого брать примѣръ жизни!

Но вы тѣмъ не удовольствовались, а еще хощете получить какъ нѣкое духовное наслѣдство со своей сибирской страны. Вы меня просите убѣдительно, дабы я собралъ свѣдѣнія о жизни великаго старца Даніила Ачинскаго, и прислалъ оное къ вамъ, дабы вы могли отчасти подражать его житію и подвигамъ.

Конечно, это ваше желаніе — самое богоугодное и спасительное, только для меня весьма тяжкое; потому что я прибылъ въ сибирскую страну уже послѣ кончины старца Даніила, спустя четыре года съ половиной; потому, я самъ его лично не видалъ, и благодатныхъ его словесъ и наставленій не слыхалъ. Благодарю Господа Бога, что еще засталъ въ живыхъ весьма много людей, которые его лично знали, и слышали изъ устъ его душеспасительныя слова и бесѣды, и наставленія! Отъ нихъ нѣчто могъ я узнать; но совершеннаго удовлетворенія получить не могъ, хотя и письма къ нѣкоторымъ писалъ. Всѣ отвѣчали очень скудно; потому что міръ и его суеты все заглушили и совсѣмъ почти истребили.

Хорошо—быть очевидцемъ подвиговъ знаменитыхъ мужей и поборниковъ благочестія, и, взирая на нихъ своими очами, извлекать для души пользу. Все достохвальное, когда видишь его собственными очами, является привлекательнымъ, становится вожделѣннымъ, и возбуждаетъ въ зрителѣ желаніе пріобрѣсти оное. Но не мало приносятъ пользы и повѣствованія о такихъ подвигахъ, передаваемыя очевидцами въ слухъ тѣхъ, которые сами ихъ не видѣли. Зрѣніе, говорятъ, достовѣрнѣе слуха; однако же, и слухъ заслуживаетъ довѣріе, если онъ различаетъ рѣчи, судя по достовѣрности лицъ говорящихъ.

Вотъ, и я приступаю къ сему жизнеописанію со страхомъ и трепетомъ: потому что буду говорить только чужія слова и разсказы, и боюся, чтобы въ чемъ не погрѣшить; притомъ, первый я приступаю къ описанію жизни такого великаго старца, который прославилъ Господа Бога въ жизни своей дѣлами своими.

И вотъ, по любви моей къ вамъ, мои возлюбленные братія, исполняю вашу просьбу, слушая слово Ангела Господня, къ Товіи старшему и юнѣйшему реченное: *тайну цареву добро хранити, дѣла же Божія открывати славно* (Тов. 12, 7.).

А наипаче добро и потребно, и нужно есть проповѣдати пути Божіи и Его истинныхъ рабовъ въ нынѣшнія времена, когда по всей землѣ умножилося нечестіе и беззаконіе, и врагъ діаволъ разверзъ свои челюсти на Святую, Соборную, Восточную, Апостольскую Христову Церковь. Онъ же проклятый со всѣми своими полчищами и слугами, магометанами и еретиками, поднялъ брань и войну на Христа и на Его Святую Церковь, и на всѣхъ православныхъ христіанъ, чувственно и духовно,—чувственно—войною, а духовно — страстями, разліяніемъ роскоши и разными грѣхами и беззаконіями, ересями и расколами. Въ такія прискорбныя времена наипаче намъ нужно особенное Божіе покровительство, и нужны намъ вѣрные и возлюбленные Богомъ Его рабы и подвижники, а о насъ теплые молитвенники ко Господу Богу о Церкви и о Православномъ Благочестивѣйшемъ Императорѣ, о воинствѣ Его и о всѣхъ православныхъ христіанахъ.

Призвавъ Бога въ помощь, съ упованіемъ на молитвы въ Бозѣ почившаго великаго старца Даніила, приступаю къ описанію его жизни, которая вамъ отчасти уже извѣстна; ибо вы сами были въ городѣ Ачинскѣ и въ деревнѣ Зерцалахъ, и видѣли сами тѣхъ людей, которые его лично знали, и были вы сами въ его келліи, подобной гробу. Хотя все вы это хорошо сво-

ими очами видѣли; однако, хорошо для васъ кое-что и повторить.

Игуменія Евгенія и города Ачинска священникъ, Димитрій Евтихіевъ, и другіе многіе о юныхъ лѣтахъ и о жизни старца Даніила пишутъ мнѣ слѣдующее:

Родомъ старецъ Даніилъ былъ изъ малороссіанъ; но изъ какой губерніи, неизвѣстно; достовѣрно только, что изъ крестьянъ; его называли Даніилъ Корнильевъ, по фамиліи Дема. Въ молодости отданъ былъ въ военную службу, и въ двѣнадцатомъ году былъ на войнѣ съ французами застрѣльщикомъ, и былъ раненъ. Послѣ французской войны были вызваны охотники учиться грамотѣ; въ числѣ прочихъ и Даніилъ пожелалъ учиться грамотѣ. Былъ уже онъ фельдфебелемъ, и имѣлъ денегъ до трехъ сотъ рублей, но былъ очень скупъ, такъ что жалѣлъ себѣ купить калачъ; ходилъ съ часами (это онъ самъ про себя разсказывалъ). Потомъ, когда Богъ открылъ ему грамоту, онъ познакомился съ однимъ діакономъ доброй жизни, который далъ ему довольное понятіе о святомъ Писаніи; и началъ читать священныя книги и житія святыхъ Отцевъ. Это ему очень понравилось, и онъ вознамѣрился во всемъ послѣдовать жизни ихъ. Съ тѣхъ поръ возъимѣлъ онъ большую ревность и любовь къ Богу, и разсмотрѣвъ суету и непостоянство міра сего и кратковременность жизни человѣческой, сталъ непрестанно имѣть въ мысли вѣчную будущность и вѣчное праведныхъ наслажденіе, а грѣшнымъ вѣчное наказаніе. Когда онъ прослужилъ земному Царю семнадцать лѣтъ, вышелъ ему за вѣрную службу чинъ благороднаго. Но онъ не захотѣлъ принять чина, и отказался отъ службы. И восхотѣлъ онъ пре-

проводить остальную жизнь свою или въ монастырѣ, въ иноческомъ чинѣ, или единому въ пустыни, дабы безпрепятственно послужить и поработать Господу Богу всѣмъ сердцемъ и всею душею, и всѣмъ помышленіемъ. Посему рѣшился онъ сказать полковому командиру, что уже не желаетъ больше служить и принять чина, а вознамѣрился остальные дни своей жизни посвятить на служеніе Богу. Командиръ, знавшій его хорошее поведеніе, равно и прочіе начальники уговаривали его, чтобы онъ служилъ по данной имъ присягѣ Царю и отечеству, а потомъ уже — единому Богу; а иначе, говорили они, ты долженъ получить наказаніе. Но онъ рѣшительно имъ объявилъ, что онъ не хочетъ болѣе служить. Достовѣрно не извѣстно, сіе ли только поставлено ему въ вину, какъ противленіе власти, или къ сему присоединилась какая на него клевета; только взяли его подъ строгій арестъ. Но это для него было великое утѣшеніе: онъ день и ночь хвалилъ Бога. Къ бо̀льшему его удовольствію, дозволено было давать ему книги Божественнаго Писанія. Долгое время находился онъ подъ судомъ; потомъ ему сказали, что его должно разстрѣлять. Онъ на сіе отвѣтствовалъ: «буди воля Господня.» Чрезъ нѣсколько дней сказали, что надобно наказать его проведеніемъ сквозь двѣ тысячи строя. На сіе онъ отвѣчалъ: «мало мнѣ этого.» Потомъ, по милостивому рѣшенію, безъ наказанія послали его въ Сибирь, въ нерчинскіе заводы, на работу. Шелъ онъ вмѣстѣ съ преступниками, въ кандалахъ, которыя нѣсколько разъ хотѣли съ него снимать, но онъ самъ никакъ не позволялъ ихъ снимать, и называлъ ихъ карманными часами. Но тобольская экспедиція опредѣлила его въ

томскую губернію, въ боготольскій винокуренный заводъ, на вѣчную работу. Въ семъ заводѣ находился онъ нѣсколько лѣтъ, подъ вѣдѣніемъ перваго пристава, Егора Петрова Аѳанасьева, отъ котораго претерпѣлъ много гоненія и даже мученія. Сей называлъ его святошею, и употреблялъ его въ самыя тяжкія работы. Но онъ всѣ работы, возлагаемыя на него, исправлялъ безъ опущенія, и по вся ночи стоялъ на молитвѣ; пищи вкушалъ очень мало, и то только хлѣбъ и воду. Среди дня, когда прочіе отдыхали, онъ удалялся на молитву въ уединенное мѣсто, гдѣ бы его не было видно. Отъ того наипаче начальникъ Аѳанасьевъ на него сердился, и насмѣхался, говоря ему: « ну-ка, святоша, спасайся въ каторгѣ! » Однажды, въ зимнее время, обнаженнаго его посадилъ на крышу дома своего, велѣлъ изъ машинъ поливать его водою, и съ насмѣшкой кричалъ ему: « спасайся, Данилъ! ты святой!» Онъ ему ничего не отвѣчалъ, а молился только о немъ-же Богу, чтобы не поставилъ сего ему въ грѣхъ; а это наказаніе онъ считалъ для себя еще малымъ. Потомъ, Богу было угодно наказать того смотрителя завода, Аѳанасьева. Вдругъ повернуло ему голову на сторону, такъ что лице его было уже назади. Жена его начала его укорять за неповиннаго старца. Тогда приказалъ онъ позвать къ себѣ старца, просилъ у него прощенія, и говорилъ ему: « прости, прости меня ради Христа, добрый старецъ! за тебя меня Богъ наказываетъ.» Онъ же ему сказалъ: «Богъ тебя проститъ; ибо я этого наказанія достоинъ, потому что я клятвопреступникъ.» Вѣроятно, подъ симъ разумѣлъ онъ то̀, что упорно отказался отъ службы, противъ воли начальства. Послѣ сего Аѳанасьевъ сдѣ-

лался совершенно здоровъ, и началъ уважать старца Даніила. На другой-же день, поѣхалъ Аѳанасьевъ въ городъ Ачинскъ: ночью заблудились путники, сбившись съ дороги, ибо поднялся страшный буранъ. Кучеръ говоритъ ему: « Это за то насъ Господь наказываетъ, что ты вчера очень оскорбилъ старца Даніила. Надобно тебѣ просить еще заочно прощенія; а то мы здѣсь замерзнемъ.» Аѳанасьевъ восплакался, и сказалъ: « прости, прости, старче Даніиле, и избавь насъ отъ этой бѣды и смерти! болѣе тебя держать не буду, и отпущу на волю.» И что же?— Тутъ же очутились они близъ дороги. Возвратившись въ заводъ, онъ немедленно написалъ донесеніе къ Губернатору, что такой-то Даніилъ неспособенъ къ работѣ, и отпустилъ его на волю, на пропитаніе. Старецъ переселился въ городъ Ачинскъ, и построилъ себѣ келлію самую маленькую. Потомъ перешелъ онъ въ домъ купца Алексія Хворостова, и у него также построилъ келлію, и жилъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Въ эту келлію двоимъ помѣститься было нельзя. Трудно было занятіе его: трудился онъ, по ночамъ копая въ огородахъ, чтобы никто его не видалъ; также и въ полѣ косилъ и жалъ хлѣбъ до совершеннаго изнеможенія; потомъ немного отдыхалъ и вкушалъ пищи. Пища его была ржаной хлѣбъ съ водою или картофель, котораго онъ никогда не чистилъ. Предъ вкушеніемъ пищи, онъ подъ поясъ забивалъ деревянный клинъ, чтобы меньше съѣсть. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ деревнѣ Зерцалахъ у крестьянина. Здѣсь уже келлія у него была совершенный гробъ, въ которой онъ пребывалъ нагій, а платье свое оставлялъ въ сѣняхъ; ибо въ ней только могъ помѣститься на ко-

лѣнахъ, для молитвы ко Господу Богу. Окно у него было въ мѣдный гривенникъ. Сія келлія и до-нынѣ стоитъ цѣла, и вы сами ее видѣли. Изъ нея онъ по цѣлой седмицѣ не выходилъ; свѣтильника и лампады никогда не зажигалъ, но безпрестанно находился въ молитвѣ; иногда занимался и рукодѣліемъ: въ сѣняхъ шилъ простую одежду, но платы за то не бралъ, развѣ хлѣба для пищи. Милостыни отнюдь не принималъ, и не давалъ, потому что нечего было подавать; жилъ въ совершенномъ нестяжаніи, подобно птицѣ; работалъ безмездно, къ бѣднымъ ходилъ жать и косить, наипаче въ ночное время, чтобы мало его видѣли. Всегда онъ говаривалъ: «лучше подавать, нежели принимать; а ежели нечего подать, то Богъ и не потребуетъ; нищета Бога ради лучше милостыни; а милость можетъ оказать и неимущій: помоги бѣдному поработать, утѣшь его словомъ, помолись о немъ Богу, — вотъ чрезъ сіе и можно любовь оказать ближнему.» Носилъ онъ болѣе двадцати лѣтъ тяжкія желѣзныя вериги и берестовый поясъ, который уже и вросъ въ тѣло его, съ которымъ и похоронили его. Еще носилъ онъ на тѣлѣ желѣзный обручъ. Но не за-долго до смерти вериги съ себя снялъ. Спрашивалъ его одинъ духовный его сынъ: «отче, для чего ты снялъ вериги?» Онъ ему отвѣтилъ: «Любезный мой братъ, потому я снялъ съ себя вериги, что онѣ уже не стали мнѣ приносить пользы: тѣло мое такъ къ нимъ привыкло, что отнюдь не чувствуетъ ни тяжести ни боли. Посему и не стали онѣ приносить ни какой пользы душѣ моей. Ибо только тогда бываетъ полезна вещь, или подвигъ или добродѣтель, для души, когда онѣ наносятъ скорбь и обузданіе

тѣлу. А люди видятъ на мнѣ вериги, да и думаютъ, что я, нося оныя, черезъ это пріобрѣтаю себѣ великую пользу, тогда какъ онѣ уже совсѣмъ мнѣ безполезны. Пусть лучше говорятъ, что Даніилъ нынѣ уже разлѣнился, и вериги съ себя скинулъ: это будетъ для меня полезнѣе; а ты не соблазняйся о мнѣ.»

Молитва у него текла изъ сердца, какъ рѣка эдемская; умъ его всегда находился въ дѣланіи семъ; посему часто молитва у него прерывала его разговоръ, и онъ приходилъ умомъ въ восхищеніе. Всѣ разговоры его были душеполезные и спасительные: или о Богѣ и о Спасителѣ міра, о Его ученіи и о страданіяхъ, или о блаженствѣ праведныхъ и о наказаніи грѣшныхъ. Всѣ разговоры и слова его были растворены слезами и любовію, такъ что безъ слезъ почти не могъ ничего говорить. Тѣло его было какъ восковое, лице пріятное и веселое, съ малымъ румянцемъ; часто онъ постился по цѣлой седмицѣ и болѣе; исповѣдывался и причащался Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой весьма часто.

Когда онъ удалился съ завода: уже и тогда протекла о немъ слава, такъ что народъ началъ приходить къ нему. Ибо еще въ заводѣ онъ всѣхъ удивилъ своею жизнію. Посему и обращались къ нему— одни, чтобы принять на какое либо дѣло благословеніе, другіе — испросить душеполезный совѣтъ; а иные приходили только посмотрѣть на него, и то̀ за великое почитали. Ибо онъ такую имѣлъ благодать, что кто только его увидитъ, весь измѣняется, хотя бы и закоснѣлый былъ грѣшникъ: вдругъ зарыдаетъ, и признаетъ свои грѣхи, и проситъ наставленія.

Этого брата Даніила (такъ онъ себя велѣлъ назы-

вать при жизни своей, и говорилъ: «не называйте меня отцемъ, а называйте братомъ, ибо всѣ мы о Христѣ братія, а одинъ есть нашъ общій Отецъ Господь Богъ, въ Троицѣ славимый;» посему называли его современники братомъ Даніиломъ), — этого, говорю, брата Даніила, знавшіе его, почитали земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Онъ имѣлъ отъ Бога великія дарованія: нѣкоторые поступки его давали поводъ думать, что онъ зналъ дѣла и помышленія другихъ людей, прозрѣвалъ отчасти и будущее. Говорилъ онъ больше въ притчахъ и намеками, чтобы понятно было одному тому, кому говоритъ, а иногда и прямо, ежели то было полезно. О семъ нижеслѣдующее явитъ слово.

Еще когда онъ жилъ въ городѣ Ачинскѣ, то проѣздомъ по епархіи былъ у старца въ келліи Преосвященный Михаилъ, Архіепископъ Иркутскій. Въ то время енисейская губернія принадлежала къ епархіи иркутской. Владыка бесѣдовалъ со старцемъ долгое время о разныхъ духовныхъ предметахъ. Старецъ говорилъ ему о великомъ его санѣ и его великой обязанности, о томъ, какъ ему должно управлять своею обширною паствою, чтобы ни одна овца не погибла отъ его нерадѣнія или безпечности; и какъ онъ долженъ всѣхъ исправлять, наказывать безчинниковъ, которые подаютъ соблазнъ прочимъ. Такъ онъ о семъ говорилъ, что Владыка плакалъ и даже рыдалъ. Старецъ сказалъ: «Владыко святый, прошу тебя, благослови мнѣ грѣшному поцѣловать твою святительскую десницу и твои ланиты.» Владыка съ любовію позволилъ. Потомъ Владыка хотѣлъ дать ему денегъ, сколько ему угодно, для милостыни и на масло для

лампады, и на прочія нужды. Хотя Архипастырь и убѣдительно его просилъ принять отъ него сколько-нибудь; но старецъ совершенно отказался, и сказалъ: « Владыко святый, на что мнѣ деньги? Я ихъ отнюдь не требую; пропитаніе имѣю отъ своихъ рукъ. А милостыню давать для чего мнѣ изъ чужихъ денегъ? Ты самъ раздай, кому знаешь, и кто въ нихъ имѣетъ нужду. Равно и лампадку для чего мнѣ имѣть, когда въ душѣ моей тма? А когда бываетъ въ душѣ моей свѣтъ, тогда кольми паче мнѣ не нужна лампадка; ибо и безъ того свѣтло и радостно.» Владыка началъ его просить, чтобы онъ его проводилъ до перевоза черезъ рѣку. Старецъ съ радостію согласился. Когда взошли на паромъ и стали прощаться, Владыка взялъ въ руки просфору и давалъ старцу. Онъ же, не принимая оную изъ рукъ Владыки, отломилъ ея верхнюю часть, и сказалъ: « Владыко святый, мы ее съ тобою раздѣлимъ пополамъ: верхнюю часть мнѣ, а нижнюю тебѣ.» Владыка удивился прозорливости старца, поклонился ему почти до земли, и сказалъ: « прости меня, братъ Даніилъ!» А Владыка въ нижнюю часть просфоры искусно положилъ пятирублевую ассигнацію, дабы старецъ, не познавши, принялъ подаяніе. Но отъ него сіе не скрылось.

Еще тому подобное написалъ мнѣ во второмъ письмѣ города Ачинска священникъ Димитрій Евтихіевъ, котораго я просилъ подробнѣе узнать о старцѣ Даніилѣ. Онъ, между прочимъ, повѣствуетъ слѣдующее:

Два брата купцы, проѣзжая съ ирбитской ярмарки, зашли къ старцу посѣтить его и принять благословеніе. Старецъ очень любилъ братьевъ. Это случилось на святой недѣлѣ, и надобно было похристосоваться

по обряду христіанскому: а они, вмѣсто красныхъ яицъ, взяли съ собой по яблоку, которыя везены были ими съ ярмарки. Старецъ, вышедши изъ келліи и увидавши ихъ, сурово взглянулъ, и громко имъ сказалъ: «миръ вамъ, братія!» Братья, видя старца гнѣвнымъ, не знали, что̀ сказать, и въ недоумѣніи молчали. Тогда старецъ съ улыбкою сказалъ имъ: «Знаете ли, что̀ надѣлало это яблоко? (А они не показывали ему яблоковъ). Вкусили яблочка Адамъ и Ева: и вотъ теперь всѣ мы мертвецы, враги Господа и рабы грѣха.» Взявши у нихъ яблоки, бросилъ такъ сильно, что не осталось и малѣйшихъ частицъ, всѣ разлетѣлись. Братья, принявши наставленіе отъ старца, поѣхали домой съ радостію.

Онъ же Евтихіевъ продолжаетъ:

Многіе изъ жителей города Ачинска сказывали мнѣ, что когда только они собирались посѣтить старца въ его кельи, и намѣревались въ какой-либо опредѣленный день ѣхать въ деревню Зерцалы, гдѣ старцева келья (эта деревня отъ города въ 17 верстахъ), — старецъ самъ предупреждалъ ихъ намѣреніе, и рано пріѣзжалъ въ городъ. Приблизясь къ порогу дома, всегда съ улыбкой говаривалъ домохозяевамъ: «Миръ дому сему! вы хотѣли ѣхать ко мнѣ непотребному, а вотъ я къ вамъ самъ пришелъ. На что вамъ меня?» Такъ всегда посѣщалъ знатныхъ людей.

Онъ же Евтихіевъ продолжаетъ:

Въ городѣ Ачинскѣ былъ нѣкто А. И. Орловъ. По свойственному многимъ равнодушію, онъ всегда отзывался о старцѣ вольно; но слыша постоянно о его строгой жизни и подвигахъ, принялъ рѣшительное намѣреніе призвать старца къ себѣ въ домъ. На дру-

гой день старецъ самъ пришелъ въ городъ, и идетъ прямо къ нему; взойдя въ комнату, громко воскликнулъ: «здравствуй, здравствуй, орелъ!» Орловъ какъ ни былъ отъ природы смѣлъ, но пришелъ въ страшный испугъ и трясеніе, и не могъ сказать слова. Тогда старецъ сказалъ: «то-то, братъ, ты высоко летаешь; смотри, не пади; а то убьешься, когда крылышки-то обрѣжутъ.» Вскорѣ послѣ этого Орловъ былъ за что-то отданъ подъ судъ и отрѣшенъ отъ должности. Впрочемъ, послѣ того онъ питалъ къ старцу особенное глубокое уваженіе.

Еще продолжаетъ Евтихіевъ:

Старецъ былъ знакомъ и съ Преосвященнымъ Агапитомъ, первымъ Епископомъ Томскимъ, и уважаемъ Владыкою. Также и Епископъ Агапитъ искусилъ старца, какъ Преосвященный Михаилъ, Архіепископъ Иркутскій. Однажды Епископъ Агапитъ, при обозрѣніи епархіи, посѣтилъ старца. Когда старецъ провожалъ Преосвященнаго чрезъ перевозъ, Владыка, желая дать ему денегъ, но зная совершенное его нестяжаніе, такъ что онъ, если давать ему въ руки, денегъ не возьметъ, подклеилъ подъ дно просфоры пятирублевую ассигнацію, и, благословивъ старца, подалъ ему просфору. Старецъ же не взялъ ее въ руки, но только верхнюю часть сломилъ, и сказалъ: «Владыко святый! верхняя часть—моя, а нижняя—твоя,» и денегъ не взялъ. До-здѣ іерей Димитрій.

Одинъ братъ, извѣстный мнѣ и вамъ, жилъ не подалеку отъ старца Даніила. Діаволъ уязвилъ брата завистію противъ старца, потому что старца всѣ прославляли и уважали, и почитали какъ великаго подвижника; а его нѣтъ. Посему вознамѣрился онъ старца

умертвить. Въ одно время, взявши ножъ, пошелъ онъ къ келліи. Старецъ самъ встрѣчаетъ его въ сѣняхъ, и говоритъ: «Любезный братъ, за что ты хочешь меня зарѣзать? Ну, ежели виноватъ, такъ рѣжь же!» Братъ затрепеталъ и выпустилъ ножъ, который былъ подъ его одеждою; палъ на колѣни, заплакалъ и сталъ просить прощенія. Старецъ простилъ его, и сказалъ: «Братъ любезный, не надобно діавольскому внушенію вѣрить. Чего мнѣ грѣшному завидовать? — Что меня прославляютъ? Но я этого не ищу и не желаю; я бы тебѣ эту временную славу, которая не мало вредитъ душѣ моей, съ любовію отдалъ, но не моя на то воля, а воля Господня: ибо Онъ славящихъ Его прославляетъ еще въ жизни сей временной. Живи и ты такъ, какъ я живу; да и проси Господа, чтобы тебя не прославлялъ въ этой жизни, а только моли Его о прощеніи грѣховъ своихъ: и тебя Господь прославитъ. Но ежели будешь желать здѣшней славы, то хотя бы жилъ и по-ангельски, ничего не получишь, ни въ здѣшнемъ вѣкѣ, ни въ будущемъ.»

Одна томская старица, изъ благородныхъ, Анисья Ивановна, разсказывала мнѣ о себѣ слѣдующее:

Долгое время имѣла я желаніе посѣтить старца Даніила, ибо безпрестанно слышала о его благочестивой жизни. Потомъ, Богъ и привелъ посѣтить его келлію. Случилось намъ пріидти къ старцу съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ изъ купцовъ. Пришедши въ сѣни его, сотворили мы молитву. Старецъ вылѣзъ изъ своей кельи, или, лучше сказать, изъ гроба, потому что келья его — совершенный гробъ. Увидавши его, я исполнилась ужаса, и слезы полились изъ глазъ моихъ: я думала, что увидѣла Ангела. Онъ же,

ничего не говоря, подошелъ къ человѣку, взялъ его правую руку, и, сложивъ три первые перста, сказалъ: «такъ молись, такъ подобаетъ творити на себѣ крестное знаменіе; такъ Мать наша Святая Восточная Христова Церковь учитъ дѣтей своихъ молиться; такъ предали святые Апостолы и святые Отцы; такъ и ты молись, и спасешься.» Человѣкъ ничего не могъ отвѣтить ему; только поклонился ему до земли. Потомъ, старецъ обратился ко мнѣ, началъ своей рукою водить около носа своего, и сказалъ: «На что же такъ дѣлать? Это грѣшно, это самая та сѣть, въ которую птичка попадаетъ однимъ ноготкомъ, да и вся пропадаетъ; я и самъ въ молодости въ эту сѣть попался-было; но, однако, Божіею помощію скоро вырвался. Да; ты плохо видишь,—такъ табакъ тебѣ дастъ зрѣніе? Нѣтъ; съ него и вовсе ослѣпнешь. Богъ даетъ зрѣніе, и посылаетъ за грѣхи слѣпоту.» А я, грѣшная, съ молодости поніохивала иногда для глазъ, когда они заболѣвали. Съ тѣхъ поръ, полно нюхать; а глаза перестали болѣть, хотя и старѣе стала.

Тогда я еще жила съ мужемъ своимъ; иногда посты мы не соблюдали, какъ должно, и хотя не ѣли скоромнаго, но по постамъ ѣли рыбу. Вотъ онъ, мой батюшка, и началъ говорить о постѣ слѣдующее: «Какая тѣхъ людей ожидаетъ радость и вѣчное веселіе, которые сохраняютъ святые посты въ среды и пятки, по узаконенію церковному! И какое ожидаетъ вѣчное мученіе тѣхъ, которые ихъ нарушаютъ!» Потомъ вздохнулъ и заплакалъ, и сказалъ: «О горе мнѣ, паче всѣхъ грѣшнѣйшему! О какую тѣ люди дѣлаютъ невозвратную потерю, которые противъ церковныхъ правилъ разрѣшаютъ святые посты въ среды и пятки!

Какихъ они достойны слезъ, что за малое наслажденіе лишаются вѣчнаго блаженства! Да, нѣкоторые говорятъ: что-де ѣдимъ мы не скоромное а только, рыбу; а того не знаютъ, что мы сдѣлались изгнанниками изъ рая, и учинились смертными, и находимся подъ грѣхомъ не за мясо и не за рыбу, а только за одно яблоко; — а какія бы въ яблокѣ скоромь и грѣхъ! — Но было заповѣдано не ѣсть его; вотъ въ томъ самомъ и былъ грѣхъ, что преслушали заповѣдь Божію. Такъ и теперь: хотя бы была рыба, хотя бы масло, хотя бы и что̀ иное,—въ какіе дни не позволено чего Церковію ѣсть, того и не подобаетъ. А кто преслушаетъ заповѣдь святыя Церкви, тотъ и грѣшитъ, и за это подлежитъ наказанію.»

Вотъ я, грѣшная, что̀ удостоилась слышать отъ такого великаго старца, котораго всѣ слова какбы запечатывались на моемъ сердцѣ!

Еще сказывали мнѣ многіе слѣдующее:

Старецъ, когда еще жилъ въ Ачинскѣ, ходилъ въ Иркутскъ на поклоненіе новоявленному Чудотворцу и Святителю Иннокентію, первому Епископу иркутскому. Былъ тамо онъ въ женскомъ монастырѣ у игуменіи, которая приглашала его остаться навсегда у нихъ въ монастырѣ, и обѣщалась его успокоить до смерти, и похоронить его. Онъ же сказалъ ей: «нѣтъ, я не вашъ житель, а мнѣ надобно умереть въ енисейскомъ женскомъ монастырѣ, у игуменіи Евгеніи». Эта игуменія Евгенія, у которой онъ померъ, въ то время еще была барыней и жила съ своимъ мужемъ.

Еще старица Марія Иконникова, томская мѣщанка, сама про себя мнѣ разсказывала слѣдующее:

Вотъ, я, великая грѣшница, много по свѣту по-

странствовала, но безъ всякой душевной пользы. Разъ пять была я въ Кіевѣ; ходила и въ другіе россійскіе монастыри и къ святымъ Мощамъ; была въ Саровѣ у батюшки Серафима, и въ Иркутскѣ у Святителя Иннокентія. Много слышала я добраго про старца Даніила; и вотъ, по пути изъ Иркутска, бывши въ городѣ Ачинскѣ, зашла повидать и старца Даніила, и принять отъ него благословеніе на будущее странствіе. Онъ же, мой батюшка, встрѣтилъ меня еще на пути, не допустя до келліи своей, почти полунагій. Онъ, мой батюшка, взглянулъ на меня съ самымъ гнѣвнымъ и сердитымъ видомъ, и громкимъ голосомъ упрекнулъ меня: «Что ты, пустая странница, пришла ко мнѣ? Я давно тебя ожидалъ; вотъ будешь меня помнить!» А самъ палкой грозилъ на меня. Я вся отъ страха затрепетала, чуть не упала на землю; языкъ оцѣпенѣлъ, и не могу ни бѣжать, ни слова сказать, ибо знаю свою вину. Онъ же началъ говорить слѣдующее: «Зачѣмъ ты бродишь по свѣту, да обманываешь Бога и людей? Тебѣ даютъ деньги въ Кіевъ на свѣчи и на молебны: а ты ихъ тратишь на свои прихоти. Много станцій ѣхала на подводахъ, нанимала, тратя данныя Богу деньги. А въ такомъ-то мѣстѣ пила вино, и столько-то его купила; а въ такомъ-то мѣстѣ пустое празднословила.» И такъ онъ, мой батюшка, разсказалъ мнѣ то̀, что я уже и сама позабыла; какъ будто со мной ходилъ онъ и записывалъ дѣла мои. А я стою ни жива ни мертва; онъ же еще сказалъ: «теперь уже полно тебѣ ходить по свѣту; ступай и живи въ Томскѣ; питайся отъ своего рукодѣлія, вяжи чулки; а когда устарѣешь, тогда для пропитанія собирай милостыню; да слушай же, больше не ходи въ

Россію.» Потомъ пошелъ онъ въ свою келлію; а я поклонилась и пошла, не сказавши ему ни слова. Пришедши въ Томскъ, я отложила попеченіе о странствованіи, и начала жить дома и заниматься рукодѣліемъ. По прошествіи полгода, мои сродники и знакомые молодые люди начали собираться въ Кіевъ на поклоненіе, и стали звать меня съ собой, чтобы ихъ проводить до Кіева, потому что дорога мнѣ знакомая. Я долгое время сначала не соглашалась; потому что старецъ Даніилъ мнѣ ходить благословенія не далъ. Но наконецъ, по усиленной просьбѣ, согласилась, и отправились мы въ путь. Прошедши три тысячи съ половиной верстъ, пришли мы въ Саровскую пустынь, сначала на гостинницу, а потомъ къ батюшкѣ Серафиму, принять на путь благословеніе. Онъ же моихъ сопутниковъ принялъ ласково, и всѣхъ благословилъ, и далъ сухариковъ на дорогу; а меня грѣшную не благословилъ, и даже прогналъ, ни слова со мной не сказавъ. Вотъ, прожили мы съ недѣлю; ежедневно мои сопутники къ нему ходили, и онъ наставлялъ ихъ душеспасительными словами; а меня и на глаза не принималъ, сколько я къ нему не приходила. Наконецъ, мои сопутники начали собираться въ путь, и только дѣло за мной. Посему я рѣшилась его безпокоить, и пришедши къ его келліи, закричала со слезами: «батюшка Серафимъ, благослови меня въ путь; товарищи мои хотятъ идти!» Вышедши изъ келліи, онъ сурово на меня взглянулъ, и громко сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ тебѣ благословенія! Зачѣмъ ты пошла въ Россію? Вѣдь тебѣ братъ Даніилъ не велѣлъ больше ходить въ Россію! Теперь же ступай назадъ домой!» Я ему сказала: «батюшка, благослови меня схо-

дить въ послѣдній разъ; больше уже ходить не буду.» Онъ же громко отвѣчалъ: «я тебѣ сказалъ: ступай назадъ, а впередъ идти нѣтъ тебѣ благословенія!» Я ему еще сказала: «Батюшка, какъ же пойду назадъ одна такой дальній путь, а денегъ у меня ни копѣйки?» Онъ же отвѣтилъ: «ступай, ступай обратно; и безъ денегъ довезутъ на лошадяхъ до самаго Томска.» Послѣ сего благословилъ меня, и далъ мнѣ одинъ сухарикъ; а самъ затворилъ дверь. Я пришла на гостинницу, да поплакала, и простилась съ сопутниками: они пошли въ Кіевъ, а я въ Нижній-Новгородъ. Тамъ нашлись мнѣ попутчики, наши томскіе купцы, и довезли меня до самаго Томска. Вотъ и исполнилось слово батюшки Серафима! Такъ далеко видятъ и слышатъ единъ другаго рабы Божіи,—за четыре тысячи верстъ! А я, по слову старца Даніила, собираю милостыню. Но тогда, когда онъ говорилъ это, я того не предвидѣла, потому что имѣла дѣтей богатыхъ; а теперь давно уже всѣхъ похоронила.

Монахиня Сусанна, казначея иркутскаго Знаменскаго женскаго монастыря, о старцѣ Даніилѣ пишетъ ко мнѣ слѣдующее:

Всечестнѣйшій отецъ Парѳеній! О жизни и подвигахъ великаго старца Даніила не могу я передать вамъ подробнаго свѣдѣнія, но только скажу нѣчто. Была я, грѣшная, въ его келліи, и видѣла, что она была подобна гробу, выкопана въ землѣ, ширины—вершковъ двѣнадцать, вышина и длина оной—въ его ростъ, и окошечко на востокъ самое маленькое. А какъ онъ въ ней подвизался, — этого уже не знаю. Видъ его былъ и казался мнѣ ангелоподобнымъ; бесѣда его казалась для меня, недостойной, столько усладитель-

ною, что я забывала и сама себя, хотя и сама, великая грѣшница, много читывала божественныхъ книгъ. Онъ говорилъ, какъ мнѣ казалось, не читанное, а видѣнное, при озареніи благодатію, все самимъ имъ, или чувственно, или духовно. И тогда я такъ думала, и до-нынѣ такъ помышляю: ибо невозможно — такъ коротко и вразумительно сказать и изъяснить красоты небесныя, какъ онъ бывало начнетъ разсказывать о праведникахъ, кому за какіе подвиги какіе уготованы вѣнцы и награды, и чтò ожидаетъ грѣшниковъ. Спрашивала я его о постѣ. Онъ всегда говорилъ: «Я, грѣшникъ, безпрестанно ѣмъ и пью, и не знаю, чтó тебѣ сказать; знаю только, что, по захожденіи солнца, хлѣбъ да вода—добрая ѣда; а кто какъ хощетъ. Надобно имѣть болѣе всего смиреніе и страхъ Божій.» Я его еще спросила: «сколько должно молиться Богу и когда?» И этого также онъ не назначилъ, а говорилъ: «всегда, безпрестанно имѣй Господа предъ очима своима, и Онъ научитъ тебя на вся благая.» Потомъ я о иркутскомъ монастырѣ спросила. Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «Былъ я и тамъ. Тамъ очень простенько для спасенія души; можно и тамъ спастися.» Когда же я отправлялась совсѣмъ въ Иркутскъ, онъ очень былъ радъ и веселъ. Я спросила его: «гдѣ же мнѣ, батюшка, благословите остаться: въ Иркутскѣ, или въ общежительный монастырь возвратиться?» Онъ сказалъ: «я не знаю; Богъ знаетъ.» Я еще просила, чтобы онъ назначилъ для жительства мнѣ обитель. На это онъ мнѣ сказалъ: «Я — человѣкъ, а не Богъ; я тебѣ назначу, а тебѣ что-нибудь будетъ невыносимо, и ты скажешь: я бы здѣсь не осталась, да вотъ онъ мнѣ велѣлъ; и тяжело тебѣ будетъ. А кому гдѣ

самъ Богъ опредѣлитъ жить, тамъ и всякія скорби бываютъ легки.» Я опять просила его благословенія. Онъ сказалъ: « Ты сама узнаешь; сердце твое тебѣ скажетъ, и ты почувствуешь сіе въ ту-же минуту, и тамъ останься съ благодареніемъ Господу.» Вотъ я и шла всю дорогу, отъ Ачинска до Иркутска, размышляя: какъ же можетъ тò случиться, чтò мнѣ сказалъ старецъ? Въ сколькихъ я была монастыряхъ въ Россіи, но мнѣ не падало на сердце—гдѣ лучше остаться; а всѣ казались хороши. Но въ Иркутскъ влекло меня обѣщаніе поклониться святымъ Мощамъ великаго Чудотворца, Святителя Иннокентія, данное при моемъ исцѣленіи. Наконецъ, достигла я Иркутска; немного остановившись въ Вознесенскомъ монастырѣ, и исполнивши свое обѣщаніе, пошла я въ городъ. На пути видѣнъ былъ дѣвичій монастырь; ограда низкая, и кельи также едва видны изъ-за ограды; а въ оградѣ мнѣ казалось, что рай насажденъ. И я не ушла такъ изъ города въ Вознесенскій монастырь, но зашла въ дѣвичій монастырь. Подхожу къ святымъ воротамъ: вдругъ, такое встрѣтило меня благоуханіе, что я даже остановилась; и будто сзади кто слѣды ногъ моихъ обрѣзалъ, чтобы не возвращаться мнѣ, а остаться тутъ. Какое-то сдѣлалось радостное въ сердцѣ ощущеніе, какъ точно будто бы оно сказало: остаться здѣсь. Я тутъ же вспомнила слова отца Даніила, какъ будто самъ при мнѣ онъ былъ. Когда же я вошла въ церковь,—видъ Распятія такъ меня поразилъ, что я долго не могла сойдти съ мѣста, гдѣ стояла. Старецъ еще говорилъ мнѣ: «ну, Марія, много у тебя будетъ, по-видимому, друзей въ монастырѣ, будутъ тебя и уважать въ глаза, а въ ребрушки будутъ стрѣлы пу-

щать, клевета и зависть будутъ тебя преслѣдовать всюду; а уличить тебя будетъ не-чѣмъ: Господь самъ будетъ твоимъ защитникомъ.» Сіе также оправдалось: такъ я живу по настоящее время. Иногда поражаютъ меня скорби сильно, и впадаю въ уныніе. А иногда почувствую какое-то тайное утѣшеніе въ душѣ моей; вѣрую, что Господь меня не забылъ; вспомню слова старца Даніила,—и подкрѣпитъ меня сила Божія.

Еще Анна Семеновна сама про себя мнѣ разсказывала слѣдующее:

Пришедши въ Сибирь, на чуждую сторону, разлученная со всѣми своими родными, и поселившись въ городѣ Ачинскѣ, я плакала три года, отъ чего и повредила свои глаза, такъ что плохо стала и видѣть; уже на глазахъ начали появляться и бѣльмы. Слышавъ многое о старцѣ Даніилѣ, начала я просить одну женщину, чтобы она свела меня къ старцу. Она же отзывалась тѣмъ, что старецъ насъ не пріиметъ; но я усердно просила, чтобы хотя до кельи меня проводила; наконецъ, она согласилась. Подошедши къ келліи, я исполнилась слезъ, и зарыдавши вскричала: «батюшка Даніилъ, благослови меня горькую на чуждой странѣ!» А сама стою на колѣнахъ. Вотъ онъ, мой батюшка, вышелъ изъ келліи, и спросилъ меня: «что̀ тебѣ надобно?» Я сказала: «благослови.» Онъ же положилъ свои руки на мою голову, и крѣпко пожалъ, такъ что сдѣлалось у меня въ головѣ волненіе. Потомъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, и дунулъ прямо въ нихъ. У меня вдругъ открылся другой свѣтъ, такъ что показалась мнѣ его келья золотою и сіяющею; а сердце мое наполнилось такой радости, что какбы я была уже не на землѣ, а въ раю. Шла я домой, не

знаю, по землѣ ли, или по воздуху. Послѣ того прошлю вотъ уже лѣтъ 15-ть, и благодарю Господа: глаза видятъ, слава Богу, хорошо.

Александръ Даниловичъ Даниловъ, купецъ Ачинскій, сынъ крестный и духовный старцу Даніилу, изъ уваженія къ великому своему старцу носитъ, по имени его, отчество и фамилію. Онъ теперь пребываніе имѣетъ въ городѣ Енисейскѣ. О старцѣ говоритъ онъ слѣдующее:

Когда я проживалъ въ городѣ Ачинскѣ, и находился еще въ жидовствѣ, — часто слышалъ я о старцѣ Даніилѣ, что онъ—великій рабъ Божій. А я уже въ то время началъ имѣть сомнѣніе относительно еврейскаго закона, и уже отчасти изслѣдовалъ свои заблужденія. Наконецъ, мнѣ захотѣлось старца видѣть и съ нимъ поговорить. Когда я вошелъ въ келью его и началъ съ нимъ разговоръ; то почувствовалъ въ сердцѣ моемъ какую-то сладость и радость, и позналъ его быти истиннаго раба Божія, и полюбила его душа моя. Равно и онъ меня полюбилъ; и сталъ я къ нему приходить и просить его святыхъ молитвъ. И вотъ, за его святыя молитвы Господь Богъ открылъ мнѣ истинный путь, и я истинно позналъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Мессія, Искупитель міра, предсказанный всѣми Пророками; что онъ есть Сынъ Божій, прежде еще вѣкъ непостижимо отъ Отца рожденный, а потомъ, ради нашего спасенія, отъ чистыя и святыя Дѣвы Маріи воплотившійся, рожденный, пострадавшій и погребенный, воскресшій и вознесшійся на небеса, и что Онъ-же паки, во второе Свое пришествіе, пріидетъ судить живыхъ и мертвыхъ. И сдѣлался я христіаниномъ, только еще кромѣ крещенія. За молитвы

старца успѣлъ я убѣдить и жену свою, и дѣтей, и еще мою сестру съ мужемъ, который теперь называется Петръ Ивановъ Розановъ, Ачинскаго собора церковный староста. Потомъ начали мы готовиться ко крещенію. Я пришелъ къ старцу, и началъ просить его, чтобы онъ былъ мнѣ отцемъ крестнымъ, и принялъ бы меня отъ святой купѣли. Онъ же никакъ на это не соглашался. Я много просилъ его, припадая къ ногамъ его; но онъ непреклоненъ былъ. Наконецъ, я сказалъ: «ежели ты не хочешь быть моимъ отцемъ крестнымъ и воспріемникомъ отъ святой купели; то я отложу крещеніе.» Онъ заплакалъ и сказалъ: «побѣдилъ: буду, буду твоимъ отцемъ крестнымъ.» Вскорѣ за симъ, благодатію Господа моего Іисуса Христа, принялъ я святое Крещеніе со всѣмъ семействомъ, и сестра моя съ мужемъ. И такъ для меня сдѣлалось драгоцѣнно имя Даніилъ; посему и усвоилъ я себѣ фамилію Даниловъ, дабы знали и дѣти мои, и все потомство мое помнило, почему они прозываются Даниловы: ихъ отецъ имѣлъ наставникомъ и отцемъ крестнымъ великаго старца Даніила.

Но о жизни и о подвигахъ старца и отца моего я вамъ ничего не могу передать; потому что я съ нимъ вмѣстѣ не жилъ, а находился все въ суетахъ міра сего. Скажу только, что великъ былъ старецъ и вѣрный рабъ Божій; ибо всѣ его дѣла и подвиги, и слова и вся жизнь его являютъ сіе. Двѣ кельи его удивляютъ всѣхъ зрящихъ на нихъ; одежду онъ носилъ— только по названію одежду. Ежели бы бросить ее на улицѣ, то никто бы ее не поднялъ. Тѣло его было какбы восковое. Пища его была — хлѣбъ, и то больше гнилой, да еще иногда — картофель, и то не чи-

щеный; а питіе—вода. Никто его не видалъ ядущаго; ибо онъ больше принималъ пищу по вечерамъ, да и то не каждый день. Нестяжаніе его было совершенное: онъ, какъ ничего не имѣлъ, такъ ничего и не желалъ, и ничего ни отъ кого не принималъ. Даже, я едва его могъ убѣдить принять отъ меня новый молитвословъ; потому что мнѣ хотѣлось получить въ наслѣдство его старый, который я и получилъ отъ него, и блюду, какъ великую святыню, для памяти и благословенія. Если бы продавать сію книгу,—никто бы не далъ десяти копѣекъ; а для меня она—неоцѣненный даръ. Имѣя таковое нестяжаніе, старецъ говорилъ, что и самая малѣйшая вещь, или украшеніе, приноситъ вредъ душѣ, любящей Бога. Сколько я его ни убѣждалъ, чтобы онъ взялъ отъ меня хотя малую милостыню: онъ никогда на это не соглашался. Только въ одно время онъ мнѣ сказалъ: «братъ Александръ, я у тебя никогда ничего не хотѣлъ взять; а теперь прошу тебя: купи мнѣ масла постнаго, конопляннаго или льнянаго, а для чего?—открою тебѣ сіе, какъ возлюбленному моему брату.» Потомъ показалъ мнѣ свое колѣно, и сказалъ: «Вотъ, въ этомъ колѣнѣ завелись черви; да черви-то бы ничего, пусть ѣдятъ мое грѣшное тѣло, оно того и стоитъ; но то—бѣда, что нельзя стоять на молитвѣ.» А я, какъ взглянулъ на его колѣно, очень испугался: ибо на немъ, отъ молитвеннаго стоянія, наросли струпы бугромъ, и подъ ними завелись черви. Тотъ-же часъ просьбу я исполнилъ съ любовію, и послѣ онъ меня благодарилъ.

Молитва у него, должно быть, была безпрестанная и духовная; потому что онъ любилъ весьма молчаніе,

такъ что нужное говорилъ кратко и мало, и то больше притчами; а разговоровъ мірскихъ, политическихъ и историческихъ, даже отнюдь и не терпѣлъ. Когда я куда отправлялся въ дальній путь, — ходилъ брать у него благословеніе. Однажды, онъ мнѣ сказалъ: «Братъ мой, прошу тебя, не безпокой меня своимъ посѣщеніемъ. Ибо когда ты у меня бываешь, то я послѣ о тебѣ сожалѣю, и отъ того претерпѣваю не малый вредъ для души моей, потому что умъ оставляетъ свое дѣло.» И я, съ тѣхъ поръ, сталъ опасаться—старца безпокоить.

Вотъ что̀ я могъ упомнить изъ жизни старца Даніила; а болѣе ничего не могу вамъ сказать.

Петръ Борисовъ Шумиловъ, томскій мѣщанинъ, о старцѣ Даніилѣ разсказывалъ мнѣ слѣдующее:

Когда я по обѣщанію моему странствовалъ въ Россіи по святымъ мѣстамъ; то на обратномъ пути изъ Кіева, въ 1843 году, проходя свою сибирскую страну, желалъ-было видѣть старца Даніила, но не сподобился. На пути, около рѣки Иртыша, встрѣтился со мною знакомый братъ, молодой юноша, крестьянинъ села Красной-рѣчки; село сіе отъ деревни Зерцалъ, гдѣ келья старца Даніила, только въ шести верстахъ. Братъ этотъ, именемъ Дороѳей, ученикъ старца Даніила, весьма кроткій и смиренный, и послушливый, меня весьма удивилъ тѣмъ, что онъ, идя въ дальнюю страну, не имѣлъ при себѣ ни сумы, ни посоха, ни денегъ. Я его спросилъ: почему онъ такъ очень легко идетъ? Онъ же мнѣ отвѣтилъ: «Такъ было угодно моему старцу, отцу Даніилу; ибо онъ меня благословилъ въ этотъ путь, конечно, по моему желанію, и сказалъ мнѣ: иди, братъ, во слѣдъ Христа по-апостольски,

по тѣсному пути, и не бери на путь ни сумы, ни жезла, ни денегъ: и Господь тебя не оставитъ и пропитаетъ; а съ половины дороги поѣдешь вмѣстѣ съ Архіереемъ, и будешь монахомъ. Вотъ, поэтому я и иду такъ, съ одною надеждою на Бога и на молитвы старца Даніила. Но старецъ уже уѣхалъ въ Енисейскъ.» Что же? Когда этотъ братъ Дороѳей, уже прошедши Екатеринбургъ, былъ около Кунгура, — вдругъ, приближается къ нему Преосвященный Евлампій, бывшій Пермскій Викарій, Епископъ Екатеринбургскій, проѣзжавшій тогда на назначенную ему Орловскую эпархію. Увидавъ странника, онъ остановился и спросилъ его: откуда и куда идетъ? Узнавъ, что путникъ изъ Сибири идетъ въ Кіевъ, Владыка посадилъ его съ собой, привезъ въ Орелъ, и оставилъ его пожить при себѣ, какъ истиннаго раба Божія. Онъ прожилъ при Владыкѣ около двухъ лѣтъ; потомъ Владыка отпустилъ его въ Кіевъ на поклоненіе. А послѣ, Дороѳей пожелалъ остаться въ общежительной Бѣлобережской пустыни, въ которой и до-днесь пребываетъ, и уже давно постриженъ въ монашество и нареченъ въ постриженіи Д. — А Преосвященный Евлампій послѣ былъ Епископомъ Вологодскимъ, а теперь уже Архіепископомъ Тобольскимъ.

Еще разсказывалъ Шумиловъ:

Одинъ духовный братъ, ходившій бесѣдовать къ старцу Даніилу, говорилъ мнѣ сіе: «Во единъ отъ дней, бывши у старца, побесѣдовавши и простившись, вышелъ я изъ кельи обратно; только, вдругъ вздумалось мнѣ посмотрѣть къ старцу въ окошечко, и полюбопытствовать—чѣмъ старецъ занимается одинъ въ кельи, и послушать. Вотъ и подползъ я къ окну на

колѣнахъ тихонько; и вдругъ изъ окна вышло пламя, такъ что едва меня не опалило. Я, испугавшись, вскричалъ: «батюшка Даніилъ, прости меня грѣшнаго!» Старецъ изъ кельи отвѣтилъ: «Богъ проститъ тебя, брате; но впередъ такъ не дѣлай, и сего неиспытывай.»

Еще Александръ Даниловъ сказывалъ мнѣ слѣдующее:

Когда я переѣхалъ на жительство въ Енисейскъ, вытребована была въ игуменьи въ Енисейскій женскій монастырь изъ Иркутска монахиня Евгенія, послушница и дочь духовная старца Даніила. Потомъ, какъ мать игуменья, такожде равно и я, начали старца звать въ Енисейскъ въ женскій монастырь на жительство. Онъ долгое время никакъ на это не соглашался, и говорилъ: «надобно хорошенько посовѣтоваться съ келліей своей; а она меня не отпускаетъ.» Наконецъ, въ 1843 году, согласился ѣхать въ Енисейскъ; и такъ какъ мнѣ случилось быть у него въ январѣ мѣсяцѣ, то онъ пожелалъ вмѣстѣ со мной ѣхать. Но въ день выѣзда изъ города Ачинска онъ постоянно отказывался ѣхать въ Енисейскъ, и говорилъ: «меня не отпускаетъ моя келлія, надобно еще ее спросить.» Но по усиленной просьбѣ согласился выѣхать того дня. Отъѣхали ли мы верстъ пять отъ города, не знаю; быть можетъ, гораздо менѣе: какъ поднялась страшная буря, и отъ поднявшагося снѣга не видно было и дороги. Сколько ни усиливался бѣдный извозчикъ ѣхать далѣе, увеличившаяся буря заставила насъ воротиться въ городъ. А старецъ, вошедши въ домъ, сказалъ: «вотъ, мы воротились; поѣдемъ завтра!» И дѣйствительно, въ ту-же ночь, на той станціи убили человѣка.

Тогда-то мы узнали истинность словъ старца: «видишь на морѣ волны: не пускайся въ море.»

Еще священникъ Димитрій Евтихіевъ пишетъ слѣдующее:

Въ 1843 году, въ январѣ мѣсяцѣ, старецъ оставилъ насъ, и уѣхалъ изъ Ачинска въ Енисейскъ. Енисейскаго монастыря игуменія Евгенія, въ свое время, по наставленію старца Даніила, оставила жизнь мірскую, и поступила на подвигъ монашеской жизни. Онъ обѣщался пожить при ней, и, какъ она сама удостовѣряетъ, всѣ слова его къ ней исполнились вѣрно. Въ енисейскомъ монастырѣ и жизнь свою окончилъ старецъ. За три дня до смерти онъ пришелъ къ игуменіи, собралъ всѣхъ сестеръ, далъ имъ наставленіе, и сказалъ: «я отъ васъ уѣду скоро, скоро!» Сестры же опечалились, и думали, что ему у нихъ не понравилось, и хочетъ онъ опять въ Ачинскъ. Потомъ велѣлъ онъ позвать священника, отца Василія Кассіанова: у него исповѣдался, и причастился Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Послѣ Причащенія, сталъ на колѣни, и, помолившись Господу Богу, на рукахъ игуменіи скончался, 15 апрѣля, 1843 года.

Наконецъ, свидѣтельствуетъ о старцѣ Даніилѣ сама настоятельница енисейскаго Христорождественскаго дѣвичьяго монастыря, игуменія Евгенія, своеручнымъ письмомъ, слѣдующее:

Достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ Парѳеній! Хотя я сама васъ лично и не знаю, но вынуждена вамъ отвѣтить на второе ваше письмо о богоугодномъ старцѣ Даніилѣ. Видно, такъ Богомъ опредѣлено вамъ испытать и узнать о жизни странника. Я вамъ не

могу писать о его жизни подробно; а чтò только знаю, тò напишу.

«Во-первыхъ: какъ онъ предъуказалъ въ молодости моей жизнь мою, такъ по словамъ его и сбылось.»

Потомъ писала она о молодыхъ его лѣтахъ, чтò я уже и помѣстилъ въ началѣ сего жизнеописанія.

Далѣе пишетъ слѣдующее:

«Не могу я точно опредѣлить — въ которомъ году онъ присланъ въ заводъ и выпущенъ на пропитаніе; но только, должно быть, онъ пришелъ въ Сибирь между 1821 и 1824 годами. Мы уже съ нимъ познакомились въ Ачинскѣ 1827 года: онъ сталъ насъ тутъ посѣщать. Мы его всегда принимали, какъ почтеннаго старца, и онъ показывалъ себя за блаженнаго; только, мы принимали его слова всяко: иногда повѣряли и находили правильными, а иногда пропускали просто. Въ Ачинскѣ начали мы строить домъ; онъ неоднократно повторялъ: «не стройтеся; ибо вамъ въ немъ не жить: хозяинъ умретъ, а домъ на болотѣ, — онъ потонетъ.» Потомъ, ко мнѣ обратившись, сказалъ: «ты не знаешь — что тебѣ уже давно Владычица уготовала черное покрывало; тебя ожидаетъ обитель, ты будешь монахиня и казначея игуменія; у тебя будетъ монастырь богатый, а церковь — богаче того, а домъ — вдвое того.» Но мы все это принимали за басни. Выстроили мы домъ; старецъ, однакоже, къ намъ ходитъ не рѣдко, и всегда одно повторяетъ, — меня всегда въ монастырь отправляетъ, и говоритъ: «скоро, скоро у Катеринушки крылышки-то отпадутъ, и Катеринушка упадетъ.» А мы, какъ завлекла насъ мірская суета, — ничего не понимали. Что же? — Въ домѣ мы прожили только девять мѣся-

цевъ: мужъ мой, хозяинъ дома, померъ, а имущество наше было описано по дѣламъ, начавшимся послѣ его кончины. Вотъ и домъ потонулъ!

Послѣ смерти покойнаго моего мужа протекло три года всё въ хлопотахъ. Потомъ, какъ уже рѣшила я свои дѣла, тогда уже разсмотрѣла, что мнѣ Богомъ опредѣлено поступить въ монастырь. Я спрашиваю старца: «куда мнѣ благословите идти,—въ иркутскій, или въ енисейскій?» Онъ мнѣ сказалъ: «поѣзжай въ иркутскій; будешь и въ енисейскомъ.» Я на это ему отвѣтила: «Зачѣмъ же такъ? — Въ одинъ который нибудь.» Онъ же сказалъ: «и рада бы не шла, да вызовутъ въ енисейскій.» Вотъ не правда ли и это?...

Когда я еще жила въ домѣ, то я его всегда звала къ себѣ, и въ саду хотѣла ему выстроить келью по его желанію. Онъ мнѣ говорилъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ и прійду; ты меня и похоронишь.» Такъ и случилось; ибо чрезъ десять лѣтъ моей жизни въ монастырѣ, когда я поступила въ игуменьи, — пріѣхалъ ко мнѣ дорогой мой гость съ Александромъ Даниловымъ; и только что вступилъ въ келью мою,— сказалъ: «вотъ, теперь ты на твердой землѣ, и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь.»

Погостилъ дорогой мой гость только три мѣсяца, и преставился 15 апрѣля, 1843 года, въ четвертокъ на Пасхѣ. Наканунѣ его смерти пошла я къ нему похристосоваться, и съ прискорбіемъ ему признавалась, что хочу свою должность оставить. Онъ на сіе мнѣ сказалъ: «не думай этого никогда: тебѣ эта должность положена до конца твоей жизни, и управленіе твое будетъ благополучно и изобильно.» Я спросила: «а

безъ меня—какъ?» На сіе онъ отвѣтилъ: «объ этомъ надобно помолчать.» И подлинно, такъ меня Господь благословляетъ и милуетъ, а высшее начальство жалуетъ!

Подвиги старца Даніила были самые трудные. Въ таковой жизни онъ провелъ болѣе тридцати лѣтъ. Пищею его былъ одинъ хлѣбъ съ водою; да и то до сытости онъ никогда не вкушалъ. Онъ имѣлъ на себѣ только одно рубище, которое хранится у меня; многіе берутъ его на излеченіе отъ болѣзней, и бываетъ по вѣрѣ ихъ польза.

Наканунѣ своей смерти, онъ съ удовольствіемъ осматривался въ оградѣ, и говорилъ мнѣ: «завтра меня уже не будетъ; вы не говорите: я уѣхалъ; а скажите: былъ, да нѣтъ, Даніилъ.» И подлинно такъ: съ-вечера былъ здоровъ; въ двѣнадцатомъ часу ночи заболѣлъ; въ утреню исповѣдался; а въ раннюю Литургію причастился Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Мнѣ онъ сказалъ: «пріиди ко мнѣ въ третьемъ часу.» Я, пришедши, послала за священникомъ; и прочиталъ онъ отходную. Старецъ сталъ на колѣна; я поддержала его за плеча. Онъ же сказалъ мнѣ: «Богъ тебя проститъ, мое золото.» Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда начали его обмывать, усмотрѣли на тѣлѣ его берестовый поясъ, уже вросшій въ его тѣло, и кровь, запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили во гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ. По смерти же его, явилась на лицѣ его такая живая улыбка, что совсѣмъ онъ не походилъ на мертваго.

Вотъ, достопочтеннѣйшій старецъ, что̀ я знала, все вамъ подробно описала; больше ничего не знаю. Я

твердо увѣрена, что онъ былъ мужъ жизни духовной и благочестивой; и мнѣ недостойной Господь опредѣлилъ быть подъ его руководительствомъ.

Скончался онъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Вотъ, какъ страннику Господь сподобилъ окончить жизнь свою! На похороны его столько стеклось народа, что подивиться надобно. Ибо еще не знали странника въ нашемъ городѣ; а всѣ собрались въ церковь отъ-мала до-велика. Когда же несли тѣло его мимо кельи покойной моей предмѣстницы, а она уже была слѣпая, и ничего не могла видѣть: то и она увидѣла свѣтъ, — будто бы блеснула молнія. Въ церкви же, хотя и были зажжены всѣ мѣстныя свѣчи, —былъ какой-то еще особенный свѣтъ; чувствовали многіе какой-то пріятный запахъ, и говорили: « вотъ, какъ Господь возлюбилъ странника, и прославляетъ трудника Своего!» И теперь, многіе приходятъ, служатъ по немъ панихиды, берутъ земли съ его могилы, и бываетъ по вѣрѣ ихъ въ болѣзняхъ отрада. Впредь Богъ вѣсть, что̀ будетъ; только, я уповаю на Господа Бога и на Его великія благости къ нашей обители. Уже мнѣ не дождаться того; но буди во всемъ Его святая воля! А я уже и сама почти на пути къ своему отечеству.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, отецъ Парѳеній, я хотѣла было умолчать: потому что не мнѣ прославлять такихъ подвижниковъ; но убѣдило меня ваше второе письмо. Посему, что̀ я знала и видѣла, все вамъ описала, не убавила и не прибавила; видно, Господу Богу такъ угодно, и Онъ вамъ такъ повелѣлъ, что чрезъ десять лѣтъ послѣ кончины старца вы меня спросили. Я бы сама никогда не отважилась

описать жизнь такого великаго подвижника. Всегда и всякое дѣло отдаю на волю Божію; и теперь не знаю—для чего вы меня спросили и даже вынудили. Буди же во всемъ Его святая воля! Можетъ быть, Господь и не поставитъ мнѣ недостойной сего во грѣхъ.

Еще вы писали Данилову: но онъ вамъ ничего не можетъ описать подробно, развѣ только припомнитъ фамилію старца. Но я вамъ и не совѣтую больше искать и извѣдывать. Ежели хочете быть его сотрудникомъ, и подражать его подвигамъ, — это — доброе дѣло: ибо кто на Господа Бога положится, тотъ не обложится, и тотъ многаго не ищетъ: едино намъ на потребу.

Итакъ, достопочтеннѣйшій старецъ, спасайся о Господѣ, и меня убогую инокиню Евгенію не оставь во своихъ молитвахъ; и я остаюсь сомолитвенница ваша, посильная богомольщица, игуменія Евгенія.»

10 Августа, 1853 года.
Енисейскій женскій монастырь.

Вотъ, возлюбленные братія, два Григорія, только чтò могъ я собрать по вашему прошенію о жизни велика старца Даніила, прежде бывшаго ачинскаго, а теперь енисейскаго. Можетъ быть, я не вполнѣ удовлетворилъ вашему пламенному желанію, и сообщилъ не столько, сколько вамъ хотѣлось узнать о немъ; но чтò дѣлать? Я и самъ знаю, что мало собралъ и написалъ. Отъ современниковъ старца по всей сибирской странѣ осталось множество преданій, и наполнены о немъ разговорами всѣ домы и собра-

нія. Одни разсказываютъ со удивленіемъ о его подвигахъ, другіе припоминаютъ его слова и наставленія; иные удивляются его прозорливству, а нѣкоторые воспоминаютъ со слезами благодѣянія, полученныя отъ него. Нѣкоторые въ тѣлесныхъ болѣзняхъ — помощь, другіе отъ душевныхъ страстей и грѣховъ — освобожденіе, а иные въ тяжкихъ скорбяхъ получили утѣшеніе. Есть не много и таковыхъ, подвизающихся въ духовной жизни, которымъ, по многомъ испытаніи, преподалъ онъ высокое ученіе о томъ—какимъ образомъ безпрестанно имѣть Бога предъ очами своими, то-есть, непрестанно созерцать Господа Бога умомъ, и совершать молитву Іисусову внутри сердца. Донынѣ еще нѣкоторые, около города Ачинска, обрѣтаются въ живыхъ его ученики и его истинные наслѣдники; живутъ въ отшельничествѣ, въ пустыняхъ и на пасѣкахъ, хотя и не много уже ихъ осталось.

Много бы можно было собрать о жизни старца Даніила и его словесъ и наставленій, ежели бы я самъ побывалъ около города Ачинска и въ деревнѣ Зерцалахъ; потому что тамъ было постоянное пребываніе старца. Но обстоятельства мои не позволили мнѣ тамъ побывать; и потому не могу больше вамъ написать о старцѣ Даніилѣ. Хотя и многихъ я видѣлъ его современниковъ; но иные уже позабыли, а другіе не могутъ подлинно передать, а многіе уже скончались.

Итакъ, возлюбленные братія, будьте довольны тѣмъ, что̀ я могъ собрать и написать, — хотя и не много, да вѣрно; и отъ этого есть чѣмъ воспользоваться, и есть чему подражать, и есть съ чего взять примѣръ.

При семъ возвергаю себя на благость Господа мо-

его, Іисуса Христа, и на предстательство Пречистыя Его Матери, Владычицы Пресвятыя Богородицы, Приснодѣвы Маріи, поручая себя святымъ молитвамъ въ Бозѣ почившаго великаго старца Даніила.

Прошу и вашихъ святыхъ молитвъ.

Остаюсь и я вашъ сомолитвенникъ, паче всего міра непотребнѣйшій, странствующій инокъ святыя Горы Аѳонскія, общежительной Пантелеимоновой Русской обители, всѣхъ послѣдній Парѳеній грѣшный.

Іюня 28 числа, 1854 года.

ПРИБАВЛЕНІЯ:

I.

УВѢЩАНІЕ КЪ ГЛАГОЛЕМЫМЪ СТАРООБРЯДЦАМЪ, СЪ ВЫПИСКАМИ ИЗЪ ТОЛКОВАГО АПОСТОЛА.

Возлюбленные мои братія и соотечественники, глаголемые старообрядцы! Прошу васъ со слезами: вникните въ святое и Божественное Писаніе, разсмотрите со вниманіемъ святое и Божественное Евангеліе, посланія святыхъ Апостолъ и толкованія на нихъ святыхъ Отецъ, а наипаче святаго и великаго Святителя, Вселенскаго Учителя и покаянія проповѣдника, Іоанна Златоустаго; попецытеся, возлюбленные, о спасеніи душъ вашихъ, подумайте о своемъ горестномъ положеніи, пока еще время не ушло; оставьте свои толки и споры, и послѣдуйте слову Божію, ученію святыхъ Апостолъ, и святыхъ Отецъ правиламъ. Іисусъ Христосъ утвердилъ на землѣ Святую Церковь; святые Апостолы ее по всей земли распространили; а святые Отцы ее оградили и укрѣпили правилами и канонами. Эта Церковь утверждена на твердомъ камени, такъ что врата адова ее не одолѣютъ до скончанія вѣка. Это—корабль, на которомъ

кормчій есть самъ Іисусъ Христосъ, и на которомъ истинные христіане, избранники Божіи, преплываютъ чрезъ житейское море въ небесное отечество; это — ограда словесныхъ овецъ, въ которой находятся съ овцами вмѣстѣ и козлища; это — нива, на которой засѣяна пшеница, а врагъ діаволъ нощію насѣялъ плевелъ; но которую Господь очиститъ во время жатвы, и пшеницу соберетъ въ житницу, а плевелы броситъ въ огонь; это—неводъ, закинутый въ житейское море, въ которомъ обрѣтаются рыбы, добрыя и худыя; это — торжище, въ которомъ производится духовная купля, имѣющая производиться до втораго Христова пришествія, какъ самъ Господь сказалъ: *куплю дѣйте, дондеже пріиду;* это — мѵроварница, изъ которой истекаютъ седмь благовонныхъ и благодатныхъ источниковъ Святаго Духа, то-есть, седмь святыхъ Таинъ, чрезъ Христовыхъ приставниковъ, Апостольскихъ преемниковъ, — чрезъ Патріарховъ и Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, которые приняли сію власть и благодать отъ самого Іисуса Христа, Спасителя міра, а потомъ другъ другу передаютъ, чрезъ хиротонію, эту власть и ключи отъ царства небеснаго. Имъ Господь сказалъ: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 23); и паки: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрѣшите на земли, будутъ разрѣшена на небесѣхъ* (Матѳ. 18, 18.).

Вотъ я привожу вамъ двухъ свидѣтелей, которые говорятъ, что намъ нельзя спастись безъ таинствъ церковныхъ, — Святаго Апостола Павла и святаго Іоанна Златоустаго.

Апостолъ говоритъ къ коринѳянамъ (149 зач.): *Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ Христосъ въ нощь, въ нюже преданъ бываше, пріемъ хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сія чаша новый завѣтъ есть въ Моей крови: сіе творите, елижды аще піете, въ Мое воспоминаніе. Елижды бо аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. II, 23—26.).

Толкованіе Златоуста: «Ибо егда вразумѣеши что тебе ради Господь твой претерпѣ, премудръ будеши. Сіе бо знаменаетъ, глаголя, *елижды аще ясте, смерть Господню возвѣщаете.* А яко даже до втораго Его пришествія пребудетъ, наведе «*дондеже пріидетъ*» (Толковый Апостолъ, печати почаевской, листъ 536).

Еще приведу изъ того-же Толковаго Апостола, на вышесказанныя слова святаго Апостола Павла, толкованіе святаго Іоанна Златоустаго, листъ 542.

«Якоже бо Илія во образѣ остави в Елиссею милоть, въ немже хождаше: тако и Господь нашъ Іисусъ Христосъ оставилъ возлюбленнѣй Церкви Своей одежду драгу, порфиру царску, еюже покры Божество Свое ради спасенія міра, сирѣчь, тѣло и кровь Свою, яко велій даръ, да съ нимъ Богу Отцу предстательствуетъ, творя память смерти Его въ жертвѣ святой, и будетъ причастницею во удахъ своихъ, егда пріемлютъ ю на утверженіе душъ своихъ. Обаче же не тако оставилъ, якоже Илія. Онъ же хотяше милоть испустити, совлечеся съ нея; Господь же нашъ вся могій

съ плотію Своею на небеса взыде (*), и здѣ велицѣй тайнѣ, разумомъ человѣческимъ непостижимый, сій хлѣбъ съ небеси намъ всегда даетъ на жертву, и на пищу, ничесоже себе не умаляющи, съ симъ даромъ предстательствуетъ возлюбленная Христова Богу Отцу, Егоже имѣютъ дару и велія благости, Сына Его возлюбленнаго Своего, въ Немже есть умиренъ гнѣвъ Божій, и родъ человѣческій въ любовь Свою пріятъ. При сей жертвѣ Богу пріятной молимся, да надъ нами умилосердится, не на грѣхи наша, но на страданіе Сына Своего зряще, и намъ да будетъ милостивъ Его ради, Онъ же для насъ бысть Ему послушливъ до смерти, и смерти крестнѣй.

Жертва же, приносимая по всей вселеннѣй въ Церкви христіанской, нѣсть ни едина отъ жертвъ древняго закону, ниже знаменованіе, еже погибе, истинѣ пришедши, но жертва Новаго Завѣта на воспоминаніе смерти Господни, понеже Богъ хощетъ, да память благодѣянія Его не престанетъ, ибо Пророкъ рече: Память сотворилъ еси чудесъ Своихъ: милостивъ и щедръ Господь. пищу далъ есть боящимся Его (**). Сія бо жертва не иноя коея вещи, но тояжде на крестѣ принесенныя; ибо едину жертву принесе совершену, святу. И да не речетъ кто: уже не требѣ жертвы святыя, якоже ложніи пророцы глаголютъ. Юже бо Іерей нашъ Христосъ жертву, насъ очищающую, принесе, туюже и мы приносимъ, яже во оно время принесена бысть. Сіе же творимъ на память, еже уже бысть, ибо рече: сіе творите въ память Мою (***).

(*) Іоан. 6, 62. 3, 13. (**) Псал. 110, 4. 5. (***) Лук. 22, 19.

Въ то бо время, не только родъ человѣческій страшнымъ гласомъ къ Богу вопіетъ, но и Ангелы, и Архангелы молятся, имѣющи сіе время пріятно, и сію святую жертву на помощь; и якоже людіе, носящи ваіа масличныя въ рукахъ, царей къ милости приклоняютъ, ваіями милосердія имъ на память приводяще, тако и Ангели въ то время вмѣсто масличныхъ тѣло возносящи молятся о родѣ человѣческомъ, аки глаголя: о тѣхъ молимся, ихже еси тако возлюбилъ, яко смерть спасенія ради ихъ подъятъ, и душу на крестѣ Богу Отцу предаде.

Ибо жертва видимая есть служба и хвала, яже единому Богу достоитъ, и еюже Богъ бываетъ хваленъ, и понеже древняя есть хвала Божія въ жертвѣ, два братія Каинъ и Авель являютъ, старѣйшаго же жертву Богъ отрину, на юнѣйшаго же жертву призрѣ и пріятъ ю. Ибо языцы разумомъ естественнымъ сіе видяху, и никтоже гордостію вознесшися, но дондеже человѣкомъ себе быти вѣдяше, не повелѣ себѣ жертвы приносити, а еже въ такъ веліе неистовство пришедъ, и возмнивъ себе богомъ быти, таже жертву себѣ повелѣваше приносити. Но, оставивши языковъ, воспомянемъ истинныхъ рабовъ, ониже прославляху Бога, и обрящемъ, яко сія хвала Божія въ жертвѣ бысть изначала міру, и яже до скончанія вѣка будетъ. Еда бо изначала въ законѣ естественнѣмъ не принесе жертвы Авель праведный, не имѣющи еще закону писаннаго? Еда Богъ видимо не извѣсти, яко сію воню благоуханія пріятъ? Еда и послѣди отцы святіи не приношаху жертвы предъ потопомъ? И абіе по потопѣ еда Ной прежде Богу олтаря не содѣла, и на немъ жертвы не принесе? Еда послѣди и прочіи Па-

тріархи, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, далече предъ закономъ Моисеовомъ, и по законѣ отъ Бога на горѣ Синайской даномъ, не приношаху жертвы? Ихже ради прежде бысть Ааронъ іереомъ постановленъ, отъ колѣна Леввіина, и вси сыны его и сыны сыновъ его на іерейство отлучени, и старѣйшій іерейство пріимаше, и того ради нареченъ бысть чинъ Аароновъ, ихже жертвы окровавленныя вси знаменоваху едину жертву, юже Господь нашъ Іисусъ Христосъ на крестѣ Богу Отцу за грѣхи всего міра Собою принесе, и юже имѣху достойность, не отъ себе имяху, но еже и сію едину жертву знаменоваша, и въ сій вѣрѣ приносими бываху.

Но и егда истина явится, тогда знаменіе престаетъ, егда солнце пріидетъ, тогда мракъ погибаетъ. Ибо жертвы вся древняго закону, егда Господь Іисусъ Христосъ на крестѣ имѣ въ жертву Себе принести, имяху престати, и престаша. Понеже днесь іудеи ни церкви, ниже іерея, ни жертвы не имѣютъ, и понеже жертвы іудейскія престати имѣху, единако не хотяше Богъ быти безъ жертвы, дабы сія чести и хвалы не имѣлъ въ Церкви Своей даже до скончанія вѣка. Того ради Господь нашъ Сынъ Божій, новый Іерей изъ иного колѣна, нежели Аароновую, жертвы Новаго Завѣта предаде на тайнѣй вечери, и новыи Іереи, по чину Мельхиседекову, Апостолы Своя постави, и не иныя коея вещи предаде жертву, но тояжде, юже на крестѣ принесе, сирѣчь, тѣла и крови Своея святыя, якоже рече: се есть тѣло Мое, еже за вы ломимое, се есть кровь Моя новаго завѣта, за вы и за многія изливаема во оставленіе грѣховъ. сіе тво-

рите въ Мое воспоминаніе (*); но инымь чиномъ, не кровавымъ, ниже на смерть, но подъ лицы хлѣба и вина, по чину Мельхиседека іерея. Того ради сію предаде, да сія жертва будетъ памятію и обновленіемъ въ сердцахъ человѣческихъ жертвы, на крестѣ принесеныя, страсти и смерти Его, яже до скончанія вѣка, юже прежде вся жертвы отъ начала міру знаменоваху, и Мельхиседекъ бо іерей Бога Вышняго знаменоваше Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Пророка бо рече: Ты еси Іерей во вѣки по чину Мельхиседекову (**). Того ради на крестѣ рече: совершишася (***). Ибо вся пророчествія и знаменія въ Немъ исполнишася, и тако и сему знаменію въ Господѣ нашемъ нужда бѣ исполнитися. Понеже Мельхиседекъ принесе въ жертву Богу хлѣбъ и вино, иныя же ни единыя жертвы не обрѣтаемъ; и того ради сіе въ Господѣ нашемъ исполнися. Не хлѣбъ бо и вино въ жертву Богу Отцу принесе, но тѣло и кровь Свою. Ибо во истиннѣ достоитъ болѣе быти, нежели въ знаменіи, якоже зримъ и въ знаменіи манны, на пустыни данной, яже тѣло Господне знаменоваша. А яже самъ Господь содѣла, сіе и ученикомъ Своимъ и по нихъ сущимъ яже до пришествія Своего творити повелѣ. Ибо аще бы сіе знаменіе Мельхиседека іерея по вечери Господней не исполнилося, тогда индѣ нигдѣже мѣста не имѣетъ. И Пророкомъ бо рече Богъ ко іудеомъ: Нѣсть воля Моя въ васъ, глаголетъ Господь Вседержитель, и жертву не пріиму отъ рукъ вашихъ. Зане отъ востокъ солнца и до западъ его имя Мое славится въ языцѣхъ, и на вся-

---

(*) Лук. 22, 19. (**) Пс. 109, 1. (***) Іоан. 19, 30.

комъ мѣстѣ θиміамъ приносится имени Моему, и жертва чиста: зане веліе имя Мое въ языцѣхъ (*). Глагола Господь, яко не хощетъ уже жертвы отъ рукъ іудейскихъ. И нарече ину жертву Себѣ любезну, треми чинъми написавше: имяше быти между языки, и на всякомъ мѣстѣ и жертва чиста. И си есть та жертва, юже Церковь христіанская, отъ языковъ избранная, приноситъ по всей вселеннѣй Господу Богу, и до скончанія вѣка приносити будетъ, тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа на воспоминаніе смерти Его.

И сіе пророчество довольно на увѣреніе: понеже крѣпко и непреодолѣнно есть. Симъ бо тремъ вещемъ, въ немъ написанымъ, въ единой иной жертвѣ, кромѣ сея, не возможно обрѣстися. Ибо первѣе, не обрѣтается въ жертвѣ Господней на крестѣ; бысть бо не между языки, но во іудействѣ, и не на всякомъ мѣстѣ, но только на единомъ, на горѣ Голгоθѣ, и не всегда, но только единою. Не возможно же сему пріиматися и о жертвѣ хвалы, и о коей иной жертвѣ нашей внутренней: ибо ни едина та жертва нѣсть чиста предъ лицемъ Божіимъ, якоже Писаніе глаголетъ: кто ся похвалитъ чисто имѣти сердце? или кто дерзнетъ рещи чистъ быти отъ грѣхъ (**). И паки индѣ: небо же нѣсть чисто и звѣзды нечисты суть предъ Нимъ (***). И никакоже сего словеси не возможно разумѣти ни единой иной жертвѣ, ниже о жертвѣ Господа нашего на крестѣ, ниже о нашей внутренней или внѣшней. Оттуду является не ина

(*) Мал. 1, 10. 11. (**) Притч. 20, 9. (***) Іов. 15, 15. 25, 5.

жертва отъ Бога чрезъ Пророка проповѣдана (*), только сія, яже отъ вознесенія Господня на небеса и донынѣ въ Церкви христіанстѣй на всякомъ мѣстѣ приносится, жертва чиста тѣла и крови Агнца Божія, Иже грѣха не сотвори, и не обрѣтеся лесть во устѣхъ Его (**).

Ибо исповѣдуемъ, яко Новый Завѣтъ честнѣйшій древняго; онъ бо бысть только сѣнемъ, сій же истиною. Того ради аще тамо бысть жертва вседневная, тогда въ новѣмъ далече лучшая есть и честнѣйшая; ибо Павелъ святый глаголетъ, яко древняго закону преложися священство и законъ, и аще іерейство, то и жертва (***). Ибо сіе вкупѣ бываетъ, единому безъ другаго быти невозможно. Имѣетъ убо Новый Завѣтъ иное іерейство ново по чину Мельхеседекову, еже на Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ начася, якоже древняго закона на Ааронѣ. Имѣетъ же и жертву ину нову, далече честнѣйшую, юже на всякъ день и на всякомъ мѣстѣ Господу Богу въ славѣ и хвалѣ іереями приноситъ. А сія нѣсть ни жертва хвалы, ни сокрушеннаго сердца, ни молитвы, ни милостыни; ибо сіи не суть новыя жертвы, ибо быша въ древнемъ законѣ и въ новѣмъ: но имѣетъ едину жертву нову, въ законѣ древнемъ никогда не бывшую, тѣло и кровь Господню, якоже и самъ Господь рече: сія чаша Новый Завѣтъ Моею кровію, яже за вы проливается. Сію Церковь христіанская присно на всякъ день Богу Отцу въ жертву приноситъ, ради воспріятія благодати и милосердія, на воспоминаніе смерти Сына Его на крестѣ. Исполняетжеся въ семъ знаменіе жертвы

(*) Ис. 53, 8. (**) 1 Петр. 2, 22. (***) Евр. 7, 11.

вседневныя въ церкви Соломоновѣ, въ нейже на всякъ день утро и вечеръ агньца приношаху на жертву (*). Ибо прочія жертвы не на всякъ день, но разными времены приношаше. Сію же жертву новую Господь нашъ самъ нача на тайнѣй вечери; ибо самъ есть іереомъ и жертвою, и посемъ творити ю повелѣ Апостоломъ, и по сихъ сущимъ іереомъ, глаголя: сіе творите въ Мое воспоминаніе. И не только тамо ясти и пити повелѣ, якоже ложнія пророцы глаголютъ, но вся творити повелѣ, еже самъ творяше. И тѣ глаголы, якоже присно Церковь пріимаше, достоятъ ко всему чину вечери Господни. Егда вземъ хлѣбъ, благодари и благослови, и посемъ преломи и даде, и въ семъ, еже *взятъ хлѣбъ благодари и благослови*, жертву сотвори, и посемъ жертву принесши, ломалъ и давалъ; и то все Апостоломъ и іереомъ творити повелѣ. Ибо аще тамо только ясти и пити повелѣ, да исповѣдятъ ложнія пророцы, гдѣ посвящати повелѣ. Понеже безъ знаменія креста честнаго, или освященія слова Господня, имже вся бысть, тайнѣ статися невозможно. И тако хощутъ ли имѣти тайну, нужда имъ исповѣдати, яко Господь симъ глаголомъ: *то творити*, не только ясти и пити повелѣ, чтò есть послѣдняго, ино чтò есть первое, посвящати и жертву приносити. И отъ Апостола же накажемся сему, яко прежде быти подобаетъ жертвѣ тѣла и крови Господни, нежели пріятіе. Ибо тако глаголетъ: *чаша благословенія, еяже благословляемъ, не общеніе ли крови Христовы есть? хлѣбъ, егоже ломимъ, не общеніе ли тѣлу Христову есть* (**)*?* И да не разумѣеши, аки просто пити и

(*) Числ. 28, 3—8. (**) I Кор. 10, 16. 18. 20. 21.

ломати безъ жертвы, якоже еретицы творятъ, и абіе наведе отъ древняго закону, да лучши вразумѣеши. *Видите,* рече, *Израиля по плоти: не ядущіи ли жертвы обещницы олтареви суть?* Откуду зриши, яко въ древнемъ законѣ по жертвѣ пріимаху то, еже бываше приносимо на олтарь. Такожде и въ Новомъ Завѣтѣ, по жертвѣ тѣла и крови Господни причастницы бываютъ прежде іерей, посемъ же и прочія вѣрнія.

Еще же сіе и лучши вразумѣеши, егда прочія словеса Апостоловы разсмотриши, имиже завѣщаетъ жертвѣ бѣсомъ приносимыхъ, различіе полагающи между чашею жертвы Господни, чашею жертвы бѣсовскія, между жертвою трапезы Господни, и жертвою трапезы бѣсовскія, ибо тако глаголетъ: *зане яже жрутъ языцы, бѣсомъ жрутъ, а не Богови: не хощу же васъ обещники быти бѣсомъ. Не можете чашу Господню пити, и чашу бѣсовску, не можете трапезѣ Господни причащатися, и трапезѣ бѣсовстѣй.* И что̀ же чаша бѣсовская? только питіе, идоломъ приносимое. Что̀ же трапеза бѣсовска? только пища, идоломъ обѣщанная, еже языцы творяху. Что̀ же есть чаша Господня? только ейже іерей глаголы Господними благословляетъ, и Богу въ жертву приноситъ, чашу завѣта въ крови Господни въ лицы̀ вина. Что̀ же трапеза Господня? — только пища душевная тѣла Господа нашего Іисуса Христа, Господу Богу въ лицы̀ хлѣба жертва принесена. Якоже и самъ Господь жертву принесе, и сія жертвы чистыя, сія трапезы и чаши Господни христіане баваютъ причастниками. Якоже бо людіе израильтескія подъ сѣнемъ причастницы быша олтаря, и жертвъ плотскихъ, Господу Богу

приносимыхъ, и якоже языцы быша причастниками вещей, бѣсомъ приносимыхъ, ядуще и піюще ихъ.

А понеже не на всякъ день, и не тако часто христіане къ вечери Господни приступаютъ, якоже прежде бысть, не сего ради имѣетъ престати вседневная жертва на воспоминаніе страсти Господни: ибо іерей всегда жертвы причащается, прочіи же сущіи при семъ умиленнѣ страсть и смерть Господню воспоминающи, мысленнѣ ея причащаются. Тѣло же истинное и кровь истинная, яже Господа нашего Іисуса Христа есть; ибо Павелъ святый глаголетъ: *живо слово Божіе и дѣйственно* (*). И: *вся елика восхотѣ Господь, сотвори на небеси и на земли, въ моряхъ и во всѣхъ безднахъ* (**). Речено: *да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ, да будетъ небо, и бысть. Словомъ Господнимъ*, рече Пророкъ, *небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его вся сила ихъ*. Сіе же Слово предвѣчное Бога Отца, *Имже вся быша* на небеси и на земли, рече: *сіе есть тѣло Мое*, тѣмъ же Словомъ и нынѣ и присно хлѣбъ обращается въ плоть Его святую чрезъ естество, ибо Слову Божіему покорено и послушно. Егда присно за благодѣяніе и откупленіе Церковь благодаритъ, и намъ пользы умножается, егда вкупѣ съ Церковію, аки многоцѣнну масть страсти и смерти Господни чрезъ плястръ тоя жертвы святыя на язвы и немощи грѣховъ нашихъ себѣ прикладаемъ.

Но еретицы глаголютъ: дарова намъ Господь единою оставленіе грѣховъ чрезъ жертву на крестѣ, и уже намъ жертва на воспоминаніе смерти Его нѣсть полезна, ниже потребна. — Тогда такожде возможно

(*) Евр. 4, 12. (**) Пс. 134, 6.

быти глаголати: уже не треба крещенія, ни покаянія, ниже разрѣшенія отъ іерея, ни причащенія Тѣла и Крови Господни, и прочая, ихже ради Господь Богъ даетъ намъ благодать Свою, и отъ грѣховъ оставленіе. Ибо того ради намъ отпущеніе грѣховъ дарова на крестѣ святомъ, да Его въ вѣрѣ истиннѣй чрезъ сію жертву вседневную страсти и смерти Его, аки отъ источника неисчерпаемаго, присно черплемъ, понеже присно согрѣшаемъ.

Но еще еретицы глаголютъ: меньшому большаго на жертву приносити невозможно.—Кто же большій, Христосъ, или человѣкъ? Чесо ради и они суще меньшими, приносятъ на жертву большаго? Истину рече святый Павелъ, и ничтоже дивно, ибо сама правда чрезъ его глагола, яко еретицы не вѣдятъ, что глаголютъ и о чесомъ утверждаются, I Тим. 1, 7. Что бо иного есть жертва, только съ чимъ Господу и Творцу своему предстательствуеми, и Ему честь и хвалу воздаемы, себѣ же благодать испрошаемъ, да въ молитвахъ нашихъ милостивѣ пріяти будемъ? Понеже и естество человѣковъ наказа, да удобнѣйшій приступъ и слышаніе у господей своихъ имѣютъ, и не тако то, еже имъ обѣщаемо, якоже себѣ присвоиваемо, при семъ же обѣщаеми, ласки и милосердія себѣ просимъ, и яко большій есть даръ, таче честнѣйша жертва и Богу любезнѣйша, и того ради Богу Отцу тѣло и кровь другую Сына Его въ жертву приносимъ, понеже сами себе ничтоже очію Господнихъ достойнаго не имамы. Богъ же не хощетъ, да тощно предъ лицемъ Его явимся.

И паки еретицы глаголютъ: како въ жертву возможно приносити Егоже не имамы? — Но и азъ во-

прошу: како могутъ пріимати Егоже нѣсть? Мы же Тѣло и Кровь Сына Божія имамы на пищу отъ неизреченныя благодати Его, и ни единъ вѣрный не сумнится о семъ силою слова Его, имже небо и земля и вся быша. Тожде имамы и въ жертвѣ: даде бо намъ тѣло Свое на откупленіе и на пищу въ странничествѣ нашемъ.

И еще глаголютъ еретицы: да тѣло и душу нашу, а не Господне тѣло Господу Богу приносимо (*).— Но мы вѣмы всѣмъ наученіе святаго Апостола Павла, и елико мощно по силѣ нашей исполняемъ. Сія жертва, о нейже глаголемъ, не враждаетъ сего, но намъ воспоминаетъ и приводитъ насъ, да вси плоти и душу нашу съ тѣломъ и въ тѣлѣ Господа нашего Богу въ жертву приносимъ, якоже уды съ главою, безъ неяже бы непріятна, негнушательна жертва была.

Глаголютъ же и сіе еретицы, яко уже не приносятъ они въ жертву Христа, только пріемлютъ и ядятъ тѣло Его и піютъ кровь Его. —Но соблажняются о семъ, ни въ жертву бо не приносятъ, ниже пріемлютъ тѣло Господне. Понеже іереовъ въ благочиннѣхъ посланныхъ не имѣютъ. Аще бы и имѣли отъ насъ отбѣгшихъ, единаче тайны безъ единости Церкви христіанскія ничесоже суть, ибо всѣмъ отлучившимся отъ единенія Церковнаго Богъ Пророкомъ рече: послю на вы клятву, и прокляну благословеніе ваше, и окляну è, и разорю благословеніе ваше, и не будетъ въ васъ (**). Сирѣчь: положу клятву на благословеніе ваше, имже тайна совершаема бываетъ, ибо Церковь Божія есть, якоже глаголетъ Писаніе, вертоградъ за-

---

(*) Рим. 12, 1. (**) Мал. 2, 2.

ключенъ, и источникъ запечатлѣнъ (*). И того ради невозможно нигдѣже тайнѣ совершатися, только во единости Церкви Божія, еяже между сонмищи еретическими нѣсть. Тогда и тайны ни единыя въ нихъ нѣсть, развѣ крещенія святаго отъ нихъ, еже тако есть достойно, яко крещаемаго отъ нихъ, егда приходитъ къ соединенію Церкви, паки крестити не требѣ; аще ли не пріидетъ къ Церкви, ничесоже ему нѣсть полезно.

И паки глаголютъ еретицы, не разумѣюще словесъ Апостола святаго: *идѣже отпущеніе сихъ, ктому нѣсть приношенія о грѣсѣхъ* (**); и наводятъ: Господь намъ дарова отпущеніе на крестѣ, того ради не требѣ иныя жертвы; и вопіютъ, яко ни единому на сіе невозможно имъ отвѣщати.— Но не безъ вины рече Пророкъ о сатанѣ въ лицѣ Моавъ: «слышахъ укоризну Моавлю, укоренъ бысть зѣло, презоръ отверже, не тако волхвованіе твое, не тако восплачется Моавъ» (***). Зри же, яко разстаетъ сіе все предъ истиною Божіею, аки снѣгъ предъ солнцемъ. И уже прежде мало нѣчто на сіе отвѣщахъ, нынѣ же свойственнѣ на словеса Апостольская отвѣтъ дамъ. Вопрошаю: кому тамо Павелъ глагола? Іудеомъ. О чесомъ глагола? О жертвахъ древняго закону по чину Ааронову, ихже Павелъ святый являетъ, яко *уже мѣста не имутъ*. Чесо же ради? Ибо оныя жертвы знаменаху отпущеніе грѣховъ чрезъ жертву, еже на крестѣ бысть. И понеже отпущеніе и примиреніе уже исполнися, того ради не требѣ уже оныхъ жертвъ, но жертва, юже прино-

(*) Пѣсн. 4, 12. (**) Евр. 10, 18 (***) Ис. 16, 6. 7.

сить по всей вселеннѣй Церковь христіанская, нѣсть ни едина отъ оныхъ же жертвъ древняго закону, ниже знаменіе, еже погибаетъ, истинѣ пришедши, но есть жертва Новаго Завѣта, на воспоминаніе смерти Господни.

Еще же бѣснующися глаголютъ еретицы, яко Литоргія есть мерзость Божія, яже, по Писанію, въ царствѣ антихристовѣ имяше стати на мѣстѣ святомъ. Но да возмутъ сполна словеса у Матѳея (*) святаго: ибо тамо тако рече Господь: *егда узрите мерзость запустѣнія стоящу на мѣстѣ святомъ*. Да разсмотряемъ же и словесъ Даніила святаго. тако глаголетъ: о времени же премѣнену учащенія дній тысяча двѣстѣ девятьдесятъ (**). Зриши ли, яко мерзость запустѣнія не есть свята жертва, любезна и пріятна Богу, но спустошеніе ея, еже содѣлаетъ антихристъ предъ пришествіемъ Господнимъ, свой образъ на то мѣсто поставивши? И уже сіе спустошеніе посланныя отъ него ложнія пророцы начинаютъ, и отъ сего познаваемъ, яко уже день Господень близко. Ибо егда бысть спустошена послѣднее жертва вседневная, въ церкви Соломоновѣ уставленная, о коемъ спустошеніи такожде Господь въ Евангеліи глагола, и Даніилъ Пророкъ: абіе преста, и скончася царство іудейское, и храмъ разорися. Такожде, егда будетъ спустошена сія святая жертва, еже не въ церкви Соломоновѣ, но по всей вселеннѣй отъ востоку солнца и до западу его, по словеси Пророческому (***), отъ Господа въ Церкви Его повелѣна, тогда и міръ скончается. И что бысть въ знаменіи жертвы церкви Соломоновы,

---

(*) 24, 15. (**) 12, 11. (***) Мал. 1, 11.

сіе совершеннѣй исполнится въ самой истинѣ и въ вещи знаменованой. И уже начинаютъ посланныи отъ антихриста, сына беззаконія, онже не тако долго пребудетъ, якоже еретицы показуютъ на пастырехъ церковныхъ, но токмо толико дней, якоже выше отъ Даніила речеся. И сіе же явственнѣйши время извѣсти, сирѣчь, три лѣта и шесть мѣсяцей, понеже Писаніе часъ лѣто тамо нарицаетъ. Іоаннъ святый такожде четыредесятъ и два мѣсяца полагаетъ (*); но не ꙋ конецъ. Яже самъ пріидетъ, и съ нимъ исполнится мерзость вседневнаго запустѣнія сія жертвы святыя на воспоминаніе смерти Господни. Надѣюся, яко уже вразумѣете что̀ есть мерзость запустѣнія. Да заградитъ же лукавство уста своя, и не глаголетъ срамная и ложная на Церковь Христову.

До-здѣ изъ Толковаго Апостола.

Сіи слова изъ толкованія святаго Іоанна Златоустаго разсмотрите со вниманіемъ, и разберите ихъ сущность, возлюбленные мои братія, называющіе себя старообрядцами! Вы иногда оскорбляетесь на то, что Святая Христова Церковь называетъ васъ раскольниками. Но это она дѣлаетъ еще по материнскому снисхожденію. Ибо раскольникъ еще близокъ къ Церкви, стоитъ подлѣ самыхъ вратъ церковныхъ, да не хочетъ въ нее взойдти. А святый великій Святитель, вселенскій учитель, Іоаннъ Златоустый прямо называетъ еретиками тѣхъ, которые не имѣютъ Епископовъ и священниковъ благочиннѣ посланныхъ, а только однихъ отбѣгшихъ отъ Церкви, а наипаче—которые и вовсе

(*) Апок. 13, 5.

не имѣютъ священства, и не приносятъ жертвы Тѣла и Крови Христовой, подъ видомъ хлѣба и вина, и которые называютъ святую Литургію мерзостью и запустѣніемъ. Воистинну они сами, по Златоусту, еретики мерзки, и пусты благодати Святаго Духа. А Церковь Христова есть вертоградъ заключенъ и запечатлѣнъ, и она вратами адовыми не одолѣема.

Сія книга, *Толковый Апостолъ*, разныхъ толковниковъ, печати старообрядческой, печатана въ типографіи Почаевской, отъ сотворенія міра въ 7292 году, съ рукописнаго славянскаго, а переведена съ древняго греческаго.

Еще вы, возлюбленные мои, называющіе себя старообрядцами, укоряете Святую Христову Церковь за то, что она принимаетъ всѣхъ грѣшниковъ, и въ нее иногда входятъ тайные и явные еретики. Но прочитайте вашей же печати Толковый Апостолъ, слово святаго Іустина, глава 5-я, листъ 685. «Едины зрятъ на повелѣніе, еже принуждаетъ казнити согрѣшающихъ, и не давати святая псомъ, и преслушающаго Церковь имѣти аки язычника и мытаря, и отъ единости тѣла удъ творящій претыканіе изъяти, и тако волненіе творятъ, и миръ въ Церкви Святѣй возмущаютъ, хотящи прежде времени исторгнути плевелы, симъ же соблазномъ ослѣплени суще, сами вскорѣ отъ единенія Христова отлучатися. Нѣцыи же добрыхъ и злыхъ смѣшеніе въ Церкви указанныя или превозвѣщенныя увидѣвши и наказавшися повелѣнія терпѣнія, еже насъ тако зѣло крѣпкими творятъ, да аще и узримъ въ Церкви плевелы, обаче симъ не вреждается вѣра и любовь наша: понеже

видящи плевелы въ Церкви, не исходимъ отъ Церкви, и не отдѣляемся.»

Тояже книги, святаго Іустина глава 6-я, листъ 686: О еже ради лукавыхъ человѣковъ не подобаетъ отъ Церкве Святыя отлучатися.

«Мы же паки непщуемъ, яко истиною учащему подобаетъ съ обѣихъ свидѣтельствъ Писанія святаго разсужденіе имѣти, да и псы въ Церкви, ради покою церковнаго, претерпимъ, и святая псомъ не дадимъ, и ради нерадѣнія старѣйшихъ, или ради нѣкоихъ неотмѣнныя вещи, еяже изглаголати невозможно. Ибо и въ тайнѣ ходящихъ злыхъ въ Церкви обрѣтаемъ, ихже церковною казнію наказати и вмирити не мощно. Обаче же въ сердце наше не внидетъ сіе нечестивое и вреждающее дерзновеніе, имже быхомъ восхотѣли отъ нихъ разлучитися, да грѣхами ихъ не осквернимся, и прочихъ съ собою не отлучимъ, аки чистыхъ и святыхъ учениковъ отъ единенія, аки отлученыхъ, отъ клевретовъ и сожительства злыхъ. и да воспомянемъ оныя съ письма святаго подобія и глаголы Божія зѣло несумнительныя, имиже повелѣся и предвозвѣстися, яко злымъ въ Церкви смѣшеніе съ добрыми даже до кончины міра и до дня суднаго будетъ, и яко добрыхъ въ единости и въ причастничествѣ догматовъ съ ними сущихъ, и дѣлъ ихъ не творящихъ, и ничесоже вредятъ.»

До-здѣ изъ Толковаго Апостола.

II.

ВОСПОМИНАНІЕ

О РАЗГОВОРѢ СЪ БЕЗПОПОВЦОМЪ ПОМОРСКОЙ СЕКТЫ
ВЪ 1825 ГОДУ (*).

Въ одинъ день, изъ Макарьева монастыря пошелъ я въ монастырь Малиновъ Островъ, и шелъ одинъ верстъ тридцать,—все лѣсомъ; снѣгу напало столько, что дороги не видно было, а никто еще не проходилъ. Тогда было 7-е число ноября. Пришедши къ одному монастырю, я спросилъ: какой это монастырь? мнѣ сказали, что безпоповщинской поморской секты. Былъ уже вечеръ: я спросилъ: далеко ли монастырь— Малиновъ островъ? Мнѣ показали его не вдалекѣ: но пройти туда было не возможно; болото замерзло, а ледъ еще не поднимаетъ. И Малиновъ островъ не нашего толка, а такъ называемаго діаконовскаго; но

(*) Упоминаемые въ семъ Воспоминаніи монастыри: Макарьевъ и Малиновъ Островъ, равно и Безпоповщинскій, находятся въ Стародубскихъ Слободахъ въ Черниговъ. губерніи. Въ то время мнѣ не было еще 20 лѣтъ отъ роду.

мнѣ желательно было тамъ ночевать, нежели у перекрещиванцевъ, хотя они меня усильно просили укрыться у нихъ отъ ночи. Я боялся ихъ споровъ; ибо какъ пошелъ изъ міра, то обѣщался о вѣрахъ ни съ кѣмъ не спорить, а только избрать тихое и безмолвное мѣсто ради своего спасенія. Однако нужда меня заставила войти въ монастырь; а наипаче меня упросилъ одинъ юноша, урожденецъ города Кишинева, какбы землякъ. Онъ привелъ меня къ себѣ въ келью, гдѣ я и расположился ночевать. Ходилъ я къ вечернѣ, но едва простоялъ, потому что очень усталъ и духомъ былъ не спокоенъ. Поужинавши и пришедши въ келью, оба собирались уснуть; но старики раскольники не дали, стали толковать о вѣрахъ: ибо они обрадовались, что я къ нимъ пришелъ: это-де нашъ, когда попался къ намъ. Я всячески упрашивалъ, чтобы дали мнѣ покой, и говорилъ, что въ своей вѣрѣ сомнѣнія не имѣю. Хозяинъ, видя, что они нейдутъ изъ кельи, оскорбился на нихъ, выгналъ ихъ вонъ, и заперъ двери; и мы уснули спокойно. На утро былъ воскресный день, и праздникъ святыхъ Архангеловъ. Я ходилъ къ утрени и къ часамъ; послѣ обѣда хотѣлъ было идти въ путь, но меня мой хозяинъ задержалъ, и просилъ, чтобы я сходилъ къ ихъ настоятелю, и поблагодарилъ за хлѣбъ-за соль. Мнѣ очень не хотѣлось идти; ибо зналъ, что тамъ безъ пренія не обойдется; однако противиться не сталъ.

Настоятель весьма меня обласкалъ: вотъ, думаю, готовится сѣть, которою помышляютъ уловить меня. Собралось къ нему нѣсколько братіи, и онъ началъ меня спрашивать, откуда я, и куда иду? Я ему раз-

сказалъ все: онъ предложилъ, чтобы я остался у нихъ навсегда жить. Я сказалъ ему: спаси Христосъ за всѣ ваши привѣтствія и страннолюбіе, но остаться у васъ никакъ не могу.

Безпоповецъ. Почему же ты не хочешь у насъ остаться? Развѣ что̀ ты у насъ замѣтилъ худое?

Я. Потому что вѣра ваша отъ нашей совсѣмъ другая; въ вашей вѣрѣ я не имѣю никакой надежды спастися; а я, для спасенія души своей, оставилъ домъ, имѣніе, и родителей, и свою сторону: вотъ поэтому и не могу у васъ остаться.

Безпоповецъ. То правда, что наша вѣра другая, но вѣра самая истинная, древняя христіанская: ибо мы вѣру Христову держимъ крѣпче васъ: у насъ книги и иконы самыя древнія, также и напѣвы и чины церковные всѣ соблюдаемъ старинные. Почему же ты сомнѣваешься у насъ спастися?

Я. Я не отвергаю, что вы вѣруете во Христа, и имѣете древнія книги и иконы; это я вижу и самъ. Но во Христа вы вѣруете только на словахъ, а на дѣлѣ совсѣмъ не вѣруете Ему. Также хотя книги у васъ и древнія; но вы имъ не послѣдуете, и не творите того, что писано въ книгахъ: ибо у васъ нѣтъ ничего того на дѣлѣ, что̀ написано въ древнихъ книгахъ.

Безпоповецъ. Какъ ты говоришь, что мы вѣруемъ во Христа только на словахъ, а не на дѣлѣ? Развѣ у насъ нѣтъ древняго Евангелія? Развѣ мы его не читаемъ ежедневно? Развѣ мы не читаемъ древнихъ книгъ; и не исполняемъ, что въ нихъ написано? Ты самъ стоялъ вчера вечерню, и сегодня утреню и

часы: развѣ ты не видѣлъ, какъ мы все исполнили, что написано, и что повелѣваетъ уставъ церковный?

Я. Какъ не видѣть? Вы вѣрно по чину монастырскому все исправляете: но вѣра истинная христіанская не въ томъ только состоитъ, чтобы соблюсти чины и обряды церковные по уставу святыхъ Отецъ, и по чину общежительныхъ монастырей, а въ догматахъ вѣры, которые должны быть согласны съ Словомъ Божіимъ и съ ученіемъ св. Отецъ. Хорошо — содержать чинъ и обрядъ монастырскій, но—въ единой, Святой, Соборной, Христовой и Апостольской Церкви. Знаю, что вы и Евангеліе древнее читаете ежедневно, но читаете вы его, видится мнѣ, на большее себѣ осужденіе: потому что вѣру содержите совсѣмъ противъ Божественнаго Евангелія. Не пребываете вы въ Святой Христовой Церкви, которую Христосъ основалъ и утвердилъ сими словами: *врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18.); не имѣете вы святыхъ церковныхъ седми таинъ, безъ которыхъ Церковь быть не можетъ; также не имѣете лицъ священнаго чина, которымъ Господь препоручилъ власть совершать въ Церкви святыя тайны, и ключи отъ царства небеснаго, давъ власть рѣшить и вязать, и которыхъ намъ повелѣлъ во всемъ слушать, сказавъ: *слушаяй васъ, Мене слушаетъ: отметаяйся же васъ, Мене отметается: отметаяйся же Мене, отметается Пославшаго Мя* (Лук. 10, 16.). Вотъ по этому Господню слову вамъ спасеніе не надежно потому что вы не имѣете ни церкви, ни священства, но отъ всего отметнулись, и, стало быть, отметнулись отъ Самого Іисуса Христа.

Безпоповецъ. Какъ мы церкви не имѣемъ? У насъ

церковь есть, и таинства церковныя, хотя и не всѣ. Развѣ стѣны называются церковію? Святый Іоаннъ Златоустъ въ Маргаритѣ сказалъ, что церковь — не стѣны и покровъ, а вѣра и житіе. Мы вѣруемъ во Христа, и житіе проходимъ строгое; по этому намъ спасеніе надежное.

Я. Я и самъ очень хорошо знаю, что Церковь Христова истинная — не стѣны и покровъ, но вѣра и житіе; и какой безумецъ можетъ сказать, что одни стѣны и покровъ безъ истинной вѣры и догматовъ церковныхъ могутъ быть почитаемы Церковію? Хотя бы была и весьма великая устроена храмина, убрана и украшена, хотя бы и великія тамъ были собранія: но ежели тамъ нѣтъ вѣры истинной и догматовъ согласныхъ Слову Божію и церковному преданію; то та храмина или домъ не можетъ назваться церковію, и ваша часовня, въ которой вы сегодня служили, отнюдь не можетъ именоваться церковію, хотя она и велика и преукрашена, и много въ ней иконъ: ибо въ ней нѣтъ вѣры и догматовъ согласныхъ Слову Божію, ученію Евангельскому, ученію Іисуса Христа и Его св. Апостолъ; она не освящена рукоположенными іереями; нѣтъ въ ней священниковъ совершать богослуженіе, не приносится въ ней истинная жертва новоблагодатная — тѣло и кровь Христова. Итакъ нѣтъ у васъ ничего, ни вѣры истинной Христовой, которая предана во Евангеліи, ни житія по Евангелію, ни догматовъ соборныхъ; не можете вы называться и христіанами, и спасенія надежды у васъ нѣтъ.

Безпоповецъ. Это такъ, что у насъ церкви найдти трудно, потому что нѣтъ священства рукоположеннаго и церковныхъ таинствъ; но развѣ нѣкоторые святые

древніе не спаслись безъ церкви, и безъ таинствъ, и безъ священства, и безъ причастія? И нынѣ, развѣ не можно намъ спастись безъ церкви, и безъ священства, и безъ причастія тѣла и крови Христовой?

Я. Воистину, никто не можетъ спастися, и получить царствіе небесное внѣ Христовой, Святой, Соборной, Апостольской Церкви, безъ священства, и безъ причастія тѣла и крови Христовой. А ежели кто такъ мудрствуетъ и утверждаетъ, что можно спастись безъ Церкви, и безъ священства, и безъ причащенія тѣла и крови Христовой: тотъ явный еритикъ есть и противникъ Богу, и Божественному Евангелію, и всему Святому Писанію: ибо церковь Свою Самъ Христосъ основалъ на Петрѣ, то есть, на камени. Сими словами Іисусъ Христосъ означилъ, что утвердилъ Церковь Свою на твердомъ и непоколебимомъ основаніи. Спаситель Самъ изъяснилъ, чтò есть: на камени. *Врата адова не одолѣютъ ей* (Матѳ. 16, 18.), т. е. ни гонители, ни лжеучители, ни ереси, ни расколы, ни самъ діаволъ, со всѣми бѣсовскими силами, одолѣть ей не могутъ. И святый Апосполъ Павелъ сказалъ, что *Глава Церкви* Самъ *Христосъ* (Еф. 5, 23.) и Онъ *Спаситель тѣла*, то есть, Церкви. И Онъ Спаситель далъ Церкви Своей приставниковъ, священный чинъ, которыхъ поставилъ на это служеніе на тайной вечери, когда Онъ Самъ совершилъ свою новозавѣтную Литургію и приносилъ новоблагодатную жертву—тѣло и кровь Свою, подъ видомъ хлѣба и вина, бывъ священникъ по чину Мелхиседекову. Онъ изрекъ Апостоламъ: *пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое за вы ломимое; и пійте вси: сія есть Кровь Моя за вы и за многія изливаемая* (Матѳ. 26, 26. 27.): *сіе тво-*

рите въ Мое воспоминаніе (Лук. 22, 19.). Сими словами далъ Онъ священному чину силу и власть приносить эту жертву и преподавать другимъ, и творить сіе въ воспоминаніе Господа, то есть, на всегда до скончанія міра будетъ приносима жертва, и священный чинъ долженъ быть другъ другу пріимательно передаваемъ чрезъ хиротонію. А, по воскресеніи своемъ, Іисусъ Христосъ дунулъ и сказалъ Апостоламъ: *пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите, держатся* (Іоан. 20. 23.). Здѣсь Спаситель препоручилъ имъ и ключи отъ царства небеснаго, и далъ полную власть. Онъ еще прежде страданія Своего обѣщалъ ихъ утѣшить и облечь властію, когда говорилъ имъ: *аще любите Мя. заповѣди Моя соблюдете; и Азъ умолю Отца, и иного утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, духъ истины, егоже міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ его, ниже знаетъ его, вы же знаете его, яко въ васъ пребываетъ, и въ васъ будетъ* (Іоан. 14, 15. 16. 17.). Этими словами Спаситель обѣщалъ, что Духъ Святый, исходящій отъ Отца, облечетъ ихъ Своею силою, уполномочитъ властію, и пребудетъ съ ними въ вѣкъ, то есть, навсегда, до втораго Господня пришествія. По предреченію Господа и сошелъ Духъ Святый въ день Пятьдесятницы на святыхъ Апостоловъ въ огненныхъ языкахъ, и преисполнилъ ихъ духовными дарами, и властію, и силою; и дѣйствуетъ нынѣ чрезъ лица освященныя, и совершаетъ всѣ таинства церковныя, и до скончанія вѣка дѣйствовати ими будетъ, по слову Господню: *куплю дѣйте, дондеже* (Лук. 19, 13.) возвращуся, во второе славное Свое пришествіе; тогда уже потребую отъ всѣхъ от-

четъ. Вотъ кто вратари и ключники и приставники ко вратамъ царствія небеснаго! Только при ихъ руководствѣ и единою дверію намъ можно взойти въ него; а другаго входа нѣтъ, хотя вы и усиливаетесь проломать.

Также безъ причастія тѣла и крови Христовой спастись не возможно, по слову Господа; ибо Онъ прямо и ясно сказалъ: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53.). Ясно паче солнца, что кто не причащается тѣла и крови Христовой, тотъ вѣчно погибшій человѣкъ.

Отъ явленія во плоти Самого Христа Спасителя, и по сіе время, никто не взошелъ другою дверью въ царствіе небесное, кромѣ Церкви Христовой, и никто не получилъ спасенія безъ священства и таинствъ тѣла и крови Христовой. Самые святые, прославленные Церковію, по большей части, были святители, священномученики, патріархи и епископы, имѣвшіе санъ священства. А хотя спаслись многіе и простые; но и тѣ были истинныя и вѣрныя чада Святыя Христовы Соборныя Церкви; не гнушались и не бѣгали отъ Церкви и отъ священства и отъ таинствъ Тѣла и Крови Христовой. Напротивъ даже, иные какъ за Христа, такожде и за Церковь проливали кровь свою. Святая Церковь не признала бы тѣхъ и святыми, которые чуждались ея и святыхъ таинствъ. А хотя о нѣкоторыхъ великихъ пустынножителяхъ повѣствуется, что они не имѣли при себѣ священниковъ, и не причащались Тѣла и Крови; но они не чуждались Церкви, и не убѣгали отъ священства, и не гнушались святыми тайнами; они только бѣжали отъ міра и его

соблазновъ, а духомъ всегда пребывали въ Церкви, и когда случалось быть близъ церкви и священства, то спѣшили причаститься Святыхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовой. Такой примѣръ явно показали святая Марія Египетская, и Өеоктиста, яже отъ Лезвы, и Петръ Аөонскій, хотя и великую имѣли благодать Святаго Духа. Марія уже по водамъ ходила, какъ по суху; но пришла изъ пустыни и причастилась отъ рукъ Зосимы, не смотря на то, что въ монастырѣ нѣкая ересь была, какъ и сама Зосимѣ замѣтила. Сіе не было ей препятствіемъ; но, принявши святое причастіе, сама прочитала молитву: нынѣ отпущаеши рабу свою, по глаголу твоему, съ миромъ, и прочая.

Безпоповецъ. Это, конечно, такъ, во время полнаго благочестія безъ сихъ трехъ вещей: безъ Церкви, безъ священства и безъ причастія Тѣла и Крови Христовой, трудно, и даже невозможно пребыть: поэтому мы и сами о себѣ приходимъ въ сомнѣніе; но надежду спасенія полагаемъ въ томъ только, что это все было написано во время полнаго благочестія. Когда же въ 1666-мъ году возобладалъ повсюду антихристъ и настало царство его: тогда вся благодать взялась на небо, и мы остались не при чемъ. А какъ въ Писаніи сказано, что во время антихристова царства ни церквей, ни священства, ни таинъ Тѣла и Крови Христовой не будетъ; то по этому мы и живемъ уже не по правиламъ и не по Писанію, а только надѣемся на одно Божіе милосердіе.

Я. О Боже мой, до какого безумія вы дошли! уже въ бездну совершеннаго мрака низринулись съ своими кривыми толками. Вы не только убѣжали изъ Христовой Церкви, и, оставивъ священный чинъ и отверг-

нувъ всѣ святыя тайны, идете противъ святыхъ Отцевъ, пастырей и учителей церковныхъ; но и самое Божественное Евангеліе ни во что вмѣняете, и Самимъ Сыномъ Божіимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ сказанныя словеса испровергаете и не вѣрите имъ. Чрезъ это самое вы подобны еретикамъ, и сами сущіе еретики. А ежели вы не еретики, то почему же не вѣрите Божіимъ словесамъ? Вы ежедневно читаете Евангеліе, и всегда оглашаетъ ваши уши повѣствованіе, какъ Господь непоколебимо утвердилъ на камени Церковь Свою. А ежели, по Господню слову, *врата адова* Церковь *не одолѣютъ* (Матѳ. 16, 18.); то и антихристъ одолѣть ее не можетъ, и она должна стоять незыблемо до втораго Христова пришествія.

Также подобно, и священный чинъ утвердилъ Самъ Господь. Препоручивши пастырямъ власть и силу Свою, и ключи отъ царствія небеснаго, Онъ обѣщалъ ихъ облечь силою Духа Святаго, Который, по слову Гозподню, будетъ съ *ними во вѣкъ* (Іоан. 14, 16.), то есть до скончанія вѣка. Также, ниспославъ имъ дары Духа Святаго, повелѣлъ имъ *куплю* духовную *дѣять, дондеже пріидетъ* (Лук. 19, 13.), то есть, когда пріидетъ во второе Свое пришествіе судить живыхъ и мертвыхъ. И по слову Господню, будутъ они, лица священнаго чина, дѣять духовную куплю, сирѣчь, рукополагать, крестить, мνромъ помазывать, исповѣдывать и грѣхи разрѣшать, и причащать святыми тайнами—Тѣломъ и Кровію Христовою, до скончанія вѣка, до втораго пришествія Христова, и Духъ Святый съ ними будетъ; и антихристъ не возможетъ ихъ истребить и уничтожить. Когда возносился на небо Господь Іисусъ Христосъ: тогда далъ, въ лицѣ Апо-

столовъ, всему священному чину радостное обѣтованіе, пребыть съ ними до скончанія вѣка (Мато. 28, 20.). Если же Самъ Господь будетъ со священнымъ чиномъ до скончанія вѣка; то антихристъ и съ самимъ сатаною діаволомъ сдѣлать ничего не можетъ; ибо одного крестнаго знаменія діаволъ трепещетъ, кольми паче Самого Господа Бога.

Господь на тайной вечери, преподавъ Апостоламъ Тѣло и Кровь Свою подъ видомъ хлѣба и вина, сказалъ имъ, а въ лицѣ ихъ и преемникамъ ихъ, т. е. всему священному чину: *сіе творите въ Мое воспоминаніе* (Лук. 22, 20.). Ежели, по вышереченному, имя Господне будетъ воспоминаться до втораго Христова пришествія; то и жертва сія безкровная, Тѣло и Кровь Христова, будетъ приноситься до втораго Христова пришествія. И святый Апостолъ Павелъ сказалъ, что жертва Христова безкровная, Тѣло и Кровь Христова, будетъ приноситься, *дондеже пріидетъ* (1 Кор. 11, 26.), сирѣчь, до втораго Его пришествія. А когда, по вышесказанному, будетъ приноситься Тѣло и Кровь Христова до втораго Христова пришествія: то и антихристъ истребить это не можетъ.

Какъ же вы говорите, что при антихристѣ ничего священнаго уже не будетъ? Не явно ли вы противитесь слову Божію и всему Божественному Евангелію? Не явные ли вы еретики? Къ вамъ относится, что̀ и сказано въ Катихизисѣ Большомъ, печатанномъ при Филаретѣ Патріархѣ: «*Вопросъ*: почему познавати еретики? *Отвѣтъ*: аще кто не имѣетъ истиннаго пристанища, рекше, Святыя, Соборныя, Апостольскія, Христовы Церкви: вотъ тотъ самый и еретикъ!»

Еще вы криво толкуете, противоборствуя всему Свя-

тому Писанію и святымъ всѣмъ Отцамъ, что якобы антихристъ пришелъ 1666 года, и говорите, что онъ будетъ царствовать много сотъ лѣтъ. Царство антихристово святые изочли годами, и мѣсяцами и днями. Въ одномъ мѣстѣ сказано: три года съ половиною; въ иномъ: четыре десять два мѣсяца, а въ другомъ: тысяча двѣстѣ шестьдесятъ пять дней; а гдѣ сказано шестьсотъ шестьдесятъ шесть, тамъ означается число имени антихриста, а не время его появленія, то есть, что въ этомъ числѣ будетъ состоять имя антихристово. А вы толкуете совсѣмъ противно Святому Писанію (*).

Еще вы толкуете, якобы антихристъ сядетъ въ Церкви Христовой. Нѣсть тако: святый Апостолъ Павелъ говоритъ, что не въ Христовой новоблагодатной, но въ Церкви древней Іудейской. Святый Кириллъ Іерусалимскій пишетъ такъ объ антихристѣ: «якоже сѣсти въ Церкви Божіей. Въ которой убо Церкви? въ разоренной, глаголетъ, жидовской, а не въ сей, въ ней же мы нынѣ есмы.» Святый Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ о антихристѣ сице: «якоже ему сѣсти въ Церкви Божіей, показующе себе, яко богъ есть (2 Сол. 2, 4.). Въ Церкви же Божіей глаголяй, не въ нашей, но въ ветсѣй Іудейстѣй, глаголетъ; не къ намъ бо, но къ Іудеемъ пріидетъ, ниже за Христа, но на Христа; ея же ради вины и антихристъ глаголется.»

Итакъ, по всему Писанію, съ которой стороны ни посмотрѣть, вамъ угрожаетъ погибель, и вамъ спасенія надежды нѣтъ.

(*) Объ антихристѣ см. *Сказаніе о странствіи* ч. I. гл. 87.

Безпоповецъ. Охъ, братъ, ты молодой человѣкъ, а языкъ твой острый, и много ты начитанъ, и память твоя велика. Конечно, такъ, что по Писанію вамъ предъ Богомъ оправдаться трудно; но что будемъ дѣлать, гдѣ возьмемъ Церковь и священство? Вотъ и ваша Церковь, къ которой ты принадлежишь, также не права предъ Богомъ по Писанію, какъ и наша; ибо и ваша Церковь отнюдь не согласна съ словомъ Божіимъ и съ Евангеліемъ. Отнюдь невозможно вамъ свою Церковь называть Соборною. Апостольскою и Христовою; ибо она не согласна съ ученіемъ Евангельскимъ и со словомъ Божіимъ. Іисусъ Христосъ, какъ ты и самъ упомянулъ, первыхъ посвятилъ въ священный санъ Своихъ святыхъ Апостоловъ, и имъ препоручилъ ключи отъ царствія небеснаго, и имъ предалъ таланты, чтобы куплю дѣяли, и всѣ таинства церковныя совершали; и съ ними обѣщался быти до скончанія вѣка, Апостолы же святые препоручили свою власть и достоинство Епископамъ, которыхъ они хиротонисали въ сей санъ, и оставили послѣ себя наслѣдниками и преемниками, и чрезъ нихъ-то благодать Святаго Духа изливается на всю Церковь, и они совершаютъ Таинства Церковныя. Но какъ у васъ нѣтъ Епископа, то и нѣтъ ничего, ни Церкви истинно Христовой, ни священства, отъ Христа преданнаго, ни Таинствъ церковныхъ, и вы сами такъ же пусты, какъ и насъ признаете. Хотя вы и имѣете Церковь, но это только одно названіе Церкви, а не существо, потому что Церковь истинная безъ Епископа существовать не можетъ. Священство ваше недостаточное: одни попы и діаконы. Какъ же можетъ быть священникъ и діаконъ безъ Епископа? Каждый

младшій происходитъ отъ старшаго; ежели нѣтъ старшаго, то младшій отъ кого произойдетъ? Дѣти раждаются отъ отца, а ежели нѣтъ отца, то и дѣтей нѣтъ. Такъ равно и ваши попы: ежели въ Великороссійской Церкви благодати Святаго Духа нѣтъ; то вашъ попъ отъ кого же ее получилъ? скажи-ко ты мнѣ. Ежели же въ Великороссійской Церкви благодать Святаго Духа, по Господню обѣщанію, и теперь есть и будетъ: то она и истинная; а ваши попы все-таки пустые; потому что они отъ своей Церкви бѣжали, и отъ своего Епископа отлучились безъ благословенія, и Епископовъ своихъ прокляли и отреклись отъ нихъ; а Епископы ихъ отлучили отъ Церкви. По правиламъ же святыхъ Отецъ, каждый священникъ, отлучившійся безъ благословенія отъ своего Епископа, подъ запрещеніемъ и проклятіемъ находится. Теперь скажи-ко мнѣ: чѣмъ ты свою Церковь оправдаешь? и какъ она можетъ назваться истинною и согласною Слову Божію, по Евангелію? Воистину ты никакъ не можешь защитить того, что̀ ни съ чѣмъ несогласно.

Я. Да, это для меня задача самая трудная и неразгадаемая, и оружіе обоюду острое, и я противъ того ничего не могу сказать, что Епископъ необходимъ для Церкви, и для спасенія человѣческаго. Но что буду дѣлать, когда у васъ и у насъ его нѣтъ? Видно такъ и быть. Только скажу, что̀ наша Церковь, хотя есть и непрямая дорога Евангельская, и не согласна съ Словомъ Божіимъ, однакоже и не прямымъ путемъ ведетъ въ ту сторону, куда показываетъ Слово Божіе. А ваша секта безпоповщинская совсѣмъ идетъ противъ слова Божія и Евангелія, и все то отвергаетъ, что̀ писано во Евангеліи. Видно, уже мы

одинъ съ другимъ не согласимся, а только будемъ имѣть преніе, которому и конца не будетъ; а мнѣ пора идти въ путь и искать себѣ пристанища. Итакъ благодарю васъ за хлѣбъ-соль и за теплый ночлегъ; прощайте.

Когда я пошелъ вонъ; онъ сказалъ: «иди, иди, братъ; а надѣюсь, что ты, по своему разуму и памяти, можешь найдти правый путь въ царство небесное.

И я отправился въ путь, въ городъ Новозыбковъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

3 2044 010 363 307